Анатолий МОЖАРОВСКИЙ

Штрих и прочерк

Анатолий Можаровский

Штрих и прочерк

Київ
2014
Неопалима купина

УДК 821.161.1-1
ББК 84.4(2Рос=Рус)6-5
М75

Можаровский А.И.
М75 Штрих и прочерк. *Поэзии.* — К.: «Неопалима купина», 2014. — 384 с.
ISBN 978-966-2002-2

Новая книга Анатолия Можаровского — попытка поэта глубже войти в жизнь и изменить ее собственным видением, собственной правдой.

УДК 821.161.1-1
ББК 84.4(2Рос=Рус)6-5

Ответственный редактор
Михайло МАЛЮК

В оформлении книги использованы фотоработы
Михайла МАЛЮКА

ISBN 978-966-2002-2

© Можаровский А.И., 2014.
© Малюк М.М. предисловие, 2014.
© Урбанская С.Г., художественное оформление, 2014,
© «Неопалима купина», 2014.

ПОЭЗИЯ КАК ПРЕДВИДЕНИЕ

"Человека можно возвысить, человека можно наделить божественным началом, так что постепенно он уподобляется Богу и научается управлять собой. Да будем продолжать совершенствовать наши институты и тем возвышать людей до тех пор, пока демократия не достигнет совершенства и мы не сможем истинно сказать, что голос народа есть глас Божий".

Эндрю Джонсон.
Президент США

Поэзия — суверенная область художественного творчества, в которой всплескам эмоций, экстазам самоупоения или проповедям поэт обязан противопоставить новые перспективы видения мира, выявить его глубинные изменения. Поэзия — особый тип художественного мышления, обладающего цельностью, зрелостью, всеохватностью, глубиной, новизной. Как писал П.Б.Шелли: "Поэзия — самая верная вестница, соратница и спутница великого народа, когда он пробуждается в борьбе за благодетельные перемены во мнениях и общественном устройстве."

А ещё поэты обладают предвидением.

Они видят глубже и дальше тех, кто мнят себя политиками и вершителями судеб стран и народов.

Поэт, исходя из концентрированного личного опыта, оказывается способным выразить всеобщую правду о человеке, которую никто не хотел бы знать, — правду, не требующую украшательств, разглагольствований о гуманизме, высотах духа, прогрессе, правду о гигантской профа-

нации духа, о вакханалии бессодержательных идей, о крахе идеалов, о холостом ходе истории.

Всё это есть в книгах Анатолия Можаровского. Как никому другому ему удалось передать гнетущую атмосферу разочарования и безысходности воцарившуюся в Украине да, собственно, и на всем постсоветском пространстве. До крайности обозлён народ засильем властей, циничным грабежом. Всё больше людей живёт так, что все дни их жизни — постные пятницы. И — теснота! Честному человеку ногу поставить некуда, а ведь человек желает жить в некотором просторе и на твёрдой почве. А где она, почва-то? Возрастает уныние... Прислушайтесь: о чем говорят? Идёт всеобщее соревнование в рассказах о несчастии жизни, взвешивают люди, кому жить тяжелее. До хвастовства доходят, до ярости: "Мне хуже!" — "Нет, врешь, мне!" Ведь это хвастовство для оправдания будущих поступков... "Грядёт бунт!" — неоднократно предупреждал поэт. Нельзя жить в постоянной тревоге, что завтра всё полетит к черту и вы окажетесь в мятеже страстей, чуждых вам. Страх незащищённого человека перед созданным бандитской властью порядком отбирает будущее, а из отсутствия будущего вырастают ужасы настоящего: скепсис, ирония, утилитаризм, крайний эгоизм. Каждый замыкается в себе и гребёт под себя, начинается пир во время чумы. Происходит обезличивание людей, распад индивидуальности, апокалиптический рост бюрократии — и всему этому каждый вынужден ставить заслон лишь в форме собственного "я".

Анатолий Можаровский — поэт, возросший на традициях украинской народной культуры и истинно христианском мировоззрении. Он очень тонко чувствует неспра-

ведливость, неправедность современного мира, где забыты и осмеяны Божьи Заповеди, как главные моральные ориентиры, где деньги превратились в овеществлённое насилие, особую, гибкую, высокоразвитую и вездесущую силу. Шрам за шрамом оставляет мир на тончайшей душе поэта, и она отвечает на это ещё большей восприимчивостью к жизни: наши драгоценности внутри нас, а не вовне. Он верит в многомерность человека и его способность преодолеть и победить самого себя. Беспощадные силы, противостоящие человеку, действуют не извне, а изнутри самого человека. Социальные преобразования ничего не меняют, ибо не меняют источник зла в мире — человека. Виновен каждый и все. Искать бесовщину вне её носителей — деформировать мир.

Угнетение человека безмерно, но главный угнетатель — сам человек. Мотив совиновности каждого — величайшая этическая идея, наиболее трудно усвояемая человеком, главные качества которого — слепота и нетерпимость. Анатолий Можаровский говорит об этом искренне и честно, иногда, может, даже излишне эмоционально, используя и недостаточно нормативную лексику. Это вызывает критику и обвинения в "непоэтичности" его стиля, аморальности текстов. Но искренность и честность не могут быть аморальны. Аморальность — это когда лгут.

Каждый человек из собственного опыта знает как трудно быть откровенно правдивым даже в обыденной жизни, как трудно подобрать нужные слова и интонацию, и как легко врать — откуда и берутся красивые слова!

В литературе, а в поэзии особенно, сказать правду многократно труднее. Это пережили многие великие писатели. Вот признание Мартена дю Гара: "Когда я начинал пи-

сать, я очень старался писать хорошо. Иногда мне это удавалось. Во всяком случае, я писал лучше, нежели сейчас. Но чем больше я работаю, тем больше убеждаюсь, что, если настойчиво стремиться как можно полнее выразить правду, нужно отказаться от излишних забот о стиле. Правда, точная правда о сущности человека так сложна, так легко ускользает, так трудно уловима! Когда вы углубляетесь в эти таинственные области, чтобы извлечь на свет тысячи мелочей, составляющих правду, вы забываете о тщательной отделке фразы: нужно, чтобы слова были просты, чтобы они сами сходили с пера, отражая ход мысли и поиски исследователя."

Стиль Анатолия Можаровского — это сверхреальность в её движении и изменчивости, где передаваемое душевное состояние приобретает многомерность, жизнь — полноту, время — ощутимость.

Анатолий Можаровский постоянно использует библейские символы, христианскую мифологию, ибо убеждён, что только с помощью библейских символов искусство может убежать от пустоты и мелководья слишком сознательного устройства вещей в обилие и глубину природы и человека. Использование библейских символов, проведение постоянной параллели между современностью и древностью есть способ контролировать, упорядочивать, придавать форму и значение тому громадному зрелищу тщеты и разброда, которое представляет собой современная история. Видя потрясающее одиночество человека, его тревоги, озлобленность, беспримерный холод, жадность к деньгам, равнодушие и жестокость отличающие наше время, он всё же не теряет веру в человека, в его сознательный выбор между Добром и Злом, его личную победу над дьявольщиной в душе.

И это случилось. Восстал Майдан. Люди, казалось бы принципиально необъединяемы, ибо их волновала не солидарность, а хлебность, вспомнили о своём человеческом достоинстве, о божественном начале в своей душе.

Сегодня мы живём уже в другой Украине. Хотя многое еще предстоит сделать, чтобы страна действительно стала другой.

Михайло МАЛЮК

***

Ненасытно и жадно
я вгрызаюсь в бумагу,
и ручка моя
как меч
или острая сабля.
Мне б слова ещё
как рваные молнии
на страницы тетради,
а потом, по живому,
через душу и сердце
того, кто читает.
Чтобы всем донести
правду об истине,
об утраченной совести,
о любви только плотской,
о потерянной гордости
и гордыне-находке,
что так вмиг подменила
милосердие радости
и бесчестьем затмила
умы псевдоясности.
Я бы смог и оставил
все заботы себе.
Я писал бы и правил
о бесконечной войне,
что зашла в наши
страны злом коварным
и хитрым.
И под маской страданий
за народ идут в битвы.

Кто быстрей и проворней
околдует их долею,
о которой мечтали
и в которой пропали
как в пустыне
бескрайней
в год потерь урожайный.
А потери людские
на компьютере цифиркой,
где души нет.
Живые лишь руки
обслуживающие
экран электронный
холодом дикости.
А головой мысли бегают
о вечеринке и выпивке,
Мне слова бы
как молнии...
Но то Бога награда,
а я в буднях и
праздниках называю
себя
христианином
недостойным по правде
только мне одному
знаной.
Но я называю себя
христианином...

Бог простит всех,
кто обратится к Нему
за помощью
и с покаянием.
Богу нужны упорные
и трудолюбивые
ради
блага страны и людей.
Терпение и вера...
Вера и любовь...
Мне бы слова
как молнии...

15.10.2013

***

Ленин стоит под трубой.
Мартены готовятся в бой
слить юбилейный металл.
— Их скоро заменят конвекторы, —
так наш верховный сказал.
А олигарх меж вождей
наполнен массой идей
поздравляет завод,
ветеранов и молодёжь.
Ветераны в красных
бантах во всю грудь.
Их чествуют!
Во, блин, дают!
Сталь идёт за рубеж
за доллары, евро мировых цен,
а рабочим — копейки за труд.
Остальное олигархи
здесь рвут
и празднуют как октябрь
научил.
Головы рвёт от мучил.
А Ленин стоит как стена,
белый как мел.
От сюра и идиотизма сгорает страна.
А олигарх несёт
свою речь — бандит, а как
партийный бонза
далёких брежневских лет.
Во технологии гром
в политическом смысле куём!

А по экономике — швах,
как немец сказал бы про нас.
И музыка совлетимпер
льётся победными маршами
городом.
Вот и поверь тому времени
с этим как смесь:
комсомолобандиты
парят мозги люду.
Биты лежат в углу
для продвинутых,
а остальным — награды железные,
флаги и вымпелы.
Народный артист из США
и заслуженный с Англии
в джазе запели стихи
современных поэтов страны.
Ух ты!
И народный артист из
Берлина,
бывший наш,
но уже гражданином
стал он немецким давно,
тоже поёт как в кино.
И льётся портвейн
с белой в стаканы,
и музыка льётся,
и славят
железо и, вроде, людей.
А по улице трётся злодей,
чтобы снять с пьяных часы,
можно шапку, иль кошелёк,
но отклеились у бедняги усы.

Празднуй, город, не спеши,
ещё споёт шансон
артист из Воркуты.
Ещё футбол твоей мечты,
ещё стаканы быдлоты
зальют дешевым пойлом.
Не свисти
ты, мент, напрасно —
у нас чудо-праздник.
Олигарх теперь хозяин,
а ты, мент лишь,
здесь жандармишь;
лучше выпей и залей,
гуляй, брат, с нами,
не робей!
Мы ж рабочий ещё класс!
Ас!
Ас!
Ас!
На вертолёте главковерх
пошёл в вираж.
То ли пьян, то ли винт
напополам,
то ли баба с ним,
блин, там.
Ас!
А Ленин пошёл
вновь в народ.
Плюётся и водочку пьёт.
Навесил усы как грузин
и шляпа латиноса.
Брысь!

Дети, не дрочить —
это Ленин!
Он учить будет снова
всю страну:
что и как.
Потом ему написать,
блин, клич под сто,
и готовить главный стол,
если выдержит народ.
Ну, а нет —
тогда — вперёд,
то есть вниз,
там ждёт тот,
что сварганил этот лот.
Праздник смеси гуляют:
от советов в капиталжлоб
всё смешалось в оборот,
перекрутилось.
— Закрой рот! —
кричит мужик.
— Закрой рот! —
а он стоит
в бронзе лихо на коне.
Но рот открыт —
то челюсть оторвали,
снесли в металлолом,
вот и кажется, что
рот открыт у ём.
Но мужик кричал,
пока спецназ его не взял.
А памятник остался
до утра.

Ночью что-то ещё сорвут
с него.
— Ура! —
крики в городе.
Гулянье.
— Ура!
Праздник — славы выставлянье
мизерных своих подвижек.
А люди пьют,
но Ленин ходит, ходит
и что-то, чувствую,
всё-таки он видит...

17.10.2013

***

— Народу.
По роду.
Рожу.
Рожу,
или урода народу,
в среду, по роду
таких же как все,
вам снова
рожу.
А папа — гулящий,
заезжий,
о нём я потом расскажу...
Топот копыт,
пыль вновь летит,
а по брусчатке
искрит
от удара подковы,
и мы прикурить здесь
готовы.
Сидим у дороги.
Летят вновь полки,
то ли гвардии новой,
то ли штыки
Белой, в остатке
в гражданской войне
как в безумства достатке.
Здесь было всё, что
придумали черти.
Храмы горели,
и священники местью
всеобщего зла
на дыбу вставали.

— Не жалейте патронов,
прапорщик Матов!
Добавьте огня,
поручик Когдатов!
Наденьте штаны,
генерал Адьютантов!
Снимите погоны,
капитан Водкохватов!
А в штабе другом
знамя всё делят
комиссар Табаковский
и комдив Зверев,
и рвут его в части,
срывая с себя
одежды остатки,
и одевают коня
главного ставки
от реввоенкома.
Конь стал командармом,
а командарм стал
конём.
И прут приказы ржаньем
в телеграф,
и прут дивизии абы просто
так.
А на белых берёзах
анархисты сидят.
Голые, босые
и Ленин в руках —
с ним подписали новый
устав:

по нём будут бить
белых, раз так.
А потом Ленин сольёт
всю гурьбу
пулями в лоб
и по утру
трупы в степи —
воронам снедь.
А остатки Махно
уйдут, как теперь
уходим и мы,
или уходят нас.
И я обрываю одежду
на вас,
рву из себя
грязный кафтан.
Был подмастерьем,
сейчас атаман
фракции фрикций
в фрикционном огне
депутатских наитий.
О, горе с них мне!
Здесь мир "понятий",
под столб, бля, закон,
и тащится пыль,
а в ней эшелон,
таких же кухарок
и прислуги с орды.
Их вновь подняли
наверх,
и бразды в виде
верёвок и флагов для шей,
и столовок советских

с супами
и хлебом со ржи
ещё со столетней
той прошлой гражданской
войны,
которая в новую влилась
рекой,
и везде жабы, змеи, ужи.
И их кровь
собирают в посудины
для ставки, где штаб
заседает годами.
И мовой, цинично,
звучат приказы
на русский язык,
а русский — всё матом,
он так привык
от бесконечных
предательств страны,
от ухарства плебса
и стойкотла сатаны.
И рвутся верёвки
в копытах коня,
командарм рвёт
всем глотки
жалея себя,
и сабля от крови
весит как конь —
на ней закипел
целый полк
ненужных потерь,
или списанных в доски.

Война спишет всё,
и не только пули, пилотки.
Война спишет бабу
на корм атаману,
а атаман спишет
саблю себе по карману
и дом построит
у самой реки,
чтоб править здесь
нищими,
а их — полки,
идущих в поклоне,
колени в песок.
— Подайте! Подайте,
хоть на чаёк!
А им — кровь из жабы,
ужа и змеи
шприцом вводят в вену,
чтобы ушли
из этого мира
в мир тот,
им чужой,
там вроде бы Бог есть,
но Он им не свой.
Свой у них
конь
и командарм.
Свой у них флаг,
рваный опять пополам,
свой у них штаб
и ставка своя.

Свой у них мир
и весна для коня,
чтобы пожрать
сытно травы
и оседлать командарма.
Мечты.
Мечты сбываются
и нет.
И чёрным станет
белый свет,
а белый черным —
никогда.
Омыть всю грязь
уже нельзя,
лишь только вновь
война, война.
— А чья победа? —
спрашивает командарм,
обожравшийся травы,
у пьяного коня...

18.10.2013

***

Кони в яблоках
ушли
с этой земли.
Остались бледные как смерть
облезлые индюки.
И перья их несёт
туманный ветер,
как листья в листопад.
И эти
набундюченные индюки
философию свою несут.
Реки не хватит
омыть порядки,
омыть законы,
омыть короны,.
омыть троны.
Да и зачем?
Мы так привыкли,
от всех нас пахнет...
Вышли те времена,
когда на воздух
шла волна людских потоков
очистить бронхи,
очистить легкие
и прогуляться вечерком.
Сегодня проще.
И волоком тащат себя
кто куда:
кто в клуб ночной,
а кто в бордель —
массаж с литой
из силикона шлюхой.

А кто в пивной
и с сигареткой
под звук музона
пьёт, и звона
ждёт в голове
перед отключкой.
Индюк облезлый,
птицеподобный,
на троне
да в короне,
помётом метит
ковры и кресла
в которых тоже сидят.
А кто же?
Да индюки.
Кони в яблоках ушли.
Табун летел как ураган
куда-то вдаль.
Кому-то жгло всё это
сердце,
кого-то рвало на части.
Этих было мало,
а остальным, что большинством
демократическим с баблом
себя назвало,
и эти кони,
и яблок пятна —
по барабану.
Была бы феня
да лопата,
которой с жару тянут
цепь златую,

а дальше в цех
по обработке
ума людей,
чтобы сдались
и превратились
в птиц больших и очень жирных
для кулинарных магазинов,
и богатели с них,
и жили
индюки по рейтингу другие...

18.10.2013

***

В сетях на сайте
деньги собирают
для киллеров, что выжидают
и тренируются в стрельбе
убить Обаму и других
политиков.
Везде.
И запугать
политиков,
как пуганы были не раз
Гитлером и Сталиным.
Газ из России не на
кон стола,
войска из НАТО
не из-за угла,
и мир исправить
снова страхом,
чтобы политик испугался
и послужил.
Бог шельму метит.
И без Бога грех ведь
решать кому здесь
жить и кому нет.
А ночью дом мой трясло
как в эпицентре
землетрясения в пять баллов.
На крыше приземлялись
звездолёты
по порядку:
то Обама,
то монархи из Европы,

то лондонские правители,
то готы,
то римляне древние,
то римляне прямо с Колизея,
то Сталин, Гитлер,
то российские — все вместе.
Собрал их в парке,
где памятник Шевченко,
под видом возложения цветов.
Били барабаны наши
от казаков
из Сечи ещё той, настоящей.
Казаки сегодняшнего дня
пришли в мундирах и
наградах.
А простые казаки
с косами, граблями и вилами,
что смыслу здравому вопреки,
в барабаны ими стучали.
— Смотри, какой-то
голову памятнику
хочет отсечь!
Политики дрожали
и держались из
последних сил.
Я им объяснил:
— Меняйте мир,
и Бог должен восстать
заместо вас,
и ваша власть —
от Бога
через его Слово.

Тогда и киллеры
не в страх.
А так, как всё сейчас —
это на час,
по меркам космоса
на два,
но тех же всё часа.
А так мир катится
давно вперёд
туда, где пал
не один народ,
и не одна страна.
Рассеет Бог и вас
и ваши имена.
История полна
таких примеров.
И Сталин вышел
ко мне на сцену.
Сбросил казака с косой
рубившего голову Тарасу:
— А он чэй? —
спросил Иосиф.
Но казаки молчали
в ночь и в осень.
— Убрать!
Дурак!
Какие люди!
Какой позор здэсь жит!
И как мы будэм?
Слушайтэ поэта
и пишитэ:
жизнь новая вот-вот
начнется.

И смотритэ:
с вами или без вас.
А киллеры —
то профанац.
Дурак! Какой дурак!
Потом взял слово
Юлий Цезарь,
и тоже говорил
о мире этом,
об ужасе, что
после смерти Бога
две тыщи лет
болтает мир
как ту пирогу
у индейцев,
то на волну,
то вниз,
а то и корм крокодилам.
— Цыц! —
орал Петр Первый.
— Россия встанет!
Вы мне верьте!
Иначе я срублю голов
и четвертую!
На дыбу вшивых
прохóдимцев!
— Чую, чую... — сказав хтось
з української орди.
— І ми туди.
і ми сюди.
Ти, Петю, допоможи...

— В больницу Павлова!
И всем! —
сказал Петр Первый,
и совсем расстроенный
заплакал...
Какой позор Руси!
А Киев древний —
в олигархов.
И свет, вода, земля
в их грязных копытах.
А где, народ великий
твой, Тарас Шевченко?
Где казаки?!
— Та тута ми... — ледь чутно
проскавчали ті.
А інші, старші, всі в мундирах —
в кущі,
в кущі
та по машинах.
Усама БезЛаден
їх тротилом та базуками.
Війна!
Горіло все кругом,
а він стріляв,
стріляв,
аж поки Обама його не спинив
і щось пообіцяв.
...Окончили мы встречу
на рассвете.
Все пообещали
изменить себя и этих,

что холуячат наверху
и вниз дают команды.
И разлетелись все.
А я, уставший,
молился Богу
за весь мир,
за всех людей,
особенно богатосильных.
Птицы пели на земле
вокруг меня
и зорко ловили
взгляд и все мои слова.
О, Бог мой!
О, моя земля!

20.10.2013

***

Я на пенсии лет пять.
В парке лавочки стоят,
и на них мне отдыхать:
то газеты полистать,
то компьютер погонять.
Рядом женщина опять.
Вся в соку как остров летом,
и лицо её об этом
говорит мне без конца:
— Ну, попробуй, я пришла!
Но я так, чуть, сквозь очки
греюсь взглядом,
но души мне не хватит
на неё.
Душа занята давно,
еще в дни тех лет
по стрёму,
когда я по комсомолу
на Москве
и близ Кремля
банком стал.
О, ля-ля!
Это были времена!
Старый дом под евремонтом,
сталинские колонны,
эскорты
и кирпич — кумач-полотном.
А внутри-то — е-моё!
Полно девок!
От модели до модели
лёгких планеров и вело...
А мужчины все — банкиры,
с коммунистов...
Ели, пили,
одевались.

Деньги шли рекой,
терялись на плотинах
чинодеров и властей
высоких в мире.
Я худел
и вновь жирел.
Отмывал,
стирал,
потел.
И текли ручьи на Запад
на счета нашим
ребятам-демократам.
А с народа драл,
урода,
в пирамиды,
что учили
ещё в школе —
отмочили операцию
не раз
на сухих простынях рвач,
и ручьём гнали снова,
а народ нёс деньги
с долгу,
и почему-то мне опять.
Ну дурак!
Я кидаю, обираю,
а он носит!
Пропивает что-то тоже,
но в банке счет.
Смеюсь.
Негоже мне, великому такому,
с нищих, глупых,
утробу
наполнять
и туда пихать, пихать.

Но несли. А мы их гнали
и с бюджета отрывали
сытые куски
и транши всех кредитов
атаманши
денежной Европы-мамы,
и со Штатов,
и с Панамы
от продажи коки в нал.
Сколько я бабла прогнал
на Москве,
на Петербурге,
на России,
с Украины в Украину,
а потом назад, в офшоры,
своим братьям с комсомола.
Раньше было:
я — рабочий,
в нас династия
и прочее —
ветераны и медали.
А я — БАНК!
И трали-вали —
все династии, медали
мишурой сегодня стали.
Деньги — знамя!
Деньги — власть!
Деньги — сила!
Деньги — сласть!
А я — БАНК!
Я их в себе
держу, храню.
Хочу — дам,
хочу — возьму
и ещё в себя добавлю.
Во мне сила
сил всех вместе.

Ко мне зависть —
полпланеты.
Мне все бабы
дать готовы
всё, что есть у них.
Я для них —
о ё-моё!
Но потом мы пережрали,
много бабок оторвали
и спустили в Еврозону.
Там наш дом второй,
и доны, фрейлины, мадам —
там гуляем.
Господам — ширь благ.
...Лопнул я.
Но так,
условно.
Зданьем цел
и эскадроном
сталинских колон
у входа,
девками внутри
и всеми,
кто трудился
мне на сердце
ради тела —
блага высших.
Но пустой стал.
Деньги вышли.
Новой властью
не вкачали,
и лицензию
забрали.
А теперь я, как и все.
Деньги там, в зарубеже.

А здесь пенсия и отдых
на скамейке
иль на море,
но без девок.
Не люблю я это делать.
Что в нём проку,
сексе этом?
Я ведь БАНК
пенсионерный,
я их выше всех
и вся.
Деньги — гордость
от себя.
БАНК ВЕДЬ Я!
А пенсия, условная
моя —
за рубежом, в валюте,
лежит ещё не
одна эта страна...

20.10.2013

***

Мария!
Ты сказала мне по телефону
о том, что любишь меня.
Спрашиваешь, когда
я приду к тебе.
Если бы ты знала о силе
моей любви к тебе!
Это уже грех...
Ибо она часто сильнее
любви к Богу.
Но Бог простит меня,
ибо ты — Его дитя,
а значит частичка Его
замысла.
И природа твоя тоже
Божественная.
Бог всемилостив,
Его любовь и терпение
безграничны —
нам их не осознать
своими человеческими
чувствами и умом.
Советский Союз строил
мир будущего,
а его будущее оказалось
гробом.
А покойники — то бишь мы —
озверевшими, безумно
бездуховными,
жестокие и эгоистичные
творения, рвущие свой
кусок под солнцем.
Мы ненасытны.
Мы каннибалы и убийцы.

Кровь льётся в канализацию
и засыхает на асфальте
пока дождь её не смоет
опять же в канализацию.
Советский Союз пал
от неправды.
Неправда — зло.
Мы строим новый мир
на песке старого фундамента,
и вместо раствора —
слюна и слёзы.
А, может, невозможно
ничего построить?
И наши попытки тщетны?
И мы напрасно рвали
сердце и нервы.
Может, это норма жизни?
Ведь ей тыщи лет.
Но мы встаем и
мечтаем,
ищем и пытаемся.
Мы боремся с собой
и монстром вне себя.
Все, кто стоит больше
миллиона — монстры
и бандиты.
При Советском Союзе
все, кто хотел хорошо
одеться и покушать,
шли на поклон к
торговой мафии,
будь-то партработник,
милиционер, работник культуры.

Работники культуры,
звездящие или чадящие,
любят роскошь —
одежда, еда, украшения,
секс.
Они не изменились.
Говорят со сцен или
телевизора о чем-то духовном,
но это люди
абсолютно земной
субстанции
мира чувств и страстей.
Их духовность — ноль.
Глухой ноль и мертвое
пространство.
Сегодня они ради денег
поклоняются властям.
И эффект тот же —
собственная сытобогатая
жизнь.
Секс, роскошь.
А власть и бизнес стреляет,
режет, закапывает.
А кровь — вверх и вниз.
Семьи рушатся,
создаются новые,
а сзади кровоточащие
руины старых семей
и дети в крови,
а затем — как Бог даст.
Но Бог ждёт.
А к Нему мало идёт.
И мало хочет.

Ведь с Ним так
жить нельзя.
А по другому как?
Сейчас — значит без Него.
Он нам не попутчик
и не помощник.
Дела наши — злы,
и строительство наше —
ложь и обман.
Каждый рвёт себе
и под себя.
Слава Богу,
человек смертен.
Это большое земное
счастье для созидающих.
Уходят добрые и злые.
Уходят умные и глупые.
И все на круги своя.
Сделать мир лучше —
значит, с Богом.
А с Богом, значит,
по Его Слову:
милосердие и любовь.
А у нас много оружия
и жажда власти,
и жажда всё себе и для себя.
Небо кровоточит.
Мой лист бумаги
в крови, капающей
из моего сердца.
Я думаю.
Я хочу.
И не могу по-другому.
Я подлец?

Нет, я подобен животному.
Но животные безгрешные.
И снова ошибаюсь.
Пью вино и засыпаю.
Сон тяжелый и страшный.
Безысходность бытия.
Революция.
Революция уже была.
Революция — это я.
До конца.
До лучшего конца.
Правда — наше знамя.
Истина — наш герб.
Но с Богом.
Хоть это и трудно.
Без комиссаров
и судей.
Они всегда продажные.
Бог взвешивает души.
Ад здесь, и мы в нём.
Рай внутри нас,
в Боге.
Но нам — ад, и ложь, ложь!
Человек, не иди!
Стой!
Я не полицейский.
Но стой, подлец!
Мир качается.
Природа умирает.
С неба капает кровь.
Это слёзы Бога.
Остановитесь все!
Каникулы размышлений.

Но мы все, как
сорвавшиеся с цепи,
бежим
опять за цепью,
но цепью уже вечной.
Она и остановит.
Аминь...
Средина ночи.
Дождь омывает город.
Его ручейки стекают
по стеклу окна.
Потрясающе красиво.
А где-то кровь смывается
дождём и течет в канализацию.
А кто-то хочет
изменить мир.
А кто-то нет.
А что делать с тем,
кто не хочет?
Всё повторяется.
Нет ничего нового
под солнцем.
Вопросы, вопросы...
А ответ один —
покаяние и жизнь в Боге.
Другого пути у человечества
нет.
Многие не хотят.
Но кто-то хочет...

20.10.2013

***

Блуд.
Блудливость рук.
Блудливость чувств.
Блуждает совесть.
Сердце вдруг
ныряет в блуд.
И все вокруг
тянут друг друга
в блуд
то там,
то тут.
Здесь вырос новый
спрут —
жизнь-блуд.
И глаз моргает —
нырни во блуд!
Блудить готов!
Доклад главштаба
в главнарком,
и холостой себе патрон
в рулетке русской,
а потом смеяться
с дурака, что
согласился поиграть
и смерть себе нашёл,
поверив в счастье,
что патрон мимо пройдёт
его мозгов.
А барабан был полон-полн,
забит не один в него
патрон.
И блуд блудить пошел
в ревком,
чтоб революцию потом
блудливой похотью
в патрон,

а всех их, страждущих,
на кол, вытесанный из их
тупых голов.
Блуждает совесть,
и главком
кричит
о счастье на потом,
а блуд вращается
орлом,
переодетым им хамлом
из мерзкой жабы,
и кайлом уже не уголь
бьют,
а сон по самой середине,
прямо в грудь,
и сон как иней
под солнцем тает бытия,
а грудь отверста.
И я бегу сквозь ночь
искать врача,
что блудит жизнью
и вчера взял деньги,
и отправил в ад
душ пять...
Блудливый взгляд.
Блудливый прищур.
И опять нас манят
в блуд, чтоб им играть
на чувствах наших
и ломать...

20.10.2013

***

Отдавая отнятое время
в неурочный час
мы несём своё бремя.
И только ропот и топот
гулом от окон
в которые входим,
с которых выходим, —
а двери заколотили
мы в эту осень.
И нам так в привычку,
мы время отдали
как лишку
и жизнь сократили свою
кто как мог...
— А мать твою! —
слышно из уст младенца.
Грудь без молока,
и сердце щемит
иногда у мамы.
Малыша б покормить,
но годами он и так
вырастает в племя
аборигенов.
И барабанит
в темя
дождь надоедливо грустный,
а сердце стучит.
И пусто, пусто...
Время отдали даром
в надежде сорвать
подарок
в виде зарплат и пенсий.
— Ха-ха-ха! —
смеётся с нас полицейский.

За свой счет купили
наручник.
Один на всех.
И крутят мозг мысли
благие:
тюрьму бы достроить
за свой счёт
к празднику, на который
в прошлом году ходили.
Но прорабы из наших,
неловких,
воруют
цемент,
кирпич
и гвозди.
И тяп на ляп стена
ложится.
Такая тюрьма может
скоро сама развалиться.
А времени очень мало,
вечерних проверок
три стало.
Поначалу это пугало,
особенно там, за стеной.
Но встаем на перекличку
и падаем замертво
в постель
времени нашего рубленного
и изъятого на продажу
и уже купленного,
а взамен — белая сажа —
красить улицы,
чтобы горела радость...

21.10.2013

***

Пусти меня ты, Боже,
на свои поля.
В духовном мире
растут такие высокие слова,
и я бережно их буду
собирать
и венки стихов
во славу Твою вязать.
Мне не нужна
ни плата за труды,
мне не нужна и слава мира.
Ты прости меня.
Прости.
И на поля свои
меня пусти.
Я жадный всё писать, писать.
Мои листы бумаги
просятся опять,
но часто нет тех высоких
слов,
которыми я мог бы
обрушить зло
и новый показать
всем путь.
Твоих Писаний
нам не обмануть,
и путь без них —
дорога снова в никуда.
Построив ад,
ломаем мы его всегда
с надеждой вроде бы
и верою в Тебя.
И строим снова тот же
Вавилон,
и снова гости те же,
что и раньше, в дом,

и люди убегают
в даль прегрешную маня
других,
таких же слабых
как и я.
А там опять всё тот же
ад,
и те же окна пламенем
горят
огня нечистого, и дым,
и чад,
и звезды меркнут в небе
как и сейчас.
Я хочу хоть как-то
вразумить
толпу бушующую,
и вроде бы как это — жизнь.
Грустить от этого
и видеть часто
зло.
Дай мне, Боже,
слово и слова
в Твою же славу,
если, может быть,
достоин я...

21.10.2013

***

На дно депрессии, невроза
как камень,
бултыхаясь, в воду,
и остановить его
никто не в силах.
Он дно найдёт
и тину,
которая покроет силу.
Вот так и я до дна,
где гибель
уже отчётливо видна.
Депрессия, как та
мутная вода
и тина дна,
моя.
Полна судьба с бокалом
до краев
заполненным страданьями.
Порой не хочется
терпеть,
и радость лишь одна —
ты, смерть!
Но то мгновенья лишь
греха,
и побеждает вновь река
с любовью вместо воды,
и чистый берег,
и пруды,
и лилии.
О вы, цветы
моих лугов!
Вас память крутит
как жернов
по сердцу голому:
радость — боль...

А в голубых цветах небес
бегут дороги
в чистый лес.
И память о любви
наполнила бокал,
и льётся через край.
Так счастлив был солдат!
И я воспряну,
поднимусь,
пойду
сквозь мглу дождя
по ноябрю,
оставив происки судьбы.
Мой крест,
и мне нести.
Но счастья больше,
чем тоски,
и много больше красоты,
чем мутной осени реки.
Держи меня, мой Бог!
Держи!
Не брось в трудный час
на мною избранном
пути...

21.10.2013

***

А мне бы пароходом где-то.
А мне бы ветром
по планете.
А мне бы бурей
на рассвете
в твою постель
ворваться светом
и обнажённую,
как прежде,
поднять на руках своих
и с ветром
закружиться
снова где-то
с ливнями воды
и целовать тебя,
как прежде, где-то...
Но всё — мечты
желаний прошлых
от горестей потерь.
А осень
в днях последних
догорает.
Я любил её, тебя —
мир знает
всё об этом.
Помнят звезды
осень, лето,
помнят и весну,
помнят и любовь
мою
и греют сердце, что
любило так влюбляться.

А мне бы пароходом
сквозь моря,
а мне бы ветром,
и найти тебя,
и в шквале бури
завертеть с любовью,
той что была и осталась
живой сегодня болью.

21.10.2013

***

Клапан.
Крышка.
Пробка.
Котел паровой.
Кастрюля с кипящей водой.
Аппарат самогонный, бытовой.
Везде пар —
излишки выходят,
снижая давление.
Клапан не успевает уже
стравливать пар,
его срывает, и вот-вот
он сорвётся от напряжения.
Крышка танцует над
грязной кастрюлей.
Вода кипит
и пар свистит.
Пробку всё рвёт и
рвёт, прорываясь
наружу
легким дымком и
струёй уходит первак.
Самогон пропадает!
И лепят вокруг
глиной и тестом,
и пробуют вкус
первый сегодня,
в семь ноль утра.
Оно так берёт
за мозг!
Из горла
рвётся и песня уже
налегке
и первый мат по жене:
— Лепи! И не давай
уходить градусам в небо.
Лепи и следи!

А я прилягу,
наверное...
Технологии старые как
мир этот наш.
Но модернизация придёт
не сейчас.
А подготовимся и
проведём,
а потом в Евросоюз и войдём.
Так всем премьер
говорит четверть века.
А пар рвёт,
клокочет уже не страна,
а планета —
да сколько можно
так драть Украину?!
И первые митинги.
Люди встают.
Дождь льёт ноябрьский,
ледяной, непрерывно.
А спрут
правящих сил,
вижу я, ночью
садится вдруг силой всей
в лодки,
и лодки быстро,
вроде даже кормою вперёд,
ушли по реке
как ракеты.
Народ ждёт возвращения
их с прогулки.
Но тишина.
Они как растворились
в тумане.
А что за река?

Может Печора,
может и Лена,
Обь,
Иртыш,
или Дунай, где воды по колена?
Власть растворилась, ушла.
А пар струится
в пространстве,
где ложью набито всё
и гниёт,
а народ кипит
и терпеливо
всё ждёт.
Кого-то всё-таки ждёт...

25.10.2013

***

Главком пошёл в обком,
компартийный притом,
членом почётным,
чтобы потом,
когда город Инакий
перестанет быть
логовом спрутовым
и станет, пусть не Нью-Йорком,
а хотя-бы Нью-Джерси,
...тоді тут і увіковічаться
всі! —
сказав Малахоненко Петро.
— Комуністи зараз — западло,
але ми ляжем
на крутий віраж,
крило почепимо іще одно...
И члены обкома
аплодировали громко
и новости номер один,
и двум языкам,
что мирно так
в процесс вплелись,
хоть суржиком один немного,
но наша мова!
— Наша мова! —
кричав ректор зі Львова.
И дальше шло
в заседании своём
бюро обкома.
— Пусть выучит Европа
мову!
Пусть Европа в Украину
к нам придёт! —
кричал на сцене,
брызгая слюной,
Шихиревич,
зашифрованный как
терриконный путь.

А Пётр снова говорил
по теме:
— *Построїм всім тут*
пам'ятник, ну, як стела,
а главкому
пік Комунізму
зробим тут,
і всі терикональні органи
і комуністичні — тут!
И вдруг:
— Бух! Бух! Бух!
Все члены обкома
побледнели.
— Не бойтесь, товарищи!
То уголь в копанке
под нами бьют.
Ведь дело наше требует
деньгу,
и пацаны колотят
в копанке себе,
и нам, на мзду.
— Бубух! Бух! Бубух!

25.10.2013

***

В четыре и семь минут
утра
мне в дверь звонок.
А я давно без сна,
и мысли первые —
НКВД,
Берия, наверное.
И, налегке, открыл
без страха дверь.
— Стреляй! — кричу им.
— Мы что, звери?
Смотрю, Дима Медведев.
— Мы из России,
с чемоданом антикварным
прикатили.
— Заходи.
И мы здоровались,
друг другу улыбаясь.
— Тебе подарки, деньги
в чемодане.
Бери. Живи.
И широко живи.
Может, кому-то помоги...
Прошли в гостиную.
На шишках ели
согрели самовар.
Чай пили.
Я снова наливал,
Диму красным вином
и булками со сдобой
угощал.
И Дима просит
рассказать как дальше жить.
А я ему в ответ:
— Кредит.
Кредит доверия иссяк.

Вот Вова Путин
снова, видно натощак,
в Санкт-Петербурге
самбо балуется,
а с ним и куманёк,
Косолапчук, из наших,
прохиндей.
Позор России,
Вове стыд.
Такое чучело таскать
на вид
людей!
Ты, Дима, не робей,
а Вове водочки налей
да расскажи-ка,
не боясь.
Он что, опять
с колёс
и в грязь?
Ему что, нет друзей,
чтоб он таскал
такую мразь?
И деньги черным налом
сыпал на борьбу
с народом Украины?
Брязь! —
упала чашка с рук
Медведева на пол —
попили чая из самовара...
И как котёл
вдруг загудел
он паром
и взорвался на глазах —
был самоваром,
а стал металлом...
Мы не пострадали.
Мистика!

Вскричал Медведев:
— Ведь это знак!
Судьба поэтов,
судьба правителей,
что в страхе.
Боюсь я, Толя, Вову,
как кипятка боятся
раки...
Шел легкий дождь,
и Дима попросил
меня поехать
в Петербург,
пугнуть Косолапчука
и Вову шугануть.
— Да нет, Дима!
Не так.
Вот отмолюся Богу,
и, может, разум,
мудрость
всем сойдёт...
И мы, обнявшись, попрощались
под дверью в парадном.
Прогревал,
воя на всю округу,
турбины
Медведева личный
самолёт...

25.10.2013

***

После отлета
самолета
с премьером России на борту
ко мне подружка в дверь:
— У-у-у! —
шутливо пропищала.
— А я на утренней
пробежке.
Увидала
свет в твоём окне.
Любимый!
И ко мне,
снимая спортодежду.
А я ногой,
тихонько, незаметно,
подарок, чемодан
тяжелый, под кровать,
и начал я её
легонько гладить по спине,
по волосам,
по голове,
рассказывать ей анекдоты,
ручку целовать,
красоты ее тела
изучать и
незаметно для себя уснул.
И, вдруг, удары в
дверь ногами.
Я открыл глаза —
панорама разбросанного тела
женского в постели,
целомудренного, чистого,
такое все хотели...
А дверь — с петель!

И в коридоре
Путин Вова
с нашим премьером,
спикером,
главкомом.
Я девушку прикрыл
немножко,
а их повёл на кухню.
Водку достал, вино
и хлеб ржаной
до сала,
немножко шоколада.
Налил всего и всем.
Но Вова ел лишь хлеб,
чуть-чуть вино глотая,
а наша стая лила
стаканами водяру,
глаза пылали.
Вова начал первым:
— Ты, вот, Медведеву
всё обо мне...
— И нас цепляешь, —
спикер прогундосил, —
всех подряд!
Мы знаем, что народ
на улицы выводишь.
И я, глотнув вина,
съел булочку,
потом допил до дна,
и начал оправдательную речь:
— Вова! Ты не прав.
И не перечь.

У нас весы с обвесом —
я фрукты покупал,
по сто грамм
на килограмм —
и знают все об этом.
И столько лет греха,
позора
и нищака для своры.
И их я не боюсь,
ордынцев глупых.
А ты ведь наш.
Ты же ведь умный,
а с кем связался?
И мусолишь
какие-то делишки.
— Я... Я... — промямлил Вова.
— Знаю! Империю ты строишь.
Но есть народы
и уроды.
Ты выбрал второе,
С ними легче.
А народы, Вова, крепче.
Они — народы!
Ты должен их хранить
и защищать.
а ты в орду пошел
ярлык получать,
едрёна, Вова, мать!
А наши пили водку
и запели
“Боже, царя храни”...
И ели мои книги,
буквари детей
и игрушечных зверей.

И Вова вдруг взорвался,
открыл окно,
и с ними разобрался.
Обещал мне
думать и молиться.
Молиться, думать,
и на заборы
наших вельможек
больше не креститься....

15.10.2013

***

Выживать.
Выживание.
Выжить.
Новый девиз или слоган
по дороге
во вновь обещанное
материальное процветание.
Дух не по пути.
О нем грусти,
или даже говори.
А больше забывают
о его существовании.
Везти.
Везение.
Повезло.
Попал “на жилу”.
Ухватился “за удочку”.
И первые деньги
закрыли бреши
в быту,
животе,
и краше стал вдруг
мир грешный.
Быстро умер художник,
и в этом же теле
родился еще один
аферист.
А деньги пошли,
потекли ручейками,
кому-то и реки,
и стали озерами и морями
денег...
Излишки на
кайф жизнеги.

Прелюбодеяние,
сладострастие,
сластолюбие
заняли всё свободное
время.
Выжил.
Выжили.
“Живут”...
А был ли смысл
в этом выживании?
А, вдруг, конец
и смерть?..
А вся семья уже
не может без монет.
И процветание, пришедшее
немногим по пути,
таким грехом
легло на род, народ!
А остальные продолжают...

26.10.2013

***

В белом дыму
цветения
весны
меня ты снова
отпусти.
Моя печаль напополам
с зелёной грустью
и тоской
пусть бы осталась там,
где отгорели все мосты.
И я взываю снова
к вам,
моим цветущим
берегам,
остаться навсегда,
и там,
где отгорели все мосты,
вишнями белыми
цвести.
И ты, Наталья, посмотри
на мир после зимы.
А та зима была
как в первый раз,
и снег летел,
и тешил нас,
и холод был теплом
сердец,
горевших, казалось нам,
навек.
Но я порвал цепи мостов,
и они рухнули в реку
без берегов.
И их найти
пытаюсь вновь.
Но только тщетно.

Ведь любовь
не терпит, чтобы с нею так...
Любовь — это
не отношения двоих.
Любовь — это
не просто так.
Любовь, ведь, Бог
частицей в нас.
И полной силой
по весне
один,
одна,
и как во сне
мы видим снова берега,
но нет реки,
и нет моста.
И нет возврата нам
туда...
Никогда...

27.10.2013

***

Я осень провожаю
под мокрым снегом
и дождём.
Я и осень.
Внезапный проблеск
солнца.
Свет
сквозь воды поток.
И кажется, что вновь
рассвет
который раз за этот день.
И я вдыхаю запах
осени, которая не пахнет,
лишь влажность, холод...
И, вдруг, треск винтов
и вертолет.
Открыли дверь.
Вова Путин, улыбаясь,
через шум моторов,
мне орёт:
— Давай, быстро сюда!
Я прыгнул,
и с железа стрекоза
взлетела вверх.
— Сколько раз просил тебя:
звони, предупреди!
А ты, чуть что,
сюда летишь?
— Так я от счастья, веришь?
Ваш главковерх там, в Вильнюсе,
в открыты двери
залез через окно,
и всех поставил на колени.
Во-во-во!
Теперь мы будем вместе.
И Украина к нам пойдёт.

— Вова!
Главковерх поставит вас
во фрунт или во фронт
и нафиг всех пошлёт.
А народ, Вова,
не в море кашалот:
гарпун пустил,
и вот он, вот.
Вы столько ламанули дров,
и ты, и твой истиблишмент
из ныне лондонских воров!
Для Диккенса сюжеты
на сто книг.
А ты всё горячишься,
то засыпаешь.
Наш главковерх
как заяц
в крапиве —
там жалит,
а выходить —
патрон в огне.
Да, наши олигархи
с грузом в миллиарды
тонн и евро —
только на Север, Вова, на Север.
А в Европе они давно
засели:
там недвижимость, счета и семьи.
И вот за мир с двойным
сегодня дном,
за стандарт двойной,
за поклонение не Богу,
а “баблу” “баблом”
боится олигархат Европы
как огня.
Зайдешь в неё со всем имуществом,
и — гля! — там прокурор, полиция,
возня.

Но наши люди, Вова,
восстают.
Это новая поросль,
и не вдруг,
а по законам бытия,
их обойти, шугнуть нельзя.
И будет жить потом
главком и генералы
в карьерах песчаных
или далее.
А ваши тоже на пилораму
под разделку, Вова,
в доску.
А ты веди своих, кто
честен, в Украину
и Русь Киевскую
воедино,
и к нам Европа
подойдёт и сила,
и с нами, Вова, Бог будет,
а не кормило.
И карма,
экстрасенсы,
маги —
все отойдут туда,
где их заглотит тьма.
А радоваться чужому
горю, Вова, грех.
На, вот, вино и хлеб,
купил жене,
а отдаю тебе.
И истину, истину
ищи
на этом двойном дне.
И дай мне парашют,
я на Майдан.

Пусть люди думают,
что шут,
а я сыграю в
тот старый
балаган,
чтобы глаза открыли
все,
и разум свой
отдали восставшей
вновь стране.
А саммит в Вильнюсе —
смешно тебе и мне.
Там силы духа нет.
В двойном все дне...

29.10.2013

***

То было там,
так далеко,
даже если ещё вчера,
и там оно всё и осталось.
Сюда не перешли
ни радость тех событий,
ни усталость,
память лишь осталась.
Память, память, память...
Она и держит
на плаву
в море житейских бурь
мирских.
Она спускает на волну
и поднимает вверх.
Этим живу.
И многие живут
той памятью,
что остановит вдруг,
прервет всю цепь движений,
суеты,
и тепло в сердце вдруг
услышишь ты
и улыбнешься,
или слезы пустоты
и безысходности...
Но ты не можешь
изменить.
Никто.
Не только ты.
Туда дороги нет.
И не ведут мосты
меж прожитым
и сегодняшним
неизвестным днем.

В этом, может,
и счастье есть
и есть несбывшихся
надежд мечты
на бесконечную любовь,
что вдруг найдешь
здесь ты...

30.10.2013

***

Мрак нечистой плотности.
Мерзость нечистоплотности
униженно обманутых
и посеревших.
Сирыми ставших
от обнаглевших
и от озверения
нечеловечных.
Но то озверение было
в сжатом пространстве
семьи, работы,
а тут вырвалось
и разраслось
на полвселенной.
Их танцы на
гробах безвременно
ушедших
и камнях могил —
памятниках зверству.
Философы мыслят
и церковь в молитвах,
люди в терпении,
а кто-то с поллитрой
встаёт и ложится,
чтобы залиться
и раствориться
в мирке своём жидком.
Но то не спасает,
от того погибает
каждый, кто встал
на путь убеганий.
А для борьбы остается
так мало,
и те разобщены
городами,

и дали
лишь духом соединяют
их сердце и головы
буйные,
часто глупые от
метаний в толпе
и мраке науки,
который как червь
всемогущий
вжирался лет сто
в головы
и оставался
там в поврежденном
мозгу.
И с рассветом люди
шли в поле,
а кто-то на речку,
чтоб утонуть
и исчезнуть из-под неба.
Поле равняло всех
плебсом.
Хоть крики стояли
с трибун:
— Право!
— Лево!
Все одинаковы
здесь под Луною —
и те, на трибунах,
и те, что на поле,
где вместо травы
их воля и доля
зажаты серым забором,
горем,
вором,
взглядом недобрым.

Нож,
топор,
пила
и костер
с пламенем вниз,
где мерзости дом.
Огонь тоже взяли,
как и свет солнца,
в шоры,
и закрыли в амбары
дождь,
снег
и горы
богатства на тысячелетье,
которое в гниль
превращает век этот,
и испапрения гниений
гиеной
врывается в души
и сирых, и тех
мерзостных удивлений
для мира, вселенной,
но крепко стоящих
на хилых телах
многих, уже
и ещё, поколений...

30.10.2013

***

Врадиевский отдел милиции
более гуманный
чем “Беркут” на Майдане.
Перед тем как убить
и бить женщину,
они её насиловали
поощряя любовью,
пусть варварской
но сильной до боли.
“Беркут”, разгоняя Майдан,
ночью избивал и калечил людей
лишь там, где
будет стоять новогодняя ёлка.
“Беркут” боролся тоже
за счастье народа.
Пролили кровь
без любви совокупленья.
Режим сдохнет за это
преступление.
Вначале был режим советский,
потом полицейско-советский,
сейчас бандитско-советский,
а станет каннибаллистическим
по принципу:
где кто кого взгрёб,
и ам, и ...
Съел! Съел! Съел!
Ам-гам-ам!
Населения станет мало,
выживут не все,
но у них разовьются
зубы,
увеличится челюсть в четыре раза.
Увеличатся ногти
и отрастут копыта.

И только потом они
пойдут в Европу открыто
и в Россию одновременно.
Там будут жрать всех
в большой империи
от Курил до Гренландии.
Новый вид из партии...
Мир будет умирать от
страха,
особенно Африка, США
и азиаты.
А "Беркут" станет
огромной армией.
Вместо рук отрастут
железные молоты,
а вместо голов
наковальни...
Эволюция на этом
не остановится...
Она выгнется дугой
в экстазе
каннибала-гонщика...
Новая демократия
по-нашему
и без привкуса
советского квашения...

30.10.2013

***

Во мрачном мареве
упавшей ночи
колонны “Беркута”.
Пустая площадь.
Пустой Майдан.
Группа рабочих
монтирует и собирает
ёлку.
И нереальность реализма,
и вид на ад
глазами камер.
Восстал здесь сатана.
Его пространство
как чума,
ползущая Майданом.
Яма, яма, яма.
Временный здесь переход,
и вход
в преисподнюю,
и чёрт красит кистью
шарики на ёлку.
Новый год
придёт.
Уйдёт ли сатана и чёрт?
А под землей возле
Тараса,
в бывшей ракетной шахте,
отлит из бронзы
памятник главкому.
Сегодня репетиция.
И номер один вдавил
мокрым от страха
пальцем кнопку
в далёком пункте
управления,

и громко
взлетел главком,
весом пару килотонн,
закрыв
Тараса.
А ночь брала своё,
и брассом
переплывали Днепр партийцы
с востока
на репетици...
ю...
— Слушай, Тарас, — спросил
главком, —
а где же твой припас
за столько лет
цветов,
венков?
Ты мог продать
и заработать
не один здесь миллион!
Измученный Тарас молчал.
А главком всё наседал:
— Один лишь мой указ —
и ты раздетый,
без венков,
портков!
Пиджак ...
Всё снимут просто так,
и будешь в галстуке стоять!
Тарас молчал,
он же ведь металл...
А новый памятник
как робот сделан
для управления страной
и даже любви
одуревших баб.

Хватит на всех —
металл,
мотор
и стеклоглаз,
рука , которая погладит
их везде сейчас.
И снова кнопка
“Возврат!”,
и памятник летит
как с дерева ночью фрукт
лёгким ударом в шахту.
Вороны на деревьях
одеревенели.
Белка одинокая присохла
к ели.
Прохожие звонили
все врачам.
А “Беркут” гнал дубинами
изгнанный еще вчера
и вымерший
как на войне Майдан.
А под землей я слышал
голоса.
Из-под тротуара
пробивались вверх
слова,
обрывки фраз
и русский офигенный мат...
Марево ночи
без жизни в последний
день.
А завтра — зима,
и всё та же борьба
за простые слова.
Люблю я тебя, страна...

Пустынные улицы,
и лишь бурлящая народом
Михайловская площадь.
Михайловский монастырь
стал укрытием людей,
как тыл.
Церковь и орда.
В церквях прятались всегда.
Их жгла орда.
Сожгут ли монастырь?
Сюда!
Сюда!
Сюда!
Из-под земли слова.
И черт бросает
краски,
кисть.
Бросает шарики
некрашеные.
Брысь!..
А памятник из шахты
вновь ракетой
и песней пето-недопетой...
Революция...
Пусть на час...
Но уже время пошло...

30.10.2013

***

— По голове!
— По голове!
Студентов
бьёт “Беркут”.
— По голове!
— По голове!
— Дай крови мне! —
шепчет чёрт сидящий
у ментяры на спине.
Так разгоняли в нас
Майдан
за евроинтеграцию.
Сорвали план
и отутюжили восставших.
Главком не любит буйных
голов.
И кровь лилась с
юных борцов,
трещали кости
вновь и вновь.
— По голове!
— По голове!
И вдруг с балкона
машут мне
в окно закрытое.
Я открываю.
Запрыгивают
по очереди:
Путин Вова,
Саша Лукашенко,
Назарбаев
и наш, уже готовый,
в смысле пьяный,
донельзя.

— Принимай, поэт.
Семья
постсоветских
царских лиц.
Принимай, и говорить
будем снова, как нам жить.
Назарбаев сел на подушечке
на пол.
Лукашенко, подлизываясь,
рядом стал как кол.
Наш упал прямо на диван.
Я ведро принёс на всякий
случай,
чтобы комнату не обблевал.
Вова Путин сел со мною
рядом,
и рассказал о ситуации
на постсоветчине.
Отрядом "Беркута"
гнали Майдан
по Киеву
обливая кровью.
Европа возмущается
по этому как бы поводу.
И я сказал Вове
в ответ:
— Постсоветчина, как
тухлая собачатина
царю на обед.
Рваная шкура,
полголовы,
кишки повылазили —
ну и жри.

Сколько бы, Вова,
слетело голов,
был бы здесь царь Ирод
или сам царь Петро.
Мне сон приснился
несколько деньков назад:
власть наша села в лодки:
а лодки по реке бежат...
И не вернулась власть.
А тут Майдан по Еврозоне
тихо так,
спокойно.
И таял дух их на глазах.
Оппозиция решила пока
не воевать,
а временами создавать
Майдан опять.
Им кажется, что это как
и девку соблазнить —
всхотел и победил.
А дух народный —
не в бочке огурцы —
он ждать не может
выборов гаранта.
Майдан сливали.
Все ушли.
Остались люди,
сотен три.
Да потерпи ты, главковерх!
А он рубанул,
и в бяку влез.
А что нам делать, Вова?

Эпоха тупых голов
и продолжающих всё ещё звонить
онемевших давно колоколов.
А Сашка, точно, подстрекал.
Но Украина — не Беларусь.
Народы разные.
Пихал ты, Саша,
друга в лужу.
И запихнули все.
А подпиши ассоциацию,
и на коне!
А тут в дерьме.
И пить начал.
А как по мне —
меняйте вы систему
из феодализма, байства
на социальную потребу,
на Божию любовь
и радость
от радости народа.
— Гадость! —
прокричал гарант,
и встал, шатаясь,
взял ведро,
и через окно
на соседский влез
балкон,
и был таков...
А мы сидели до утра.
Сашка плакал.
и слёзы лились как река.
Назарбаев клялся
всё вернуть стране.

А Вова нервно
жал постоянно руку мне...
Европа.
Азия.
Америка.
Как соединить всех их
в любви?
А так— течет горя и крови
широченная река,
и два пустынных
духом берега...

01.12.2013

***

Слава нашей оппозиции!
Позор власти, то есть позиции!
Оппозиционная стратегия
захромала на все
четыре лапы,
то бишь руки и ноги.
Одни говорят: отставка
всей власти,
и выборы, выборы,
как снова ненастье.
Другие обещают обсуждать
в парламенте
и гнать в отставку
министра внутренних дел
за пролитую
кровь на Майдане.
Успел
и третий заявить об отставке
правительства господина
Базарова.
Четвёртые предлагают
периодически проводить майданы.
И народ, путаясь,
смотрит в оппозиционные
"хлебалова",
а власть, оправдываясь
и сливая вину
на бастующих,
набирает вновь силу,
страхом, ложью
включает своё
проверенное
"мочилово".
Голова кругом от страстей.

Голова в ступор
от борьбы идей
и ищет мусорный контейнер,
чтобы зарыться
и оказаться на свалке,
а там бульдозером
закопают с мусором
в землю
и успокоят воспалённый мозг.
О, скакалки!..

01.12.2013

***

И снова война
в прямом эфире,
но уже в Киеве,
у нас.
“Беркут”— спецназ
пускает газ,
бросают дымные гранаты
и бьют по головам восставших.
Солдаты?..
А в ответ летят булыжники
как и когда то,
и рёв толпы
под администрацией президента,
и кровью залит асфальт.
Лежит мальчишка,
и из разбитой нехристями
головы
мозги стекают.
На глазах
их шлемы
и души окаменели,
и священник святит
батальон,
и в церкви служба,
крестятся потом.
О, лицемерие!..
Как гром из неба —
революция...
— *Не треба.*
Ні, не треба! —
кричить гарант,
а за ним прем’єр,
на суржику.
— И айн момент! —
им говорят
в Европе:

— Нельзя людей бить!
Но водометы на деньги
от налогов
заправляют.
Кто-то ляжет
в землю рано:
то ли власть,
то ли черти,
что ведут власть эту
рьяно
в ад.
Поставим рано утром
фронт восставших
и всю власть,
но без ментов,
проссавших
силу, честь
и доблесть в службе.
И народ,
и власть,
и лужи
после водо... водо...
водомета,
что метать будет болотом
с жабами, рыбами и рыбками
засосавшимися в баки.
Рано.
Революция.
Война
на народ пришла сама
двадцать три года назад.
Аккурат и день совпал,
первым декабрём достал —
референдум свободы
получили
мы все в морду
от спецназа.

Хрясь в башку —
и кровь пошла.
— Служу!
Служу народу Украины!
О, менты!
Не все дебилы.
Умных, добрых
народили
матери немало тоже.
Но они не здесь
войножат...
Водо... водо...
Водомёты.
— Что ты?!
— Что ты?! —
подмываясь, власть кричит —
вода горячая бежит
и попы шпарит кипятком,
это тоже... —
обожженым не гульнёшь.
А холодной — нет.
Её залили в водо...
водомёт...
А он льёт и льёт,
и мимо,
и от страха там в кабине
пахнет явно
не Украиной..
Бу-бу-бу!
Зуб на зуб
не попаду —
весь облит,
замерз,
стою,
и стоит мой дух
и сила —
всё стоит
против спесивых,

что взбесились
бесом сильным.
О, ты, власть моя!
Деньги,
золото...
Баклуши били вы
десятки лет.
А теперь ошпарен
интиммест —
и не трахать, и не сесть.
Но придётся.
Можно лечь...

01.12.2013

***

Русские, русские!
Такие умные.
Такие сильные.
Но ваши, извините, дебилы
вещают в эфиры
о революции в Украине,
мол, в посольстве США
нас обучили.
Миллионы восставших
воинов света,
а задолизы Димы и Вовы
гнусно об этом.
Как вы могли, друзья,
в Третьем Риме,
Дима Медведев
и Вова Путь-
инин,
расплодить заразу
лизания задов?
Они же первые,
если пробьёт час,
поведут вас на плаху.
И храни Бог
от судьбы такой.
Но Россия рванёт,
и иней, иней
белый
станет капать
от жары взрыва
слезами.
Акать будут эти
грязноязыки
нечисти русской,
змеи с улыбкой
ехидно ехидной.

Революция наша
со всей любовью,
но посольство США
здесь никого
на Майдан ещё не готовит.
Русские, русские
братья и сестры
по крови,
Христу,
вере и боли!
Остановите мрак вашего
пути по исковерканно-ложно
купленной вам нечистой доле...

01.12.2013

***

Рев...
Рев...
Рев...
Революция!
Рев...
Рев...
Ревком.
Ты заикаешься?
И поделом!
Рев, рев, рев.
Стенания
и клятвы отступничества
от партии
и массовый из неё исход.
Вчерашний как гранит,
вчерашний патриот
от регионов воротит нос
и держит по ветру.
Вопрос:
примажутся опять?
Наверное, всё таки
да!
— Я те дам! —
по улицам и площадям
как сумасшедший
кричит и скачет трон
свободный от царя.
На ём корона
смятая
как банка консервная.

И давка —
посмотреть на него
и посидеть можно.
Ого!
Ноги сломаны!
Не все.
Краска слазит,
и, вообще, как урод стал.
Лишь мундир
украшает царский
тыл,
то есть — спинка в мундире.
Пуговицы золотые
и погоны горят,
но подкладка,
явно, швах.
Лезет вся по швах,
и вся в пятнах
сала, жира —
видно, на неё ложили
закусь в Междуножье,
Междунорье,
и, похоже,
съели всё.
Пятна лишь остались.
Чмо!
А в карманах
партбилет региональный,
номер шесть.
Первый номер
кто-то слямзил,

может, сам премьер Базаров,
может, свора из охраны.
Но в карманах —
как у пьяни —
дыры, пыль,
огрызки яблок,
косточки от винограда,
шкурки от
апельсинов,
мандаринов
и бананов.
Мусора полны карманы,
но мундир горит,
сияет,
ордена лишь поснимали.
Портупея без нагана.
Не стрелялся царь
царей,
а ушел в нору быстрей —
в Междуножье
их немало.
Две так точно
пропахал он.
Девка явно любит деньги,
любит трон,
царя, наверно.
И летел всё дальше
трон.
В него плевали,
плевал и он
на всех, Майданом
обручённых.

Трон на свалку
явно гонят,
но он не хочет после зада
такого —
наградой зад тот
был ему немалой.
Но свалил зад в нору
явно.
Трон не влез,
и убежал,
страхом сломленный.
Провал
их политики царя.
Тронный зал в слезах.
Ковра нет уже ни одного —
крали ночь всю
шито-крыто:
чисто разнесли дворец
в машины.
Но как уехать
с Между...
Шины поснимал
революцион...
Моряк,
студент,
солдат.
Патрон загнан в ствол
ружья надолго.
Основательно.
И давно
идут шеренги
по дворцам.

Революция панам!
Революция и нам.
Хватит всем её,
и вдоволь
казематов, камер.
Воля только
революционам...
Воля — доля,
что всегда
кричит о воле,
но ломает всех
революционом
и улетевшим в свалку
троном...

02.12.2013

***

Народ восстал
и вышел на Майдан,
а власть упала
в страхе
тут и там
по регионам и местам —
кто где сидел или стоял,
упал и зарыдал.
Лежали день,
а кто и три.
Потом, встряхнувшись
главковерхом,
поднялись быстро
и коверкать
события последних дней
стали как стадо индюков.
И кто быстрей...
Выслужиться перед главкомом.
И революцию назвал
в помощь им
Вова Путин
погромом...
Трещат, визжат
и судят невиновных.
Они не могут по-другому.
Верных
себе свезли на свой
майдан:
человек, может, тысячу
против семисот тысяч.
— Ты глянь!
Какие смелые нашлись! —
смеялся дед
и сунул шиш
под ёлку на Майдане.

Ёлка войдет в историю,
и няни
будут показывать детишкам
в книжках:
— Вот это — ёлка
революции
и шишка.
— Да нет! Это лишь шиш
от прежних поколений
за зло, принесенноё
людям.
Гений грязных технологий
в телевизоре по залу
возит
тележкой имени вождя —
кравчучкой? юшкой? кучмовозом?
Ты гля!
И угадать нельзя —
все на одно лицо.
Как назло,
пропал вдруг свет
и телевизор замер.
Момент этот остался
в памяти людей.
Когда-то был ледокол
назван в честь вождей:
“Ленин”, например.
Сегодня — тележка для
ручной клади,
а завтра —
швабра,
ведро
и далее...
Так не пойдёт!
Позор так жить!

А главковерх
на самолёте всё кружит,
кружит.
Жик-жик —
то Китай,
потом Россия,
теперь вот — Мальта.
А в стране такая чудасия:
власти как нет...
Но есть народ,
а по конституции —
он власть.
Вперёд!
Но кто его там слушает!
Полёт,
полёт у главковерха.
А, может быть, ему б
ракету —
в Космос,
да вокруг планеты,
и на взлёте прокричать слова:
— Я отрекаюсь
от должности,
Кремля,
себя,
и партия пусть будет
проклята моя!
Я распускаю её!
Гля!
И весь народ у телевизора
с утра.
А главковерх
из Космоса
уже четвёртый месяц:
— Га-га-га!

И любят все его опять.
Готовят звезду Героя,
чтоб встречать —
ведь первый космонавт
такой!
Гулять пойдём мы
в парк с молодкой:
красивой бабой,
девкой,
“тёткой”.
Я расскажу ей о любви,
о счастье,
куда потом пришли,
и как мы ночь
там провели.
И вспомню годы молодые
на Майдане,
и главкома-космонавта.
Мы так боролись, побеждали...

06.12.2013

***

Откройте двери,
двери веры.
Не боясь, не сомневаясь.
Там вас встретят,
как встречают
самых близких.
обласкают,
изольют любовь
и мудрость.
Но не сразу.
Будет трудность,
многотрудность,
и страданий путь:
безлюдность,
опустошенность,
тоска с тоскою,
будут беды,
будет горе.
Вся дорога
от дверей
в шипах роз,
терновый лес.
Но пройти нужно
всё с верой,
в этом смысл
и Бог всем предан,
кто в него просто
поверил.
Многотрудный горний
путь.

Можно будет и свернуть,
отдохнуть
и полежать,
но это значит
потерять
часть добытого трудом
неутомимым,
чтоб потом,
с потом, кровью
на лице
возвращать.
Глаз горящих свет —
тебе
от таких же как и ты.
И Бог с нами,
нам идти.
Двери веры...
Всего лишь веры,
но труд за этим
не измерить,
не сосчитать,
а только взвесить
Богу души наши
в момент той
самой важной встречи...

06.12.2013

***

Штрих...
Раздумья...
Прочерк, штрих
событий жизни.
Где верх?
А где здесь низ?
И низменность стремлений
вверх,
чтобы оказаться,
вдруг, внизу,
где зверь рычащий
тащит сон,
ворует силу и покой,
теряя жизни смысл.
А что тот смысл?
Я так много достиг,
увидел верх верхов
и сник:
передо мною — низ.
То лишь казалось
так тебе.
Ты думал, властелину
можно всё:
всего достиг,
оставив низ.
А низ здесь рядом,
только миг,
один лишь миг
шальных
тех гирь
тянущих стрелку часов,
опускаясь, вниз.

Цепью другой
колёса тащат
гирю вверх,
а та — всё вниз и вниз,
пока не перетянут цепь.
Сюрприз
внизу
среди себе подобных...
Я убью себя и их...
Вначале их
за тот проклятый миг,
который оторвал
весь шик, и штрих
внезапный — в прочерк
потери жизни вдруг...
А вокруг цветы цветут,
идут дожди,
и, вдруг, в любви
ты видишь девушку в ночи.
Но не с тобой,
а палачи уже
не в силах
всё сместить.
Она другого любит.
С ним собралась жить,
рожать детей.
А ты упал.
И ей та цель твоя
в этот момент
даже не штрих,
не прочерк,
лишь
ничто...
Никто...
Нигде...
Она в любви.

А в миг тебе
терзаний вечных
за всё то,
что ты здесь сделал,
штрих и прочерк...
Счет в секунды,
а сколько горя!
И заслуги твои...
Храни нас Бог
от суеты,
от верха жизни,
где всё условно,
и лишь Ты
в простоте своей любви
с вечностью мечты.
Потерь людских
людской лишь штрих,
и фактор человеческий
как штиль,
и парус
вдруг обмяк,
и от тоски горит моряк,
а шхуна стала
как в порту
у пирса,
а на берегу
весёлый люд
в таверне,
вина льются,
и льётся скверна,
а моряк лежит
в чаду угара алкогольного
и как в бреду
мечтает:
в море...

В море
я уйду...
И он уйдёт, если
оживёт.
Один лишь штрих
и прочерк
жизни между годами
от и до той
нежеланной тризны,
а часто так желанной...
Упавший сверху
вниз
уже без званий,
без подхалимов
и их желаний
тереть,
втирать,
смотреть,
дрожать,
стоять
и взгляда ждать опять.
Один лишь взгляд
и ты поднят
или упавший вспять.
О гад!
И прочерк...
Почерк нервный
и неровный,
и завещание
придворным,
и пуля в пистолете
кличет страх
такой огромный,
непонятный
и забытый прежде,

враз вернувшийся,
и кляп из воздуха
во рту
и горло пересохшее...
Иду...
И слышит голос.
А я тебя не жду.
Ты жалок..
Хворост в лесу
мне много раз важней.
Капля росы в памяти
через всю жизнь
на твоих губах алых...
И пей!
И пил бы я,
но жизнь прошла
как день один...
И лишь остатки
памяти, и нет
той там росы...
Сухие взгляды...
Не проси любви,
иди, возьми,
но только
где-то далеко
за небом.
Облакам,
дождям,
снегам,
морозам,
инею
я всё отдам,
и снова поднимусь я
вверх,

но не тот с прочерком,
где штрих
и мнимый герб
от наслаждения собой.
Я поднимусь в себе
и над собой
для Бога в радость.
Я победитель зла в себе
и навсегда во мне уже любовь...

05.12.2013

***

Пропажа,
пропавший,
пропавшая,
пропадом
пропади
и не беспокой,
и не суди.
Совесть.
Разум.
Дела
делать
тихо
черные.
Светлые были,
остались
где-то.
А здесь
как на другой планете
из фильма ужасов.
Стучат зубы
как от холода
или от страха
с икотой частой.
Часть,
части,
куски,
крошки,
объедки,
остатки
под столом богача.
И лезут нищие
туда, как всегда,
на коленях,
толкая друг друга,
собирают, едят...

А на спинах
подпруга,
шлея
и уздечка,
остатки седла,
попоны,
сгнившей
от пота.
Ветер свежий
утренней ранью,
но уснувшие
валяются
грязною рванью
и ещё размножаются
при этом,
счастья желая
и внукам, и детям.
А ветер, срываясь
уже в бурю,
восходом
и солнцем горящим
диском тревожным
несёт снова
день, на прежний
похожий.
И никого это
уже не тревожит.
Барство в богатстве
оторванным миром
с ложью клейменной
долбают
кумира
этих несчастных
на краю земли.

А ветер крепчает
и где-то вдали
стоят одинокие,
как солдаты
на смерть,
но мечтают
о первой победе,
хоть здесь
нету и тыла
и поддержки извне,
только вороны-друзья
по тебе
криком застывшим
на тысячу лет.
А воины рвут
свой дух,
покамест
нищие просят
крохи,
остатки,
объедки,
куски,
останки...
Гробы...
Сплошные гробы...
Все здесь как умерли,
а ведь были живы.
И только воины
льющие кровь
бьются на смерть
за правду...

Бровь,
глаз,
зуб,
челюсть,
шея,
грудь,
руки,
и внутри тела
всё, что рабочее
уже продают
как урожай
с возов осенью,
и музыка,
танцы
на празднике этом.
Базар,
рынок,
радость
как на другой планете
из фильма ужасов.
Снять бы
и нас,
а потом фестивалить
и продавать
диски
и плёнки.
Подходи и бери!
И берут,
кто сильней,
а воины бьются
за нищих
не жалея кровей
своих
подлецам,

которые гонят
отряды на них
идиотов,
а сам
самый главный
в охране внутри
молится,
просит
его здесь спасти
и оставить
навеки
с короной своей
на горшке золотом
в вонючем от страха дерьме,
которое стало
за духовный
субстанц.
Им всех обливают.
И больных
пытаясь спасать
для главных страданий
и лжи на крови.
А воины бьются за нас всех...
Прости...
Боже, прости!

07.12.2013

***

Кулисы,
закулисье,
занавес,
театр абсурда,
театр драмы и комедии.
Драма и абсурд
всегда.
Комедия
как самоспасение.
А сны снятся
о событиях сегодняшних
как событиях
давно прошедших дней.
И Родина мудрая,
зрячая,
с красивыми глазами
и без поводырей,
и без костылей.
А утром встал
и побежал
как на работу
на Майдан.
Там чай попил
и пожевал,
на вахту встал
за наш Майдан,
где дух свободы
побывал
и часть себя
оставил нам.

И я дышу,
вдыхаю глубоко
и пью
пьянящий воздух
от зимы
и от Майдана.
Ты пришел на Майдан?!
Ты с нами, или там?!
Родина в опасности
всегда.
Здесь сто лет уже
идёт война...
Чёрный дым пожарищ,
колонны комисарищ
в сапогах тяжёлых,
подошва из литой
резины —
с России...
В подошву ещё
и гвозди вколотили:
деревянные
для офицеров, в два ряда, —
хромовые голенища в них:
— Ать-два!
А у солдат стальные,
медные...
Густые ряды.
— Да! —
говорит сапог,
задрав высоко
свой нос...

Шлёпая по грязи
оторванной
опять подошвой.
И сапог как открытый
рот
чавкает в грязи...
Вот-вот-вот!
Всё наоборот.
Закройте, люди, рот
и отремонтируйте
сапог...
Он сто лет здесь
ходит,
по бездорожью бродит,
месит грязь
и месит мозг
каждому, кто
под него попадёт...
Открытый рот...
Труп
на эшафот,
снова
вешать!
Вот-вот-вот!
Революция вперёд!
Ни шагу назад!
Позади чужой солдат,
а наш бьёт своих
детей —
и в тюрьму.
Такие законы у хана.
Почему?

А вы его избрали,
легитимизировали
и подняли,
а он вас
обобрал,
обдурил.
Во нахал!
Да нет.
Он такой есть.
Революция в ответ!
А сапоги солдат
просят есть...
В этом году
им конец...
Революция
всегда —
многим в торец...

08.12.2013

***

Слава.
Память.
Памятник.
Мемориальная доска.
Мавзолей.
Крематорий.
Катафалк.
Вождь.
Лидер.
Канул в Лету.
Революция меняет систему.
Революция ломает стены.
Революция рушит тюрьмы.
Революция взрывает историю.
История покрывается пылью.
Историки роются в архивах,
трактуют события потом
под себя,
и становятся с простых
выскочек доктора и профессора.
И новая революция
взрывает осень,
и осень падает листьями.
Революция
очень часто повторяет
путь листьев:
с яркого золота —
в черные, ржавые,
покрытые пылью.
Оравою.
Коллегией.
Кабинетом.
Партией.
Парламентом.

В дни горячие
революции марши
ложат памятник Ленину
наземь
и добивают гранит
кувалдами.
Правдами,
ложью,
ненавистью
идол коммунистов
предавших самого вождя
упал и разлетелся
уже до нельзя.
Нельзя реставрировать
и восстановить.
Можно и нужно
собрать кусочки "святыни"
и молить
идола вместе.
А вождь давно плюнул
на предателей
его идеи...
Революция
разрастается,
распространяется.
Истеблишмент
от страха меняется,
но уже поздно,
и их сбросят.
А в это время
Верховная Рада
проект закона
вносит и на
обсуждение выносит
"О строительстве частных
мавзолеев".

Одобряется большинством
рук и тел,
и каждый видит себя
хоть на даче,
но в мавзолее
как вожди
мирового пролетариата...
Революция ширится.
Истеблишмент “ширяется”.
Мавзолеи строятся
и наполняются...

07.12.2013

***

Революция.
Ревком.
Майдан.
Но где-то в недрах
есть всё таки
ревтрибунал.
И олигарх ещё,
конечно,
не вкурил
и не всосал,
но в глубине души
точит червь.
Ревтрибунал.
Хорошо ещё если
лишь шарфик
затянул на шее
и пропал...
А если, блин, люстрация?
Тогда каждый пропал:
с поместьями
в Америке, Европе.
Но, скорее, нет.
Там нужны богатые,
а не торговцы
в розницу дешёвых
сигарет.
Счета ж открыли
в банках им,
и встретили любя.
Нет!
Не отдадут в люстрацию
олигарха — лихваря
и трударя.
Так оно и будет.

Могут не грустить,
но шарфик, как
спасение от мучений,
лучше всё таки
с собой носить...
Правда.

08.12.2013

***

В бывшей советской
столице,
а бывших не бывает
в Советах,
слышьте...
Так вот, в такой-то
столице
на горсовете
выступающий
сказал:
— А вы спросите
начальника райвоенкомата...
Мэру Кариесу показалось:
реввоенсовета, и
он поднялся над столом,
и стал искать глазами
реввоенкомиссара,
затем снял шлем велосипедный,
что последние дни всегда на нём,
и грохнулся без сознания на пол.
Губернатор Хлопкинд
начал поливать его
водой с графина,
а там оказался компот.
И мэр, открыв глаза,
прохрипел:
— Ах ты скотина!
И начал слизывать
компот с себя.
Потом как собака,
став на четвереньки,
лизал с ковра.
Вскочил на стул
и заговорил
как пулемёт.
Мочил он всех.

И революцию,
реввоенсовет,
ревком,
обком,
и Ленина памятник
поклялся восстановить
потом.
А губернатор
Хлопкинд
открыл здесь сразу счёт
по сбору средств,
и очень радовался
счастью
заработать деньги —
тендер выиграть
и запустить конвейер.
И ставить памятники
Ленину
по миру.
А Кариес орал
всё без умолку
о ревтрибунале,
ревкомандирах
и вождях революции,
перепутав их на стрессе уже
с Бастилией...

09.12.2013

***

Как-то незаметно
снег посыпал,
ударили морозы
и к революции добавилось
ещё давление природы.
Но революция — это
не девушки и розы.
Здесь другой эмоциональный
взрыв,
и пьянит почище наслаждений
тех других, —
здесь стресс,
адреналин.
Здесь риск
и страсть к победе
поглощают жизнь.
И в революцию её
не жаль.
Готовы многие отдать
её стране.
Печаль лишь
при упадке духа
при необходимости
терпеть всех идиотов
купой,
которые политики
и политологи в стране.
Долдон
мусолят,
воду льют,
но пить ее нельзя.
А революция — другая,
совсем другая.

И зря правитель-прохиндей
лежит на креслах
и диванах, грея баб,
и душу грея от
подсчета день-деньжат...
А революция горит
огнём в душе.
Романтика на острие.
В карандаше ещё
есть сила,
и я пишу, пишу
о тех,
кто вышел победить
вчерашний жизни день
и ложь.
А тень всё падает
на пень.
А пни — политики
в старье дряхлом идей
сусолят, мудрствуют
и тянут день,
за ним другой,
надеясь выиграть
тяжелый бой
добра и зла.
И слухи разные
ползут страной,
то круглые столы,
где мед из уст рекой —
джакузи-унитазы —
новый стиль:
мытьё,
массаж
и надобности сразу.
Блин...

— Какой разврат! —
глаголит политолог:
— Эти джакузо-унитазы...
Золот...
Золоты...
Золотые! —
и трясется весь,
хочет, чтоб его там,
на том круглом столе,
хотя-бы помочили.
А те и мочат без конца.
А революция горит,
греет сердца
и призывает встать
в её ряды.
Ать-два!
Шагает
провокатор,
мент,
спецназ.
Ать-два!
Шагает чин высокий
как на парад.
Ать-два!
Толпа народная
несёт водоворот
страстей и бури.
Снег летит,
мороз
и скоро Новый год.
А ёлка на Майдане
в оборот
в плакатах, флагах
на крови детей
побитых сворой
из бандитоспецчастей,

которые клялись
в присяге
за народ.
За его деньги жрут
и пьют,
и кровь сейчас вот
с него льют...
А власть долдонит,
что их бьют,
работать,
то есть, тырить
не дают...
А революция зовёт
народ:
— Вперёд!
Вперёд!
Вперёд!
Народ слушает
души свои
и поднимаясь
едет,
движется,
идёт.
И кровь пролитую
отмоют
революцией,
движением...
Говорят, что с революций
пользы нет.
Разруха, мол, и
комиссара кабинет...
Но лучше быстрая
река,
чем рабство лжи,
стойло раба

и мутная,
мутная вода...
Революция — это
рост духа,
поиск правды,
и борьба за лучшую свою
страну —
всегда!
Романтикам так хочется
чтоб революции победы
были движением
только вперёд...

10.12.2013

***

В судьбу не верю,
хоть она есть.
Сломала крылья мне,
а я поэт.
В ветрах солёных
над волной
летал так мало,
а там мой дом...
С высот небесных
смотрел на мир
как копошатся в нём
вокруг мечты.
Мечты так близко
к земле лежат,
и ими рвутся,
и дикий взгляд
обуздавших свою мечту,
и счастья мало,
а я лечу
и громко им
с небес кричу...
Бывает, слышат,
и смотрят вверх,
любуясь птицей.
А я всё вверх...
И, видно, рад был
за себя,
за крылья,
небо.
И не страдал.
Но Бог отправил
за грехи меня
на землю:
— Иди, живи.
Попробуй там
вместе с людьми
в гонке потной
за те хлебы.

которых брал
ты без труда
в небесных высях...
И вода
солёных брызг
впиталась в тело,
и я был чист,
с гордыней,
смело ныряя в волны,
взмывая вверх...
Но гордость — горе,
и гордость — грех.
Сорвала крылья
судьба
и в миг
с огромной болью
я на земле,
а рядом — море
людей.
Мечты, которых много,
все так земны,
все так просты...
И я, отплакав
и отрыдав
судьбы удары,
вновь здесь встал
созерцая
красоты мира
и мечтая,
пока наивно,
о любви и счастье
в доме,
о деньгах
и дальнем море.
Мир втянул меня
так быстро
и растворился здесь я
в грехах земных,

а соль воды
и бури ветер,
полеты вверх
в глубины неба
и крик
от счастья
и стаи круг,
полеты братьев...
И я вернулся
к истокам тем,
куда Богом послан
был
и сам летел.
И сбросив мысли,
мечты земные,
я видел небо
и всё писал,
стараясь снова
найти слова
от самого Бога
и в небеса
отсюда снизу,
с земли,
где мир
вгрызался тигром
в пустыню игр.
Писал я много,
не для себя.
Я славил Бога,
и глаза
открыть старался
я здесь внизу,
и взгляд направить
в небо.
Вдруг и силы
вернулись те,
что были раньше
в полётах всех.

И я пишу
уже со счастьем,
пришедшим вновь
ко мне
с мечтой летящей
по небу и земле...

11.12.2013

***

Срубив концы,
мосты сжигая
транспорт с властью
улетает и как будто
тает...
В своих амбициях гордыни,
а, может, тупости
доныне
из тех времён не очень
дальних,
когда в совьетик
их медальный
и орден масти золотой
вливался труд рабов
и громким эхом
из голов
лежащих под землей,
страданий отданных
стране,
как жертва тёмноцарству,
сатане
и ради тех заводов мощи,
которые ушли как
кости ушедших рук
мастеровых.
А эти сняли пенки.
Шик!
Втянул их быстро
жизни винт
и намотал как сеть
в реке
от браконьеров
по судьбе
их дикой жажды
страстью смятой
к деньгам горячим.

А остальным-то — пшик
с балкона —
кому дезодорантом,
кому газом.
И убежали в мир свой
скопом,
где всё изысканно восточно
и дорого безумно.
Тонко,
но не душевным чувством,
а шерстью, кожей.
Им так нужно.
Материал...
Материальный
мир
материалистов
давит
и дух сникает
исчезая быстро,
и вот их врата
родного личнорая,
у каждого
он свой.
А Божий — то надежда
для простых.
Тот рай иллюзия
для них,
и, обрубив концы,
сорвались
от революции.
Остались лишь восставшие
борцы —
воины из молодых.
Дворцы захлопнули
ворота,

охрана из бандитов
точит свои ножи
и ствол с огнём.
Один на всех,
такой большой
как дыры черные
небес.
С него ведь страхом
льёт свинец
и заплывает в души...
— Нет!
Мы не сдадимся!
Крик в ночи,
и бьются люди,
на щиты бросая
тело.
Менты сбивают
тело в кровь.
И призрак ночи-
череп с кожей,
и зубы редкие вампира.
Не диво,
таких видений
в полумраке
под крик спецназа.
Давка, давка,
кровь в снегу
и лед в крови.
Нули.
Нули.
Нули
их рейтингов мозгов
дебильных,
а транспорт тянет
мимо, мимо,

но всё-таки обратно
в рай,
который здесь построен.
Дай прикоснуться
к счастью боли
чужой
рабов
и недолюдств.
Но здесь уже другие.
Пусто.
И рай исчез.
его спустили
на помощь бедным.
Согрешили,
забрав чужое,
а своё
отдав когда-то
под ружьё
в виде паяльника
и биты.
Мне так смешно
то время лихо,
и президенты — все оттуда.
Их мудрецами кличут
всюду
в том транспорте, где
идиот каждый,
кто первый,
прикрываясь "кравчучкой"
как мудростью великой.
Шутка
чертей оттуда
на сюда.
Мудрец — козёл,
и борода вся
в трусах его,

а мзда
запрятана за
бородой:
заначка в миллиарды.
— Пой! —
кричит их рулевой.
И запевают гимн
степи
о парне, вышедшем
с пути
и не дошедшем до нельзя.
Он призраком стал,
и презираемый
везде, всегда,
как череп тот
с зубами редкими,
когда
я видел полумрак.
О страх, их страх!
Но всё в отлёт,
на транспорт,
где моряк
смывает всё водой,
и власть — изгой,
народ — изгой.
Но вырос воин
долгожданный,
молодой.
Растёт еще...
А транспорт мчит
опять трубой
в ворота рая
над собой,
а там уже
тюрьма с войной
и кровь разлитая тобой...

11.12.2013

***

Отворачиваюсь, чтобы
оборвать безумства
взгляд,
ну, а ноги, ноги
тянут меня назад.
Но назад — то отступать,
а я — воин.
Ну а взгляд-то тот
суровый,
взгляд врага.
Да не враг он.
Просто
проморгал он тот порог,
где человечность
переходит в ужас.
Вечность страха
и мольбы,
вечность горя
без борьбы,
без надежды поминаний
добрым словом,
и лишь званий
на бумаге
по архивам,
и счета в банках.
Активы.
Всё его.
Но мы счастливы
нашей волей
от небес
и молитвой,
где лишь бес
на мгновенье путать
будет,
но потом мы рвём
те путы.

Мы ведь люди!
Человеки!
Это званье нам навеки.
А тот страх его —
к нему!
Он им полон
и в плену
иллюзий сладких.
Царь и царства
на бумаге,
да и сам он
как бумажный,
только крашенный
изрядно,
как дензнаки.
Знаки.
Знаки.
Знаки.
Ради них идут стервячить.
Ради них убийства,
ссоры.
Ради них война
и горе.
Ради них
до без конца
я писать могу...
Сердце наполняя
в память слёз.
А зачем?
Я перерос
это мизерство хлопот,
да и ты,
мой весь народ.
Я горжусь тобою снова.
Я остался здесь
надолго,
а, скорее, до конца.
Ради родины.

А та, которую схитрили,
обобрали,
растворили
в клевете слов
бесконечных.
Вечность бесов...
Тоже вечность...
А мне — хаты,
мальвы,
дети.
А мне — люди, человеки.
Мне — народ
мой самый смелый
и отважный.
И их дело.
Дело правое всегда.
А дикий взгляд царя
растает,
мир его рассеет
и в расщелины посеет.
Диких камней
гряда...
Нам — вечность Бога.
А пока страда,
страда...

12.12.2013

***

Его мудрость —
мудрота.
Маразматика уста
источают как елей
хитроложность для властей,
защищая их всегда
ради собственного я,
тела дряхлого богатства.
Жить старался он
здесь часто
в бесконечности миров.
Я не суд.
Но Бог готов за
игру словами света
место указать портрету
из Советов за советы.
А страной стоят
базары,
лавочки, лотки
и пани,
или пан,
с весами
продают нам
фрукты,
овощи
и другие все продукты
для еды.
Цены высоко взошли.
А у них еще обвес.
Ведь хозяин
капитала — бес,
и зарплату продавцам
он платить не хочет сам.

И так принято давно
на стране —
это быдло
весит в пользу продавца —
граммов сто на килограмм.
С этого зарплата нищим.
А хозяин с голенищем
хрома блеска, шика —
весь в деньгах.
Бизнес-элита...
И бедный люд,
пенсионер,
студент,
обворован каждый день
в момент.
Только что-то ты купил,
сразу сверх страшной цены
еще продавцу и доплатил.
А в это время —
взрыв народный,
и за весы и цены тоже,
за неправду на стране
по понятиям извне
нам принесенным
как в зоне...
Люди встали,
и долдонят
страхом перелиты горла
власти:
бла-бла.
Но брехня,
одна брехня.
А революция пошла,
полным ходом
выводя на орбиту
новую элиту
честных людей...

Но долдоны
без чертей
уже не смогут
никогда.
В переговоры власть
пошла.
Три сразу круглых стола
за три последних дня.
И собрали там себя.
Но чёрт шутит
на дворце
и от скуки
он в конце
вместо круглого стола
ставит большой квадратный
за десятилетия
полон дерьма
и без сливного,
блин, бачка.
Красно-синий и большой
и похож ещё на стол.
Вот только б смыть
его водой.
Но бачок лежит
горой
во дворце чинуши —
он украл его...
Черт шутит...
И столы: ля-ля-ля,
не очень...
Хочется бежать,
и очень
хочется послужить
орде —
власти нынешней...
А здесь, на Майдане,
снег.

Люди смелые.
У всех — лица чистые,
глаза
их сияют как звезды
от которых сила духа.
А весы все врут.
Разруха...
По сознанию страны.
Разруха...
Правят нами
пацаны,
не конкретные блатные,
а шпана.
Им друг — Россия...
Защищает их,
вещает.
Но Россия понимает,
просто держит
нос по ветру —
тоже служат там
конверту,
из которого торчат
купюры важные
сейчас.
Мир купюр,
эпоха денег.
Они символ...
Символ времен...
Время
временное это.
Купюры — враг
человека,
а их подняли выше
неба.
Деньги,
деньги
вместо хлеба,
вместо правды и любви.

Деньги
нас и привели
к весам,
к их столам
и унитазам,
и дворцам, типа царских,
на районе...
Каждый — элитняк
в царь-коме,
помешавшись на деньгах.
Этот путь завел
нас так
далеко и быстро.
Рано и рьяно
бросились мы
с неокрепшими мозгами
в гульбище денег,
оставив
втоптанными в грязь
свободу,
правду.
А теперь взрыв
революции,
чтоб опять лечить нас
от заразы
красть, дурить и красть.
И победить нам
эту масть!
Иначе пасть стране
ещё поглубже
в пасть
антихриста
и там уже лежать,
а он нас будет
до конца жевать
и поглощать...
Власть денег —
тоже власть...

Большая власть,
и ещё больше —
страсть...
А на Майдане
революция бушует
бурей моря
и линчует ложь
и анти-крест.
А власть — митинг свой
в протест:
против революции
на площадь Европейскую
за деньги гонят
подневольных по бюджету
и рабочий люд с Донецка.
“Беркут” с понтом
не пускает
их с Подола
и играет, как оплаченная шлюха
перед клиентом.
Замануха.
Дам — не дам.
Договорились депутаты.
“Беркут” разомкнул ряды,
и пошли демонстранты,
как солдаты,
за деньги власти.
До тошноты...

14.12.2013

***

И скандируют лозунги,
мешая их с матом,
гениальные головы —
бандосолдаты —
из партии славной
и самой великой
после совдепии...
Тихо менты подошли
к забору в ночи
и испугались
народной волны,
что революцией
бьет в берега
и смывает их
в никуда...
А "смелые" стали
вновь материться —
прёт гениальность
ворья для себя.
Но то лишь в их стае,
и то лишь пока...
А люди кипят.
А им тут "майдан", второй,
за деньги,
наскоро,
в поддержку режима,
в мороз.
Испито-синие,
под цвет флагов,
многие лица,
и водят их сотники —
профи-бандиты
из армии мерзости
в тёмных окраинах,
а только стрельнет где —
тут же попадают.

Пьяные, трезвые,
страхом поколоты,
на страхе взросшие
и безмозговые.
Во, бля, часть нации
Витька суподельника
от бухгалтерии
дрожащегения!
Как он гордился
своею нацией!
А нам теперь жрать
эту кашу
ими заваренную...

14.12.2013

***

Капля воды
после дождя.
За нею —
следующая —
ещё одна.
И вот уже ручей,
и три ручья
сбегают вниз.
И их судьба
так коротка
как жизнь —
всего лишь
во время дождя
и чуть потом...
И исчезнут три ручья...
До следующего дождя.
И будут эти,
или же другие,
и дождь моросящий
или ливень сильный?
А, может, здесь
всё зарастёт травой,
и потекут ручьи
в месте другом?
А капли катятся,
стекают по стене,
забор весь мокрый
и промокли
ноги...
Мне
всё это — как
осознанный мой
первый дождь
в июне, с громом,
ливнем,

ручьями по улице
озером серой воды,
а дождь всё льёт и льёт,
и гром, и молнии...
Не до беды бы...
И мама молится,
читая “Отче наш”.
Я повторяю все слова,
и помню, как сейчас,
окошко небольшое
и кровать,
молнии рвут небо,
и гром раскатами
вжимает воду вниз.
Она от страха тоже
всё бежит, бежит,
и капли крупные
по озеру, как для меня,
ссыпают шарики.
Кругами ветер,
и полдня
уже ушло стихией
из воды.
А мы молитву повторяем —
от беды бы...
Было это всё как вчера.
Наутро солнце
и озеро воды,
а, может, лужа,
как для других.
Сегодня чаще дождь
в моей судьбе.

И я считаю
годы,
как ручьи.
Их вроде бы немного.
Не спеши...
Придут ещё другие
годы
и ручьи...

14.12.2013

***

В стране постсоветской
главком, срываясь,
смотрит на мир...
Авторитарный режим...
А вокруг боярство
и князи-пройдохи
в роскоши мерзостной
правят.
И вздохи людские.
Где ж раньше вы были?
Ломали СССР —
лучший в мире
социальный пакет.
А где он теперь?
И на что променяли?
Рады, думы, хуралы
и князебояре и феодалы,
как псы, вороньё
позабирали всё...
— Моё! Моё! —
слышен рык их собачий.
А главкомы
как бультерьеры
рысачат,
чтоб ещё больше
народу сломить,
зажать,
задавить.
За что же нас так?
Да за советы.
Мы грязи много излили
по свету.
Всем недовольны,
и всё нам не так.

Пакет социальный
сегодня как гавк
от пса с цепи —
услышал,
весь сжался, испугался,
а взять
не спеши.
Как взять лишь “Гав!”
в руки себе
в виде лекарства, пенсии?
Нет!
Только лишь зубы
на мышце и кровь...
За что нас так доля?
Зверство как ком
катится снежный
всё набирая силу.
И главкомы рвут
поводки,
а боярекнязья
кусают и забирают
всё, что на глаз хищный их
попадает.

16.12.2013

***

Я, скорее, грешный совсем:
может быть, люди
ко мне и с любовью,
а я верить не могу
им всем
из-за этой сплошной
лжи махровой.
И за что нам
стезя такая?
Грехов, наверное,
в нас немало.
Нам врут.
И мы не праведники.
Вдруг,
срываясь, врём
безбожно.
Ради хлеба куска
и одежды,
ради детей, семьи.
Невежды.
Врут и в богатстве
сказочном тоже,
врут себе, наверх,
и нам.
Гложет меня
моя совесть,
оголяет нервы
скверны безбожность.
Отрываюсь, бывает,
радея,
а душа, душа
чернеет...
И уже часто в пространстве
вместо ветра
несутся вранцы —

это новый вид
субстанции,
которой
наши отношения
крепятся.
Ложь.
Брехня.
Враки.
Вранцы.
Враль.
По расчету и без,
это стало, считай,
частью жизни.
Может быть, ко
мне и с любовью,
а я ложь уже путаю
с болью
человека за помощью
крик.
А, может, врёт он...
А голос его уже стих...
Кладбище.
Крест.
И имя кричавшего
пробивает меня
лишь на миг —
но уже не так сильно...

16.12.2013

***

Бомбардировщик.
Тяжелый,
сверхновый.
С боезапасом —
встряхнуть полмира
без крови,
а правдою в бомбах
секретных.
Подбит был на взлёте.
Бесчестный предатель
продал место взлёта.
Но машина
успела снова сесть
на колёса,
и руля,
тормозя
по полосе, маневрируя
телом пробитым,
остановилась.
И нет в том геройства,
нет в том отваги,
а только спокойствие
тяжелой машины.
Из обслуживающего
штата
это почти никого
не удивило.
И вот он стоял как
музей,
каменея
под солнцем,
дождями
и снегом,
жалея о жизни пробитой
на самом взлёте
и миссии с бомбами
не потрясшими мир.

Кто-то снимался
на фото
у фюзеляжа.
Дети лазили
по огромным колёсам
и забирались по лестнице
в кабину пилотов.
Годы шли быстро,
и новые цели
в армий по миру,
и бомбы летели,
но боевые,
с тротилом.
Взрывы,
огонь пожарищ,
Ирак
и талибы,
и многие другие...
И вот однажды
ночью безлунной
самолёт поднял
крылья в небо
без гула,
без шума турбин,
и без фонарей.
Он шел вертикально,
но чуть-чуть правей
от вечного лево,
в которое тянут
политики-стервы,
от вечной лжи
и произвола,
от страха людей
за кусок хлеба
и за детей
в мире без неба...

И с высоты почти
лунной
он сбросил бомбы
в виде слов,
что продумал
десятками лет.
И слова ложились
штыками
по дорогам,
а другие пулями
в головы спящих
о гадости жизни
и о “смотрящих”
за людом безликим.
Слова пробуждали
к борьбе
со злом многоликим.
А потом тихо
сел снова
на место.
На утро весь мир
взрывался протестом,
узнав слова ПРАВДЫ.
Отныне всегда
ночью темной
взлетал в небеса
бомбардировщик,
который
музеем и экспонатом музея
стоял,
и сбрасывал с точностью
до мини-потерь
слова свои бомбами
где в стихах,
а где целыми книжками.
И мир стал меняться,
и аплодировал:

— Отлично всё!
Люди узнали ПРАВДУ
без горя
и без войны.
Увидели горы,
свет за которыми
горел беспрерывно,
и радость по миру,
и ЦЕЛЬ стало видно.
Стали молиться
люди до Бога,
благодарить Его
за жизнь,
огромом славить
за СЛОВО и за СЛОВА.
бомбардировщик
без устали
собирался вновь
с силами...

16.12.2013

***

Боже!
Спасибо Тебе
за счастье.
За то, что налил его
мне полную чашу
и до краёв.
Стекая на стол,
та чаша всегда
полна,
хоть я пью её
без конца...
И хочется выпить
до самого дна.
Жизнь летит быстро,
и моя душа
насытится хочет
счастьем земным
и неземным,
где Ты и Твой
горний Иерусалим.
Но чаша полна
и не убывает.
Душа насыщается.
Так Ты нам
в Слове оставил...
А я всё склоняюсь
и пью
без конца.
Мир Твой прекрасный,
и счастье Отца
иметь вот такого,
Отца самого
Господа Бога...

И чаша полна,
и я отливаю
близким своим,
незнакомым
и дальним.
Делюсь с ними словом,
передавая крупицы
счастья от Тебя
и земнорая,
что музыкой
в душах поёт и играет.
Твоё Слово
надежды и правды
и счастье быть
избранным в жизнь
на Земле.
Господи!
Чаша счастья...
А ты пил
какую?
Из-за нас на Земле...

16.12.2013

***

Влада надовго —
думки їх.
Влада і дітям своїм,
що стали бандитами
ще до народження.
Втіха!
Втіха —
гроші,
хата,
родина.
Але то давно було.
Вони захопили
цілу країну,
і в замки, маєтки
привезли родину —
стару чи нову,
як хто хотів.
Майдан.
Революція.
Повсталий народ.
Війна до кінця.
Нерви і сили.
Хто вистоїть довше?
Влада в глухому куті
шкірить зуби
мов звір.
Їх побороти можна
лиш часом,
силою духу,
молитвою.
Матом хай "рускім"
горлають вони!

Майдан.
Революція.
Війна.
...Олігарх
стане в гаремі
євнухом
султана
десь на крайсвіту
без Роксолани,
де в наложниках
ті таки олігархи,
та ще міліціянти
і чиновники,
що люто огризались
на Майдан.
Війна.
Плаче мати.
Син на Майдані,
і донька
збирає
речі в дорогу,
Воїни армії
від народу.
А люмпени п'ють
горілку,
цмулять пиво
на похмілля
і славлять недолугого
вождя:
— Він наш,
в законі президент!
Йолопи
з пальцями врозкид
в омріяний пруться Союз.

Перед наступом
спирт їм дають —
по кварті чи гранчаку.
Вип'є і спить.
І сни його чорні.
А Майдан стоїть.
До перемоги.

17.12.2013

***

Ночью в доме что-то
встало.
Грохотало и кричало,
в ванной билось
как в припадке,
а потом в полном
порядке
барабаном застучало.
Яркий свет
в лицо ударил.
— Я — прожектор!
Тот, что боле
двадцати уж с гаком лет
рвал Советы как конфеты.
Я — Прожектор Перестройки!
Заскочил к тебе
по-свойски.
Ты ведь тоже пишешь,
светишь
о временах
позднесоветских.
Так давай,
быть может,
вместе?
Что мне там, в архиве,
делать?
Ждать в подполье
вехи века
Горбачева и Попова,
Ельцина и Лигачева...
И стал так светить
и бахать,
что я встал
и на фиг трахнул
по очкам
и в дых затем.

И с балкона
слышу
звон разбитого стекла
и голос:
— Хрен с тобою!
Я ж по воле
ваших спецслужб!
Такая доля —
всем служить
и всех калечить.
А тебя хотят чуть эти...
Но я лег в постель
во зле.
А тут руки,
и по мне
с лаской, нежностью,
любовью,
и тело девушки
вдруг надо мною
в воздухе как призрак...
Я собрал постель,
призрак этот завернул
в одеяло
и опять с балкона
вниз.
А там крик:
— Майор погиб!
Эта ночь спецопераций
так меня помяла.
— Здравствуй! —
и опять девица
рядом.
— Я полковник госспецназа.
По приказу главкомверха
завербовать тебя должна...

Чтобы девка
в этот поздний час?
И полковница?
Сейчас!
И я её с балкона тоже.
Крик внизу:
— Полковник ожил!
Кто-то дергает плечо.
Открываю глаза,
и что?
Я в суде за мирный
митинг.
Без сознания всё время...
И слышу судят всех
подряд невинных —
и в СИЗО, в тюрягу.
Я с трудом поднялся
в клетке
и упал опять...
Но в сознание ворвалась
память —
вижу как ментовка "Беркут"
палками метелит тело.
Вот он вечер...
В самом деле
здесь начало
ночи этой.
А ментовский "Беркут"
лупит и калечит...

17.12.2013

***

А я рвусь назад.
Ворота
все запахнуты
и туда
ходу нет вообще.
Только тем, с ружьём,
а я рвусь назад
и огнем
изнутри себя
рву забор
стали кованной.
Зубы в лом.
Я восстал,
и бегом
по пустым полям,
по лесам,
по реке
где вброд,
где вплавь.
Не догнать меня,
не найти.
Я не буду там,
где забор.
Мне уйти,
мне свободы дух
и тепло
материнских рук.
Все ушло...
И я ушел
от тюрьмы весны,
от тюрьмы миров,
где закрыты мы.
Я прорвал металл,
и волна
унесла меня
в моря даль.

И найду ли я
берег твой?
Но ты жди, встречай...
Шансов выжить — ноль,
Но свободен я!

18.12.2013

***

Каждый день
я долго спал
со своей новой
подружкой,
которая ещё неделю назад
казалась мне чудом, игрушкой,
потом валялся
на смятой постели.
Лень поразила меня
давно,
как и многих
в стране-бездельне.
Сердце черствело
изо дня в день,
и всё надоело.
Даже деньги.
Поверь!
А Майдан в это время
шумел и бурлил.
Революция шла
впритык к кодлу
тёмных давно уже
сил...
И я быстро
с кровати вскочил.
Душ холодный,
кофе...
В карманы,
а там — пусто.
Почистила девка.
Вышел на улицу.
Первая мысль —
ломбард.

И я, тихо оторвав
кусок от страны,
с трудом затащил
его в дверь.
Молчали пацаны,
от удивления
головами качали,
но деньги быстро
мне дали.
Я купил патроны,
зарядил свои
лохотроны —
именное оружие
от президента —
еще с помаранчевых лет,
лежали, пылились.
И тут моментом
я отстрелялся из них
по Европе,
потом по России,
и боком, боком.
Но меня под
руки взяли менты
и в СИЗО повели.
А суды?..
Они остались чуть в стороне.
В камере сидел
революционер-националист
из тех, что еще тогда,
в девяностых, на первой
волне в поезд вскочили,
и по стране, и по стране...

Я к нему,
а он ко мне.
На штыках мы.
И я перешел на мову:
— Слухайте, добродію,
Україна мальовнича
та красива,
але її знову продали
як продається тут усе.
Вона не наша вже давно...
А він зірвавсь
на крик.
Вуса тремтіли,
і я став ворогом його.
Він кричав,
що винна
тут Росія...
Я довго терпів,
але сказав:
— Країна, де можновладці
дуже хутко стають
заможновладці.
І заходять за межу,
і влади, і багатства.
В Європі їхні статки,
нерухомість,
банки приймають крадене
без кінця.
А тут революція.
Рівняйтеся на Європу,
а та ні санкцій
заможновладцям і бандитам,
щось там говорять чиновники
із Європи...

І просять революцію
все мирним шляхом.
А гроші йдуть і йдуть
в Європу....
Як розумію, наш шлях
в Євросоюз, —
не тільки наш добробут,
а стандарти на життя.
Суди, прокуратура,
захищенність людини,
рівні можливості...
Та нині не віриться
в таке нам щастя.
Подвійний тут стандарт.
И власти наши
не очень боятся.
— Постій, постій! —
кричав націоналіст,
дивлячись на грати. —
Хто їх навчив?
— А що там? — я питаю.
Несуть країну гади
в ломбарди,
і шматками, і жменями,
і хто як може.
Я підлякався трохи,
можливо, це моя пригода.
Зранку я теж
поніс шматок столиці,
і страх пойняв мене,
що все на мене
спишуть.
— А ви не хочете, — питаю, —
як в "Графі Монте-Крісто",
щоб я таким шляхом
на волю вийшов.

Він як накинеться
на мене —
здоровий гицель!
І зрозумів я, що
гаплик мені.
Темно стало в очах...
Вокруг менты,
и меня в кабинет
главкомвождя.
А он мне орден
и звезду.
— За что?
Я оторопел.
И главком
поцеловал меня взасос.
— Ты спас нас всех.
Ты нам помог.
Мы тоже сдали
часть страны в ломбард
российский
и получили миллиарды...
Шиш
тем, кто на Майдане! —
кричал главком.
— А ты — хозяин.
Новый хозяин
новой страны.
Ведь ум твой нам,
как, блин, штаны.
Без них — никак,
а ты простак, простак...
И так придумать!
Гад!
Я по-хорошему, любя.
Да вот тебе ещё звезда
и на погоны тоже.

Я вскочил от счастья.
— Можно,
я силой разгоню Майдан?
— Иди, гони.
Я “Беркут” тебе дам.
И я пошел ломать, крушить.
Я гнал восставших
на Подол
и вниз.
Но что-то вдруг
в глазах опять стемнело.
Народ взял в руки
это...
И пошло по делу...
Мы отступили в Яготин.
А власть ушла,
все как один,
не в СИЗО, а за бугры.
А я орденах, погонах
спрятался в селе среди
коров
с ядрёной бабой молодой.
Был генерал всего лишь день,
а стал крестьянином
с бородой.
Но лохотроны, ксива
остались все со мной.
И ищут вроде бы
меня порой,
и часто приезжают
люди с новой власти,
советуются,
подбрасывают мне деньжатки...

А я напьюсь
и чищу, мажу маслом
лохотроны...
Целую ксиву, ордена...
Мне бы патроны...
И вдруг российский депутат
Жириноибовский Вульф
пообещал, что после
Олимпиады
Россия в Украину
даст патроны...

20.12.2012

***

На Зверинецком кладбище
у нас на Киеве
не всё спокойно
в года последние,
а потом ещё
стала исчезать
и благодать.
А началось здесь всё
с трёх прикольщиков,
которые решили
похоронить своих опять...
Чертовецкий мэр
яму грёб в ночи
и летели вверх
кости и кресты.
Хоронил он сам
втихаря
своих близких
и удрал потом нагора.
Или на восток,
бросив город
и политику промеж ног...
А Порох Петя —
революсьёна дух
оттяпал склеп
с камней богатых
и купол вгруз
с сусальным золотом,
и стало страшно всем
покойникам
и неспокойненько.
Фараонов нет
в пирамидах тех,
но все идут в Египет.
А зачем?

Камни серые
да чуть жёлтые,
а склеп как мавзолей
стоит в фигурах,
и молва бежит,
ах ты, курва!..
Но туристов нет
пока на кладбище.
Время придёт,
пойдут.
И страны разные,
и ЮНЕСКО вдруг
на учёт возьмут.
И я тоже там
буду строиться
пусть под шифером,
рубероидом,
из досок да из пластика,
небольшой такой мавзолейчик.
Будут сниться мне
в жизни этой
и сожгу потом
спьяну склеп свой я.
Мне б потом...
А Витёк-тележка
с вертикали
президентской той,
где как ралли
третьим стал
и вбабахал
две могилы сам
предкам махом —
перевёз гробы
из села родкрая,
и сложил те мощи
урыдая,

укрывая,
созерцая,
изнемогая,
психомая,
ум ломая
всё втроём.
Зверь зверьём, на зверинце
дом...
Втроём...
С властью...
И с баблом...
Без психбольницы.
А там, по правде бы,
им дом...
Втроём.
— Снесём! —
сказал кто-то в ночи.
И бежал я
куда-то в даль.
А голова так и
не смогла это
в себе вместить...
Печальная
в сумерках ума печаль...

20.12.2013

***

Олигархия — базис
государства,
а политические партии —
надстройка.
Олигархия — базис,
а институт президента
с вертикалью власти,
парламент
с советами на местах,
силовые все структуры,
суды, прокуратуры —
это надстройка.
Система государства!
Ей — двойка
по шкале в пять баллов.
Какой-то дурак придумал
низ шакалов
и верх стервятников
питающихся с низу.
А народ?
Он сам по себе.
Остатки или останки
лижет
и крохи собирает
у ворот
народ...
А нужен ли тогда народ?
Да!
Но некоторая часть его,
здоровых и рабочих рук,
красивых девок
для времяпровождения
тех двух —
надстройки, базиса, —
чтобы помять подруг.
Одарить потом чуть-чуть.

Может это проституция
у них?
Они не видят в этом зла.
Церковь молчит.
Наверное во рту вода,
но не святая.
Да!
Мне это неприятно.
Менять нужно систему
государства
всю обратно.
Куда обратно?
В новую такую,
где базис — производство,
люди,
где базис — наука,
технологии, работа,
социальные гарантии.
А надстройка нужна
ведь тоже
но чуть, мягко сказать,
другая.
Пропущенная через сито.
Врали и будут далее.
Но ведь не столько
и не так.
Частица Бога есть
во всех у нас.
Частица Бога есть во всём.
А мы так деградировали
грудью и лбом,
мозгами, сердцем.
Частица Бога не даёт покоя
верным,
но сила тёмная
толкает по кюветам,

по хатам, хуторам
и страх гонит всех
в эти гетто.
Страх снижает
иммунитет,
и всё живое болеет
и умирает в ответ.
Страх убивает личность,
страх обращает в низость
хуторских и грязнонемытых.
Вера в Бога
лишает страха
и поднимает людей
до уровня человека.
Слово.
Молитва.
Труд.
Книга.
Книга.
Книга везде.
Борьба за себя.
Борьба для Бога.
Богу нужны личности,
а не вруны-прокуроры,
бесчестные судьи,
хамы политики.
Но мы их выбрали,
мы — минивинтики.
Ржавые, гнутые,
без резьбы.
Мы позорим частицу Бога
в своём генетическом коде.
Нас сменят другие,
а мы уйдём в бесславии,
проклятьях и духовной
нищете в могилы...

Могилы дебилам,
могилы холуям,
могилы нечеловекам
зарастут бурьянами.
и исчезнут с лика земли,
а в ноосфере их
рассеют, чтоб не
позорить Бога.
Герои.
Вы многие — герои.
В борьбе пока
без крови.
На Майданах
и площадях
я молюсь за всех вас.
У вас — частица Бога,
ей откройте в своих
чувствах дорогу
от позора многих
до света пришедшим
уже другим
и совершенно новым...

20.12.2013

***

Круглые столы
у нас без конца,
а в параллелях
я вижу унитазы.
Может быть, предвзято
отношусь к ним я?
А, может, всё-таки
поганят нас власти-заразы?
Утром белый-белый снег
летел с ветрами,
крупный,
землю покрывал,
но через час
он начал таять.
А на Майдане, в церкви,
служба.
Люди молятся Богу,
и я спешу
со своей молитвой тоже.
Не опоздать,
не тратить время зря!
Быть может ещё есть
шанс спасти мне
своё имя?
И я Бога прошу, прошу.
И день весь этот дивный
я с людьми
душою на Майдане.
Я верю в них,
в эти ростки первые,
чистые.
В подсознании
нет тревоги.
Есть только радость бытия:
восставшая очистится
страна,

и мудрость Божия
сойдет и останется здесь
навсегда.
Украина удивит, изменит
мир.
От Украины — начало хода
нового времени.
...Капли с крыш
от тающего снега,
и ручейки воды,
и солнце, прорываясь
сквозь тучи, светит,
и дети ждут меня
сегодня в гости,
а день — движением
вперед, к победе
Правды, Чести, Совести.

21.12.2013

***

Политический кризис
на нашем Дворе.
Дворня срывается с рельсов
и рвется в себе.
А Майдан гудит пламенем
как Запорожская Сечь.
Власть бросает народу
кость, вроде бы, белую,
кто-то еще, по-прежнему, ест.
И бесконечно идут
длинные, вялые столы круглые
на вид спиральные.
За ними сидит
шелупонь в основном,
пройдохи и Бендер Остапы.
Не слышно уже детского
смеха в стране,
а слышно лишь как
чеканят шаг солдаты.
И как по мне —
заговоры ведут и говорят,
заговаривают всех,
а кто не сдаётся,
на тех шлют
митинги проплаченные
и мордоворотов
типа пацанячей рожи
калашной,
и ряд их большой,
и, вдобавок, — пустой,
в шеренге через одного,
и те несчастные,
с умом не того...
А Майдан охраняет
пока барикады,
формируют армию
для обороны.

Да хватит
им силы здесь устоять!
Завтра вновь виче —
под мильён люда.
Нас не сломать
речью русской
всяких усохших
политтехнолов давно
подохших,
но вставших в ряды
Косолапчуков.
Рухляди этой —
целый вагон,
а, может, и поезд
“Киев-Москва”.
— Ту-ту! — электровоз,
а братва,
под шум революции
и довыборов грязных
в Верховный Совет
за деньги бандёжны,
сдала в металлолом
половину пути.
Половина осталась.
На недельку.
Спеши! Может, доедешь
с командой своей
вагоном и поездом
хоть в город Орёл,
или под Псков.
Где-то, может, придётся
пешком,
но шкура хоть целая
останется у вас.
А там Россия пригреет,
и даст в глотку газ
горящий по тундре,
и там вам тепло.

В Крыму можно будет
отколоть часть страны,
оторвать от туалета
дверь, кирпичи
и снять окошко
с битым стеклом,
а с востока — тачку
шлака, и всё бегом
на кордон тот российский.
Это часть страны, что
дадут вам отколоть
и забрать.
Ещё, может, запах
осенних ветров
и узелок земли
на память.
Отход.
Отлов.
Будь готов!
Эмиграция всех
предательских голов,,,

21.12.2013

***

Лемех плуга вгрызается
в землю
на глубину в рост человека
и тянет борозду через
поле жизни
простой мужик,
чтобы поле засеять
золотым хлебом
и чтоб колосилось,
родилось.
Пот щедро стекает
с лица и спины
и каплями падает перед
плугом.
Стерни прошлогодней
остатки и травы,
в небе птицы кричат
и рады,
что будет хлеб вновь
на поле,
и будут сыты дети вороны,
что уже сто лет живет
рядом в гнезде
на старой сосне.
Коровы смотрят устало,
глаза их грустны...
А налом,
большой сумкой
или чемоданом,
судья принимает
решение явно не правом,
а собственной выгодой
роскоши жизни.
Во первых: дом и квартира.

Во вторых: дорогая машина —
одежда, украшения
здесь не в счёт, —
это так принимается,
как зачёт.
И решения часто — не право,
не правильные.
Сажают в тюрьму безвинных,
а главное, —
что виноватые на свободе
гуляют.
Они идут во власть
и там процветают.
Право...
Неправда...
Придумали всяких нычек
уму:
Конституционная ассамблея
спасает страну
под руководством
пана Сапожника,
бывшего хитрого лиса,
безбожника
из идеологов ленинской партии.
Как зачарованные люди
безбашенные
избрали всего лишь
на час Президентом,
а он грабанул и дал
грабануть
больше немцев
за две мировые...
Много лет в страхе сидел
и завыл даже,
но тут подняли
новые силы

хозяева бесов, которые
им в стране уступили
свое бесовское
от их напора.
И вот пан Сапожник,
что-то там строит
уже годы новый закон.
конституции нет,
а есть, пардон,
их потуги и затхлый воздух
в их кабинетах
и даже прихожих.
Наверное страхом
ведя свои танцы,
они не успевают
в туалет.
Вот засранцы!
Заработались в славу
тех, кто бесов ораву
смог разогнать.
Что ж это за сила такая,
едри его мать?!
Перед нею упала Европа
и Россия шаркает ножками.
Как-то мутят
единицы в шеренгах
силы этой безбожной,
офонаренной,
и заливаются речками
речи.
Слушаешь, слушаешь
и вдруг свои мозги калечишь
от их слов.
Погоди, погоди!
Но поздно кричать
и телевизор свой выключать.

От их вывертов речистых
и громких
сходят с ума слабые.
Гонки по ямам.
А что же они?
А они нездоровы,
и их всех свели
хитрые бесы в кучу одну,
чтобы потом опустить...
— Бум-бум-бум!
Стучит кто-то в окно,
хорошо, кулаком,
а там темно,
но рожа горит
фонарем сине-красным,
и рот без зубов
с языком, что колбасит
по грязному в пыли стеклу
на окне,
и слюни текут обильно
как при дожде.
А тут, вдруг, и зубы
сами по себе
прыгают и танцуют
на оконном стекле.
Я не побоялся, открыл,
а он испугался,
завыл:
— Я полковник, гебист,
служу по партийному,
и пришёл напугать тебя
в революцию —
клиньями
клин вышибать!
Но сам боюсь,
ё... и ё... мать.

Так жмут восставшие
люди в наш фейс,
и груди становятся
впалые
даже у наших любовниц...
Капец!
Как пережить это, поэт?
И мне стало жаль
единицу из силы,
что славилась так, что
их всех носили
и славили дикой любовью
за всё.
А тут такой страх...
А что же тогда,
когда упадут
олигархо-провластные
здесь господа?
И я напоил его чаем
с Майдана,
повесил значок пионерский
и ткани два метра в руки
хлопка таджиков.
Он улетел вниз,
потом запиликал на
чёрном баяне
шансон дяди Вани.
А в это время
менты опять пытались
бузить на Майдане.
Восставшие третий год
всё баррикады свои
укрепляли...
На Майдане заработали
детсад и школа,

ЗАГС регистрировал
свадьбы,
и жили не очень
печалясь
революционеры,
что за деньги власти
построили по Крещатику
небоскрёбы,
чтобы все восставшие в них
помещались...

24.12.2013

***

Текущий момент в стране
не приснился бы даже
во сне
так лет двадцать назад.
Текущий момент
протекает кровью сквозь свет
в темноте этих лет.
То избили мирных людей
на Майдане,
жгут автомобили активистов
революции
и в них стреляют,
а ночью избили жестоко
журналистку,
и активиста в Харькове —
ножами под дых.
Милиция взяла дела,
но пока разводит руками,
мол, провокация, хана.
А бандюками
кто руководит
на стране?
У моей знакомой, жены
депутата верхxаты,
украли мобилку
на Владимбазаре.
И я посоветовал мужу
взять мента главного
там
и грызть
пока не вернут.
Наутро мент тот, майор,
вернул телефон...

Бандиты, воры — под ментами,
они платят за крыши
и сами не сделают лишний
шаг,
особенно в политакциях...
Так, генералы ментовские!
Так!
Мне голос твердит изнутри:
— Возьмите двух "авторитетов"
мафии нашей,
зажмите "в тиски"
уже ваши,
и будете знать всё про
журналистку и активиста.
Без изъяну вам назовут
заказчика имя
и исполнителей.
Мимо пошли следаки...
Мимо пошли ревпростаки...
А кровью истекает
под Рождество
текущий момент.
Прорвало...
Да нет!
Она текла так всегда.
Просто сейчас
говорят журналисты
чуть правды в глаза...
Кровь, кровь, кровь...
Не своя, а чужая.
И боль не своя.
Но время за вами
уже пошло, "господа"...

25.12.2013

***

Майдан —
территория без обмана,
где любовь очень рано
грозной раной
пережитых лет
превращается в славу,
как убитый поэт
к покаянию звавший всех.
Здесь свобода и царство
духа прежде всего,
а рядом рвется мордастый
спецмент, чтоб того...
Грязной дубиной и литой
подошвой отбить
радость жизни
и вернуть в рабство вновь.
Территория рядом —
большая страна
стала зоной, где правда
тоже зек,
и сполна коротает
дни, ночи
в тюрьме.
Нет выхода в осень,
только в смерть раннюю.
Здесь бушует безволие
и крик смотрящего
изо дня в день.
И только ночь освобождает
от тяжелых цепей.
Постсоветкое рабство
за грехи дедов всей
территории, залпом
скатившейся в сейф
далёких и призрачных
островов —
там какие-то сласти,

офшоры
и власть
над деньгами без меры
засосали как в смерть
проходимцев без веры
и готовят конец
поколениям целым
за сорвавшихся в спесь
и подающих примеры,
где любовь — только секс.
И вновь бьёт машина
другую в борт
на ходу
в Рождества ночь.
А в ней девочка.
И я бегу.
А машина бьёт силой
пока, что в трубу
загоняет повстанцев.
Дикий мат.
Но девочка бьётся,
она здесь солдат.
Её добивают,
а сами ныряют
в ночь, которая стала
их вечным
перевернутым вниз
крестом.
С кровью и болью,
на ходу и в бегах,
как сорвавшихся волей
их Бог гонит в подряд
подписавших бумаги
и отдавших там честь
до конца
без отваги,
и лишь ночью,

где бес
разгуляй погуляет
и они с ним в бреду
чести грязной с отвагой
бить дитё за пиво, еду...
И рвётся снарядом
душа на бегу
из страшного ада
постсоветских гуру,
которые взялись
неведомо где,
а здесь поднялись
до самых небес,
чтобы свет закрыть
собой людям
и бить их и бить
где дух, а где тело,
но калеками в мир
отпустить.
И логика правды их
зверячей
не нам —
она алогична,
и как с зомби звучат
их слова повсеместно
страхом диким полны,
их бесконечные речи
бесовской белены.
Постсоветские страны...

26.12.2013

***

Он проклят будет
здесь навеки.
Нелюди и недочеловеки
каждый, кто в независимость
страны
вошёл в галошах грязных
и весны радость
замял ростки,
порвал,
украл,
сожрал —
и умерла весна свободы.
Обвал, отвал, завал
бегущих власть нести
тяжёлым бременем
тоски извечной
в душах грешных.
И так хотелось всех
потешить
своим родством
и высшим слоем,
прыжком на лестницу,
где боем
потом сбивали в низ
в могилы,
а кто бежал
от безумия "малины".
Но крепли крепко пацаны,
с виду респектабельные
и полны
любви и милосердия.
Их внутренность была
как дебри
непроходимых тех болот,
откуда змеи
и морфлот
как герб, штандарт.

О корабли!
С моря Чёрного
на край земли,
и там за деньги
их смели
как дефицит в Союзе.
Шли, шатаясь и качаясь,
шли валяясь, прогибаясь,
шли вельможно и чуть томно,
шли как воры с подворотни.
И в них были лишь
карманы,
их карманы полны дряни,
что сгребали руки-грабли
и совали, и совали.
А к деньгам ещё
и бабы
молодые в молоке,
в масле, сыре.
Налегке, выскочив
из дома голой,
падали в их руки
попой,
отдаваясь за гроши.
И их брали бренькачи
новой порослью
с печи украинского позора.
Но позор тот стал
звездою скоро,
и завидовать им стали,
хоть они всех обокрали.
Мир вначале затуманен
был развалом
на чуланы
суперсилы, где рога
так трощили до нельзя.
И та радость длилась
долго.

К ней привыкли
и парторги, ставшие
донами
или папами,
лежали, ждали.
И дождались.
Мир их принял
как своих,
и керосинить стали вместе.
И лекарства нам не зря
полугодные мышам,
и продукты —
ужас, страх.
Всё везли как в свалку
мира.
А власти ширили мерила,
поднимаясь в рейтинг
"бабок"
по-бандитскому.
Припадок первый
по Европе.
Припадок в Штатах.
Но то блохи по сравнению
с тем зверем, что возрос здесь
в самом деле.
Он дотянется ещё,
он возьмёт за кое-что
и придавит, защемит.
— Ой, болит!
— Ай, болит!
Слышно будет с разных
стран.
Без привычки.
Ведь пацан "по понятиям"
возьмёт,
по закону вольных гоп,
или гопников у нас.

Будет крик,
и будет срам.
изнасилуют, сомнут,
а потом и продадут
кой чего на света край,
как морфлот наш.
Хай да хай!
Не пройдет у них
и в нас.
Истиблишмент наш
уже у вас
в домах крепких на века,
в банках, что ждут
отмашки дурака
из Верххаты до пока...
Новой жизни
русский стиль —
и гопак наш
и кадриль,
но при этом
подразденут дуру публику
и немощь
превратят в товар
как здесь.
Стариков и их совбез
перепишут на себя
квартиры, хаты и дома.
Может быть, таким
путём мы от них
избавимся потом...

26.12.2013

***

Тоска,
страх,
тревога.
И как дождь осенний
беспрерывно
слёзы, слёзы, слёзы.
Город упорно ищет Бога
в ресторанах,
барах,
банях,
казино,
бильярдных
и борделях.
Кто в театре,
концертзале,
кто в охоте-убивальне.
Ищут в церкви,
на минутку
залетев
и свечку:
— Ух ты!
Это ж Бог вот на иконе! —
и опять ушёл спокойным.
Не надолго.
И тревожный взгляд глазами,
и тоска по сердцу гранит
как резцом алмазным.
Ранит...
И бегут всё в тот же круг.
Дома-дворцы во многих
тут.
Дорогие крыши в них.
Не пропускают воду,
а если что не так,
в миг отремонтирует
свободный от работы:
вон их очередь стоит.

Но со стен и потолка
ночью капает вода.
Просыпаются и быстро
снова мастера.
— Ов-ва!
Это пот людей страдавших, —
говорит мастер
от страха
пальцы
мокрые
сжимая.
Пот!
Хозяин рая
его быстро выгоняет
и других.
А те всё тоже.
Пот!
Потом проходит.
Стены высыхают быстро.
Потолки покрасят.
Чисто.
Но вдруг ночью:
— Кап-кап-кап...
Свет включили,
глядь, а там
краски красной лужи.
— Мастеров сюда!
Те бегут —
больше Богу
угождать нужно
новой касте зверя.
— Это кровь... —
и мастер падает, белея.
Кровь сочится из машин,
часто вымазав мундир
или там костюм
и платье...
Стонут по постсоветчине.

Несчастье
нам, богатым.
Кровь и пот везде.
И плачут власти,
и богатых это
так тревожить стало.
Ведь и пахнет
потом, кровью.
Ночью вдруг вступил.
Не больно,
но матюкнулся,
и под душ.
Плачет город.
Ищет путь
ко спасению всего:
земли,
домов,
машин,
квартир,
денег,
золота.
И пыл проявляют отъезжая
в места святые.
Убивая дальше многих,
убивая десятилетия
и гнобит
всех под телом царским
царь из постсоветского
пространства...
Безнаказанные
смело
взяли в руки власть
и дело
всех предшествующих им
поколений.

Гимн у каждого,
как воля для
простого народа.
Знамя,
воля
и тюрьма.
Рядом всё,
но побеждает
всё-таки хана:
прокуратура,
суд,
менты или полиция.
— Ух ты! —
название им как в Европе.
Треугольник смерти.
Вопли,
стон,
и та же кровь,
потом морг
и гроб...
Простой.
А Бог молчит!
Да нет!
Он здесь ведь.
В каждом есть
Его частица.
И даже в тех,
кто кровь льёт?
Лица есть,
а что за ними,
я не знаю...
Мимо.
Мимо.
Мимо.

В горести идут года
страданий,
боли.
Как всегда.
И полуумершая лежит
на грязной больничке
постсоветская страна...

27.12.2013

***

Готовили теракт
без памятника Ленину
оставшиеся горстью коммунисты.
Поезд хотели пустить
под откос
проукраинский...
И вышли на полотно
железнодорожное ночью
с тремя двадцатикилограммовыми
ящиками гвоздей —
"соткой".
Начали забивать их в
рельсы типа Р-65,
но гвозди гнулись и
в рельсы их было не вогнать.
После долгих разговоров
шифрами с Аль-Каидой
по телефону,
принялись гвозди колотить
в шпалы железобетонные.
Но они гнулись так же,
чуть кроша
и царапая бетон.
Руки были избиты
в кровь.
Рассвет поднимался поздний
и загорался день новый
вопреки
чаяниям атеистов-коммунистов.
— Дрянь гвозди китайские! —
сказал руководитель
тергруппы.
А поезд уже мчался
с агитпромом на восток.
Там какой-то обормот
руководил поджогом машин
активистов Евромайдана.

Машин сгорели десятки,
а поджигатель не был
найден.
Подняв руку,
старый коммунист из рабочих,
остановил агитпоезд,
и они группой вошли
в вагон с гвоздями.
— А что за груз у вас? —
спросил проводник чуть пьяный.
— Да так...
Челноки мы по профессии.
С Китая — сюда,
а потом — в Китай.
Так деньги и товар месим.
Поезд был забит
молодежью.
Пели песни.
Революционной дрожью
трясло коммунистов:
— Это же враги наши!
Мы давно уже
за капиталистов.
А в это время пришла
команда с Аль-Каиды
найти пропавшего барана
у Генсекретарей компартий
России и Белоруссии —
им подарили на праздник
Ленинской революции,
а власти украли барана
на ходу в поезде.
В Харькове тергруппа
быстро выменяла барана
за гвозди
и доложила о выполнении
задания.

А ночью решили сжечь
авто активиста Евромайдана.
Сожги весь автопарк
мэра Кариеса и губернатора
Бобкина
во главе с “майбахом”
и доложили руководству
партии.
А там — скандал и возмущение:
— Отправить группу
коммунистов в Китай
на расстрел,
так как в Украине
отменена смертная казнь.
И группа, зарезав барана,
пришла к активистам
Евромайдана.
На костре жарили мясо,
жгли партбилеты
и вступили в Майданоорганизацию.

P.S. Это был сон
секретарей компартий
Украины и России.
В одну ночь,
в одно и то же время,
но в разных постелях...

27.12.2013

***

В телестудии под
ярким светом
политики и политологи
об этом...
о политике в стране...
Оппозиционные лидеры.
И Джингамиров, журналист,
не даром,
за деньги власти,
утюжит Майдан восставших.
Он полон зла,
и сфера вертится со злом
в нём...
От неё он вроде
сильный,
но на деле
агрессивный,
злой,
надменный
и лукавый.
Сфера вертится, играет
и Джингамирова
переполняет.
Вот уже за край его
льется в телевизоры
и зло, и цинизм,
и агрессия,
и шиз...
Обычный шиз.
А где-то праведник сидит
и смотрит передачу —
миг ещё к страданьям
душ
обездоленных.

И прут из сферы зла
бесенята —
ать-два! —
как солдаты
без добра.
А глаза любви полны
человека
от земли.
Человека правды крик:
— Как так можно врать!
И вжик —
Джингамиров в страхе вдруг.
От любви,
добра
зло скукожилось,
и мзда от власти
не спасла.
Микрофон об пол,
и из студии — бегом!
Брюзжа злом
и ядовитою слюной.
— Хамство,
свинство! —
говорят те, что там сидят.
Нет!
Сломался
злоходящий,
лицемер
и бес смердящий
будет жрать его теперь.
Больше некого.
И зло,
что собрал за жизнь
кривую
будет мучить
напропалую,
и кошмары по ночам...

И весь мокрый
крикнет:
— Сам!
— Нет! —
ответит ему зло:
— Ты не сам!
Я здесь, с тобою.
Ты не бойся,
не кричи —
это ведь западло...

01.01.2014

***

Боже милостивый!
Спаси меня.
Боже!
Я люблю Тебя,
так же как
любишь Ты меня.
Спаси нас, всех людей,
страну нашу,
и мир
пусть будет
здоровей,
честней,
добрей!
Ты помоги нам,
пожалей...
Твоя любовь во все часы,
во все века,
и приходишь Ты
в трудный час.
Ты Бог!
Бог наш!
Другого нет у нас.
Другого и не будет.
Ведь пробил час.
Уйдут кумиры,
уйдут иуды
и крест Твой
осенит народы.
Иисус Христос...
И боги мелкие падут,
рассеются, исчезнут,
и только Ты,
и крест Твой честный,
и милость, и любовь
спасать, спасать, спасать

днём и ночью
заблудших нас
опять, опять, опять...
Мы теряемся,
надеясь на себя,
теряем веры нить,
и что там говорить —
Тебя!
А ты всё терпишь
и прощаешь,
а Ты к нам
тянешься,
спасаешь...
Нас и наши души
для вечности,
отдав Себя
служению не лучших,
но Ты надеешься
на человека.
Надежды Твои
не пропадут
и век от века
к Тебе идут, идут, идут.
Еще придут.
И я приду.
Не так как приходил,
чтоб взять уду.
Поймать мне рыбу
и жить сытно,
а рядом бедный, горе.
Свищет ветер
и напоминает мне
о Даре.
О Даре, которому цены нет.
Это Ты,
мой Бог.

Подарок за подарком
от Тебя,
и дети,
внуки —
Ирина,
Мария,
Симон.
И звезда Твоя,
что путь держит
к Тебе
в безгранично красивые,
счастливые,
вечные в любви
для нас
Твоей ценой
те заветные небеса.

01.01.2014

***

Голова надувает щеки,
морщит лоб,
и что-то кривит рот,
потом вытягивает губы
дудочкой,
издает свист
и глаза прищуривает.
А нос вдыхает запахи
быстро:
вдох — выдох.
Не всё здесь чисто.
И глаза выкатываются
из орбит,
рот раскрывается в крик...
Что там, внутри головы?
Мир оторванных материй.
Мир этой головой
построенный из кирпичей
самомнений.
Глины мало, больше — песок,
зыбкий,
сыпется,
и рвёт, рвёт...
Зубы крошатся и выпадают.
Голова новые, дорогие,
вставляет.
Голливудская улыбка
за сто тысяч евро,
а глаза... Глаза
заменить бы стерве!
Они выдают
тот мир геометрический
из сплошных фигур
и лестниц изотерических...
Но снова нос
по ветру тянет
глубоко в голову воздух.

Вянет вдруг кожа
на лице.
Та голова сильней
и зверствей.
Там зубы —
палец в рот не клади!
Придётся нагнуться
перед нею...
Иди, иди,
ты ветер перемен.
В какую сторону
вновь теперь?
Но прогибаться придётся.
И голова смотрит в пол.
А идиоты,
те что рядом,
как смотрят?
— Не надо!
Не надо! —
Не поднимай, сука, глаза
говорит сама себе голова
и ждёт то ли
удара обухом,
то ли венца.
А если, вдруг, топора?..
Никогда
стало когда.
Всё повторяется,
и всегда.
И снова крик той
головы
и удар под дых —
вспомнила башка,
что ещё есть и тело.
Его тело...
Заскрипело от долгого
стояния в преклонении...

И клянутся все головы
голове сильной
своими головами
служить всесильно,
отдавая себя на
смерть даже
ради его рожи.
Голова сверхвельможи
перестала быть всесильной.
Откуда он выскочил?
Противный...
И зад тела завилял
преданно,
а глаза вдруг изменились
из искрометных и
стрелогневных —
излучают рабство
перед головой невежды...
Невежды...
— Все невежды, —
подумала одна голова
из массы прежних
и нынешних тоже,
и вышла из бархатной
ложи.
Лучше дождь
и снег на голову,
лучше мороз
и солнце болью...
Лучше,
лучше
и я только к Богу.
Но с любовью,
к тем головам тоже...

01.01.2014

***

Читаем Фрейда,
штудируем Юнга,
ничего не понимаем,
но кичимся умно.
Бежим на тренинги
и записываемся на курсы
за большие деньги
к заезжему проповеднику
с Нигерии,
или специалисту по юмбо-бумбо
с Акапульки.
Психологические тексты
для подготовки к тестам.
Особо продвинутым
мозги вправляются,
и психологи сами верят,
что они психологи
и с поставленной задачей
справляются.
А посмотрите на народного
избранника из народа:
вчера ещё был клозет
за сараем в огороде,
а сегодня — бренды, бренды
и от земли его воротит.
В прямом смысле.
А так — га или гектары
собирает.
Психолог как парикмахер
модно что-то там
вправляет,
и уже людские качества
меняются на роботослова,
и он повторяется как
заведенная детская игрушка
или затёртая пластинка
крутится.

Одно и то же.
Изо дня в день.
Партия гордится
крепостью своих
партийных стен.
Но приходит час —
время неумолимо —
и публика в стране
театра психологизма
открывает глаза
и уши.
Особенно уши...
Слушают, слушают
и что-то думают...
И понимают: перед ними —
больные,
нашпигованные текстами
и мыслями чужими.
Зомби...
Зомбирование...
Алогизмы
алогичностью не стыкуются
и публика в злости
пытается сбросить кумира,
а он дальше и дальше
практикуется...
Агрессия и радикализм народа,
переставшего быть
публикой
поганит урода
и рвётся к нему
в своих цепях.
Час придёт.
Время неумолимо.
Доберутся через ряды
ментовские
и откаруселят.

Психологи или зомбологи?
Откуда и зачем?
Омертвлять мозг
и гнать с него блеск
и полный шик.
Для начала захватывает,
а потом
остаётся
лишь пшик...

01.01.2014

***

Белый снег с небес...
А может, это цирк
приехал,
или фильм снимают
где-то
и белый пенопласт
кусками
бросает вентилятор.
Нами.
С нами.
Днями,
месяцами,
годами
вороны серые в окно:
им нужно есть,
и все равно
какое время года
и день какой.
Природа
здесь всегда была
на план второй.
Заставка в фильме —
любовь в кустах,
где рой
комаров
и ёж одиноко
смотрит тихо
на тело белое,
что отлито
красивой формой
в ночи лета.
Всё для меня,
и в мире этом
волнует каждая
строка
бегущих дней,

и лишь тоска короткой
вязью сердце красит.
Безоглядно проходят дни.
Тоска моя вся впереди.
Глубоким швом
расшитых тканей
острой иглой по телу
сдавит
и вязь её оставит
лишь серый цвет ночи.
А снег ли с неба?
Мне не всё равно.
Кино ли это?
Пусть кино.
Но его снимут и уедут.
А снег останется
и ели покроет белым
цветом вновь.
А за горою ярким
светом
вспыхнет вдруг солнце
средь зимы,
и потекут ручьи
с земли,
и лица вынырнут вдали.
То ли они,
а может, дни
мои суровы,
и лица те как
план огромный
в котором кожа на когтях,
а в них лишь
электронный шкаф,
и лица те — пугать всех нас.
И революции успех —
снести на кладбище уродов,
где крот и агентура
землю роют,

чтоб закопать
туда всех нас, кто
новый мир хочет построить.
А снег с небес,
всё-таки снег.
И лето то, где ты
в траве,
и тело белое в росе
холодной дрожью,
а дальше —
жар объятий,
и ты согретая
не прячешь красоту
со всех миров.
А я безликий, нездоров,
я просто юный головой
познать смог мир
только ценой
прожитых лет
с другой,
с другими.
И пилы, пилы
режут силы,
а силы падают под пилы,
чтоб гореть
душе строптивой,
чтобы уйти
как снег с земли,
но вновь вернуться
и вдали увидеть
зарево рассвета
той революции, где
света как с неба
летом
в жаркий день.
Огонь горит, и дым,
и пень подгнивший, старый,

сгорит в огне
революции пожаров,
и новые пойдут народы
суровой чести
и природы чистой, первозданной.
А тот зверь нелюдской
изранен
уйдёт в миры
за край вулканов
и там, под магмой,
станет камнем
навек.
Их память —
белена,
их память —
смерть, война,
и мент их гладит
горячей пулей по спине.
В стволе
осталась пуля.
— Эт тебе! —
сказал он громко,
и себе вогнал её в кокарду
шапки,
лежащей на земле
как подстилка...
Восставшей Врадиевки
сын
мент всё равно
хоть флаг их красный,
сбоку — синь.
Сгинь леший, сгинь!
И снова память лето
рвёт,
и ты одна,
и ты придешь
в ту лета ночь
ко мне придешь, приедешь.

И твоё тело побелело
как мрамор
под луной,
и цельной в природе
с деревом, травой,
цветами
и всегда со мной
твоя любовь.
А горы рвут
как динамитом
и падает ледник
в долину с шумом.
Криком
кричит солдат
во льду замерзший:
уже лет двести
дом его там
чуть продрогший,
а сверху солнце.
И вновь снег...
А я лечу
как птица.
Нет!
Как самолёт.
Нет!
Как вертолёт
гаранта — убивать
зверей в лесу
и ворковать
потом с зазнобой
в "джакузях"
о крови пролитой.
И — бах!
Матрос восстал
вновь Железняк.
Из России прибыл
воевать

и на Майдане
побросать
дрова в костёр,
чтобы опять
поднять всех
и восстать
как в тот далёкий
час,
но мирно,
без оружия и без девчат...
А горы падают...
И в раж впадают
вновь министры,
и парашюты шьют,
чтоб быстро
спуститься в тундру
случь чего,
а там — нефть, газ
и чукча в дымину пьян,
и шесть детей
едят оленя,
а геолог
вновь ушёл с женой
в соседний чум...
Ей всё равно...

01.01.2014

***

Вчера вечером одномоментно
ко мне слетелись президенты
всех постсоветских стран
поздравить с Новым годом
и поговорить о важном
многом.
На крышу дома садились
вертолёты,
звездолёты
и лёгкие спортивные самолёты.
Внучка дверь открыла,
и первым просто влетел
Обама
в одежде Деда Мороза нашего,
и целая программа:
пел, танцевал,
одаривал детей.
А мне подарил портфель.
— Я, поэт, — сказал он мне, —
скоро начну борьбу
с вашей властью
за детей побитых.
Скоро, поэт...
Может уже и через год.
Потом пошли как строем —
Путин,
Лукашенко,
Назарбаев,
наш, героем,
а за ними —
канцлер Меркель
и королевские дворы Европы.
Меркнет саммит в Ялте
по сравнению с моей квартирой.
Накрыли столы,
выпили и закусили.

Назарбаев с Лукашенко
прятали глаза в тарелках —
стыдно было,
знали, что спрошу
диктаторов по строгости
закона.
Пусть не сейчас,
а там, на небе.
Дома.
Меркель обещала помощь
от Европы:
блокировать счета злодеев
в общем, где-то
в 2020 году, может, на
месяц-два пораньше,
и санкции против властей
в 2022, поганцев...
— Не нужно, — я сказал. —
Мы сами разберёмся,
и вам поможем.
Путин говорил о Евразии
бесконечно много,
стеснялся, видно.
Я ему сказал прямо:
— Вова, говорят Россия
вырастила тирана.
Я прошу тебя под Рождество
стать в церкви на колени,
чтоб с тебя всё нехорошее
ушло,
чтоб стал ты вновь
мальчишкой как в шестнадцать.
Без наносного этого всего
и чистым
мыслями,
душой.
Я обломаю тебе крылья,
если что не той...

Разговоры повелись,
что ты решил рвануть
часть Украины —
восток и Крым.
Ты, Вова, побоись.
С таких империй выйдет
то, что всегда.
Любовь и правда,
Вова, отошла
от нас от всех.
Майдан горит огнём
горячих душ.
— Зачем?
Чтоб попугать главкома
в Междунорье?
— Да нет, Вова!
Нет!
Много всего плохого.
Власти постсоветчины
построили системы
из партноменклатуры,
комсомольцев,
пены, которая
поднялась повсеместно,
а с ними жулики,
бандиты.
— Интересно! —
проговорил Обама. —
А я и не знал,
я думал, по-другому.
— Рано, Барак, —
ты лук сложил и стрелы.
Здесь монстры
выросли системы,
и вам посылаются вирусы
за теми,
что уже там на месте
золотом.

А что потом?
А наш
молчал,
сопел,
тяжело дышал.
И я ни слова не сказал.
Он понял сам.
Пусть разберётся там
с “семьёй”.
Придумал Ельцин
пьянократ, алкогерой.
Напившись, всегда
за демократию горой,
а трезвым бегал всё
за водкой.
Так и правила “семья”
Россией как слободкой.
А нам хлебать те щи
лаптями,
а лапти дорогие теперь.
— Охрана!
Охрана! —
кричал выпивший
Саша Белорусский.
— Охрана! — кричал бывший
верный ленинец
нерусский.
А Путин долго говорил
о часе,
что пробил уже давно.
Погасли огни
в душе российской —
всё денег грёб,
там и попса,
разврат
и пьянство...
— *Та злодійство* —
добавил наш гарант.

— Мочал бы ты, Витёк, —
Путин ему сказал.
Под утро все
ушли и разлетелись.
Мне стало грустно
вдруг...
Зима, и не метелит,
и дождь опять пойдёт
с недели.
А мне мои гости
не надоели.
Пусть лучше я их
чуть попескострую,
чем Бог потом
возьмётся по своим законам...
Да уже вглухую...

03.01.2014

***

В такой огромной массе
люди как моль забились
в угол.
От страха холуячат
холуи-заблуды.
А в небе солнце светит
не для них,
и свет Луны — не их.
Роса и лето
для любви,
а их любовь — не соловьи,
а жалкая подачка
от системы.
Аполитичны, говорят, мы.
Гены?
Или сломались в страхе
бытия?
Могли герои быть,
а так — фигня,
полова человеческих
отходов.
А где достоинство их?
Уродов много развелось
по миру —
злодействуют,
убивают,
бьют.
"Эмиры" посткоммунистические
в Хаме,
а хамы их в зверстве
монстра пилорамы,
и кровь течёт рекой,
волнами
накрывая холуёв,

но не сдирая
с них, послушных пока,
шкуры.
Закончатся герои,
возьмутся за холуёв
профуры.
Так, по привычке,
мясо жрать людское,
так, по привычке,
тиранить "Семьястроем",
так, по привычке,
водить холопов строем,
и так, по привычке,
могилы рыть героям.
Герои не уйдут,
они снова взрастут,
они снова придут.
Я вижу их,
и их новый путь.
С небес, от Бога,
добрые,
но с мечом
против урода,
и в речке крови
добавится ещё и дрянь
какой-то жидкости
льющейся из монстров.
Глянь!
А она зеленая,
как тина,
и змеи в ней
копошатся...
Рыбка могла бы быть...
Да нет, холуй.
Рыбе там не развестись.

А ты боишься их
и аполитичен,
и служишь...
В дых
от них
получишь
тоже.
Негоже холуём быть!
Стыдно...
Боже!

03.01.2013

***

Закончился Вильнюсский саммит
как-то невнятно —
то ли ручка сломалась
в Гаранта,
то ли руку повредил ГарантЪ,
но Ассоциацию
с Евросоюзом подписант
не подписал.
А, кажется, то совесть
его там
в последний миг...
А как же воз этот
с бандитами в Европу
протащить?
А, может, страх расплаты
за дела —
а дел тех прорва.
Здесь-то
своя прокурорва,
свои суды,
своя тюрьма.
И в круг этот влетят
в момент
недруги, которые
лишь пикнут за теперь —
и сразу на нары
за стальную дверь...
В Европе властям за всё
может придётся отвечать
как Паше Лазаренко.
Да ещё могут и
бабло забрать.
Да, скорее, страх...

Лидеры стран Европы
остались на бобах
и при своих
удивлённых до сих пор
умах.
Как это так?
ГарантЪ
рычал и шёл в Европу,
а тут — рывок —
и разворот на Кремль,
и все Ассоциации по боку.
“Шоб ты не дошёл!” —
подумал лидер не один,
но промолчали всё...
А тут и революция.
МудилЪ,
политиковЪ,
ментовЪ,
чиновниковъ
как жаб в болоте,
и их мозги давно
работают по мизеру
остатка квоты.
Побили на Майдане
люд подмёрзший,
мирный, добрый и хороший.
Народ восстал.
Страна поднялась
на вассалов
и гаранта, сначала мягко.
ГарантЪ
вид сделал, что всё фигня.
Но вот уже месяц
второй — война.

Хоть власть в победном
хлопрывке
бьёт мирных граждан
и в основном всё —
по башке.
Но революция растёт
вдоль, вширь,
растёт и вверх,
до тех мудилЪ,
о которых я выше говорил.
И всем придётся
отвечать перед
народом,
ревкомом,
ревтрибуналом.
И уродам
не сдобровать,
и всем не убежать
под крылышко
Вовы Путина,
как было не раз.
Вова мерзавцев
прятал среди своих —
таких немало.
Но тут паромов
двадцать полных будет
наших шакалов,
может быть,
как во время
мировой второй,
загнать их за Урал
и в Среднюю Азию?
Порой я думал
вот так.
А Вова думает:
пустяк!

Всё рассосём по Украине,
и быть империи
Евроазийской в мире.
Может, и быть,
но на фундаменте таком
та прыть не устоит.
Бугай Федот — культуры новой изм...
Россия там на
донышке уже кипит
от строя и системы
где не жить
ни умереть,
а так, надеяться
и ждать пока...
А то пока
уже сто лет — никак.
Ушли поколения
отсюда навсегда,
а его всё нет и нет.
И старый путь сломали
на беду,
а новый строить
начали по пьяни, дури.
Ой упаду!
Кричат идущие в грязи.
Ой упаду!
И падает под шины
джипа,
а потом уже в крови
увозят хоронить.
Здесь только похороны
в кайф.
На них бабло снимают
и пошло ещё
имущество по рукам
часто не чистым.

На деньги везёт
ведь только дуракам.
А Вова Путин хочет...
ГарантЪ пообещал,
но просит
небо
удержать ту руку,
или сломать
вновь ручку.
Вот так и дни идут
и новый год
набрал разгон.
Недобрым будет
многим он...
Россия ждёт...
Европа тоже.
Но облом.
Обещают санкции властям,
но то когда-нибудь
потом...
А пока бабло течёт в Европы дом...

04.01.2014

***

Шаг
как шах,
и сразу — мат,
и так уже сто лет подряд.
Шаг
как шах.
А может быть ошибка
в шаг?
Может быть нужно
всё-таки было стоять?
Но как стоять,
когда шагать каждый
должен
и не вспять,
а вперёд,
где цель — абстракт.
Но о ней всем говорят
и везде идёт солдат,
то есть каждый
как солдат.
Шагать, шагать, шагать
и маты стойко принимать
заместо хлеба и воды,
заместо счастья и любви.
И ропщут многие:
— Иди ты впереди,
а я, как будто, за тобой,
а сам прыг, скок
и боковой чертой
куда-то вдаль за горизонт.
Ох и ушло их,
ё-моё,
по миру нашему.
Бабло
манило многих.

Других свобода вроде,
но без бабла свободы
там
лишь на картошку
в парках.
Тайм,
таймс
и другие так себя
перехвалили,
что мы все туда решили
и бежали,
и просили,
но прорвалось
очень мало.
Брали баб здоровых сразу,
бандюков опять
с мошнами
денег тыренных
скрывали.
А остальных то и
не взяли,
здесь, всё на месте,
обещали.
Но обманули
и послали.
С Азии берут полками.
А славяне?
От них устали.
И депрессии,
и ум,
рассуждения,
что бум не такой уже и бум,
и там, правда,
тоже глум.
Шаг и шаг,
и сразу мат
от вохры на нас летит.

Мы привыкли,
конвоиры люди добрые,
хоть злые
от морозов и дождей
и безконечности людей.
Стоп!
Не люди.
Номера.
И пошла считать вохра.
Я под номером
три-двадцать
затерялся по бумажкам.
Сразу в карцер.
Холод, лёд.
Не нужна мне
их жратва,
тряпки модные с Китая.
Нафига?
Я здесь счастлив
и доволен,
хоть и битый
по неволе.
А по воле
я не знаю
били там
или ласкали.
Воли не было, считай,
лет здесь сто,
а я попал
лет лишь тридцать
на страну —
прямо с роддома
и в тюрьму.
Льётся песня
по приволью
между проволокой-болью,
но слова летят
в колючки,
ранятся.

И дальше
слушай о любви
к режиму жизни,
о любви к земле
и сыну,
что ушёл ещё
с роддома,
а мать слёзы льёт
огромом
и надеется на встречу.
Песня та — шансон,
и шансоньета,
заливаясь нотным
пойлом
поднимает нас
вновь строем
и вохра под настроенье
бьёт прикладом больше
в стены
чем по темью.
Хоть нам, честно,
все равно.
Мы привыкли здесь.
Давно уже не говорят
о счастье,
говорят о самосдаче
на благо "Семьястроя"
и режима,
но с конвоем.
И мысли ровные у нас:
шаг и шаг,
и снова мат,
чистый, русский,
на морозе
под снегом белым
на берёзе,
где висит опять
ходок.

Недоволен чем-то был,
и на праздник —
всем урок.
Тех уроков уже впрок:
и на кедрах,
и на елях,
на осинах,
соснах, в скверах
да и на столбах фонарных —
везде висят,
или висели,
как написано
на табличках,
очень умные всё парни.
А мы степенно
шаг и шаг,
за ним опять же мат
и на всю страну наш
ГорлатЪ
“Семьястрою” — слава и ура!
— Гады! —
про себя подумал я,
и вохра тут же к
дубу крепкому
меня поволокла...

04.01.2014

***

Следят по постсоветчине,
следят!
Политики,
бизнесмены,
чиновничья вся рать,
бандиты
и все вместе
называют себя —
власть.
Следят.
И их следы —
то кровь
со взломом,
то пожар на предприятии
или где-то у кого-то дома,
и кражи, кражи
без конца
с убийствами,
особенно под праздник
религиозный
без креста
в их душах.
Следы и пальчики,
и след ноги —
следят, следят,
не боясь погони
и ментни.
А в тюрьмах — простаки,
по ихнему — лишь дураки...
Живут все в барских
теремах
и покупают недвижимость
на островах,
в Британии,
Америке
да и по всей Европе.

На всякий случай,
вдруг прорвёт
где-то
или осколком
срикошетит,
и тогда службы безопасности
страны,
сидящие на финансовой игле
в шпаны,
уже не офицеры,
а вруны
без чести,
совести,
все стали, да, скорее, были
внутри себя
просто блатные пацаны
идеям капитала и резни
верны...
Так вот, когда следов
уже не смыть,
они предупреждают
их барскосоветскую прыть,
и те бегут в отстойники
в Европу или США,
кто на острова
в свои квартиры и дома...
Отстойники
в Британии,
где постсоветская черва
прячется от родины пока...
Корона "крышей" стала
после служб секретных,
после ментни, полиций.
Корона стала отребью
крышей,

а доблестные службы
безопасности
тех великих стран
охраняют нечисть
постсоветчины.
Нахал!
Путь ворам и прощелыгам
указал
и проложил
нечистый дух,
своих спасая
от возмездия...
Смешно.
Какое может быть
возмездие
при круговой поруке,
где чёрт
всё...
Отстойники
и гнойники...
А постсоветские большевики
и бандюки
следят и дальше —
то отпечаток пальца,
то руки,
то головы,
а то ноги.
А где-то задница
торчит на видном месте.
Нечистые дела,
нечистые следы...
Отстойники растут
как в дождь грибы...

05.01.2014

***

Рушился, падал
Советский Союз.
С планеты Земля
он скользил под углом
быстро, неожиданно.
Вдруг
сорвался
уже навсегда,
сгорел во Вселенной.
Потух Советский Союз...
Пепел с огнями
носился
и тлел еще
днями,
месяцами,
годами.
Но то был уже прах,
хоть и не безобидный
для нас.
Но всё-таки прах...
И толпа советских,
вроде бы бывших,
орала от счастья безумия,
казалось, не зря —
свобода пришла уже навсегда.
Счастье то быстро прошло.
Осталось безумие
в виде водки, денег
и других активов.
Безумие наше...
Главы новых держав
решили строить
институт президентства
со США передрав...

Разведчики постсоветчины
в Штатах
проникли
в Белый дом,
кто за деньги,
кто трахом
стажерки...
Но пробраться смогли
в туалет
и через трубы
унитаза и умывальника
снимать информацию.
Бред...
То вода с шумом сливалась
и было слышно плохо,
связь прерывалась.
То кто-то громко
писял, пукал,
и тоже искажалась
общая картина
системы.
Бухал сантехник
и гремел ключами.
Всё это искажало президентство.
А в воде холодной
посидеть,
а в стоках канализационных?
Это писец...
Но выдержали разведчики
и донесли новым
хозяям информацию.
— Аты-баты-фунты! —
радостно кричали
азиаты.

И Азия Средняя выбрала
институт президентства
заместо
коммунистического секретариата,
а дальше и Закавказье
присело на систему
президентства.
Ну, а остальные
важно и вальяжно
секретари центральных комитетов
Компартий
сели сразу.
Но искажена была
вся информация
через трубы, унитазы,
и получился институт
калеченных.
И сразу
стали холопы все
царями, падишахами.
И ханы,
феодалы,
беи,
баи
холуйское, холопское
с себя срывали,
народам отдавали,
и опускались ещё ниже,
как уже на этой земле
не раз бывало.
А Штаты и Европа
критиковали,
увещевали,
не жалея слов.
Не далее...
А институт возрос,
набрался сил
и перерос

ту информацию
из канализации.
Вопрос, вопрос...
И голова кругом.
как монстра обуздать?
И что потом?
Куда-то просто
делись люди,
те, настоящие,
с промышленности,
транспорта,
науки.
Куда-то делись
прокуроры,
милиционеры,
судьи.
Куда-то армии ушли.
Остались мелкие и серые
вожди,
не образованные,
ещё вруны и босяки.
А как вернуться в точку
ту отсчета
материи,
где Дух стоял чего-то?
Где труд
был труд.
И радость в радость.
Как вернуться?
И с кем очистить
эту канализационно
извращённую
на наших шеях
и в душах
гадость?

06.01.2014

***

Нажравшись виски
в США от пуза
и, полетавши амплитудой
из штата в штат,
купив одежды,
с втуманенным мозгом
принялся новую
Россию строить.
Пьянократ,
пьянолиберал,
пьяноантисоветчик,
пьяногенерал
в Кремле постал
и моду по постсоветчине
погнал.
Нахал.
Но полюбили многие
за вероломство
и продажность.
Хам и малообразованный.
Урал пал.
Сибирь пала.
Дальний Восток лег,
и далее —
вся Россия
как домик с домино.
Великие мыслители
учили давно,
а "новые", пришедшие
в кино,
где жизнь пьянила без вина
и рожна
хватило многим.

Допоздна лились
из пьяни реки
и алкоголь стал
суррогат навеки,
и девочки легли
без приглашенья.
Всеобщая пора обогащенья:
забрать у всех
и дать немногим —
хороший пьянолиберализма
и пьянодемократии
дешевой
лозунг.
Презумпция, свобода:
из-за угла
в крови башка
и кишки на асфальте,
а то и взрыв,
огонь.
Получайте!
Каждому своё.
Упал Кремль
как и тогда,
при большевизме.
Тоже повело и понесло,
кого куда.
А человек — чудак.
Бежит в толпе дурак
на гибель
в мрак.
И кое-как
на двух костях.
— Либерализм — нищак! —
сказала зона.

— Демократия для нас
всегда свобода, —
сказала мафия
тоже слово.
А люди глупые
со всем согласны,
особенно когда
такие лидеры
заштатны
там в земле
и там, за тем бугром,
где занавес стоял
козлом.
Занавес остался по
сердцам надолго,
может, на тысячу лет,
но кровью снесло
и всё пошло,
как говорят, путём...
И хорошо...
— Ой, хорошо! — визжала
девка
в Кремлевском кабинете.
Она играла роль
не зря.
Она разбогатела
от курения дурья
у идиотов без огня.
И шла с Кремля та
новая волна
по территории
когда-то Совдепья.
Теперь — свобода
даже пола,
паркет стал не дефицитным
более...

А ночью Вова Путин
снова
с женщиной ко мне:
— Тебе зазноба!
И я был рад.
Любовь и красота,
и слёзы счастья
на её лице.
А Вова строить собирался
дом
с видом на восток.
Огром
на площади Победы.
Символично!
— Вон! — кричали
из Майдана.
Так власть они гоняли.
А власть лжелиберализмом
и хуралом,
подлодемократией
пиляла
и била по темени
народ,
чтобы лежал урод...
Народ восстал,
и власть опять
от страха впала
в либерализацию,
модернизацию,
и говорит о них
без перерыва.
А девушка, от Вовы,
подарила
мне поцелуй

с розовой губной
помадой
и плакала любя меня.
Так сладко жить,
когда свободен,
когда уже ушёл
как камень в воду
или туманом вдоль реки.
А мэры из Луганска —
пустяки.
Бьют кабанов,
горят в охоте.
А Кариес деградирует
и в интернете
пальцем ковыряется
в вышайшей попе...
Извратились либералы,
от царя ушли подале...
И вернулись на круги,
где антихрист и все свои...

09.012.2014

***

Грюки, стуки
в окна, двери.
Это глюки.
За портьерой
круглый стол —
там кризис гладят
в платьях подвенечных.
Гады!
Бывшие
и ныне
гадами остались.
Вымя мнут
и ссут корову
целой сворой,
и мало молока
в ней поутру.
Сено съели.
— Я хочу!
— И я хочу!
Крик столешницы и ножек.
Стулья тоже
очень хочут
и хохочут
под задами круглолицых,
под задами
тырэлиты,
под задами
брехкомпашки.
Круглый стол,
на нём
букашки,
мухи,
комары
и блохи.

Лазят, лезут
тоже хочут
крови выпить
из тянущих
стол
глупейший
в тартары,
где столбы...
На столбах
висят портреты:
бабы, девки,
политессы
с языками больше вширь,
а длина — закрыть лишь
дыр
меж губами срама.
Срам
срамных губ
на роже дам
и мужчин политбрехни.
Срам,
стыдоба!
Так дожиться,
и губами измениться
от брехонды, брехотраха.
Изменилась черепаха —
полбеды.
А тут — род людской...
— Сюды!
Крик из-за портьеры.
— Посмотри!
Муха села
на губы президента —
диллера, агента
в теле, в деле
и в отставке,

оставаясь брехлобайкой
превращая в мудрость трёх,
а губы, губы...
Для потех
я фото делаю на память...
А ночами просыпаюсь —
что я снял себе на память?
Зачем поставил
у дивана?
Ведь рядом роскошь
тела дамы,
и запах тот манящий манит,
и губы, и лицо,
и я как пьяный...
А в двери вновь стучат
и в окна.
Грюки, стуки.
Подворотня
вся полна панами,
и все со стульями, столами,
и рты открыты
с языками,
что поистёрлись,
и лишь дамы
закрыли рты свои
руками,
а пан с открытым
на халяву —
в него деньгу бросают
за победу над Майданом...
Пирровая.
Пирроманы...
Ранит сердце...
Ранит тело...
Это племя надоело.
Надоело!

Я взял нож, корзину
и в лес пошёл искать
грибы
и лунки в озере замёрзшем,
чтоб рыбу выловить
корзиной.
А в лесу крик
и мрак ночной.
Луна ушла вчера в запой
и с Марсом
за столом сидят.
Венера злится, что опять
ушёл от неё Марс.
Но то планеты.
Их жизнь чиста
и светла в свете.
А наша жизнь —
тоска...
— Иду! Иду!
Я вновь кричу
и хлопочу.
На грибной поляне
снег
и я его гребу.
А перед глазами —
губы, мех...
У них,
у тех сил,
откуда стул, и стол,
и бес...

10.01.2014

***

Январь.
Небес серо-чёрная рвань.
Дождь
мелкою тоскою
моросит,
и, чувствую, завою...
Мне так хочется весны,
или хотя бы снега.
А голос резкий изнутри:
— Тебе бы белены.
Чтоб не писал свои
стихи.
Люди жили и живы,
но кто-то почитает,
и мысли, мысли
молнией стреляют,
и тот покой, что был,
вдруг исчезает.
— А кто ты? —
я спросил. —
Такая похвала мне...
— Нету сил
тебя терпеть.
Ты пишешь, пишешь
без конца.
Поверь,
мне б тоже тишины,
покоя,
мне сна бы...
А ты, как гром с небес,
с утра и до утра,
и так всю жизнь.
Что ищешь?
Земные люди,
жизнь земная
полны греха, страстей.
Я знаю.

Но победить их
только Богу.
И я не выдержал
и громыхнул:
— Так я хочу помочь
хоть чем-то людям!
Чтоб к Богу шли!
Но кто ты там?!
И тишина.
В ответ лишь дождь с окна.
Деревья мокрые застыли
в январе,
и птицы во дворе...
И город в красоте своей
стоит.
А небо посылает дождь.
А мне бы снег...
Или весну.
А голос тот опять
по нервам:
— Так ты и так
в вечной весне,
и небо —
твоё — всегда,
и этот город,
и все мечты,
которые сбываются всегда.
А ты всё
хочешь большего.
Ну жди тогда...

10.01.2014

***

Волна вылетает
на берег,
накрывает золотой песок
и, уменьшаясь яростью,
кромкой узкой
с пеной
останавливается на мгновение
и уходит обратно в море.
А следом идёт другая,
почти похожая на неё.
Не затихает труд волн,
бесконечный, кажется
однообразный
и повторяющийся,
но бесконечно красивый
и не утомляющий глаза,
а успокаивающий
и навевающий новые
мысли,
чистые,
и желание изменить себя...
Одержимость шторма —
агрессия водной стихии
для находящихся в море
и красота для
тех, кто просто на берегу...
Одержимость
одержимых
и желание вырваться
из толпы себе подобных
эксцентричным поведением,
бурей людских страстей
и бурей слов.
Противоположные полюсы,
причём, по вертикали:
один полюс в небеса,
а другой...

Человек и его одержимость.
Политический рывок
над себе подобными.
Ничего нового...
Всё это уже было,
есть,
а будет ли дальше?..
Если да, то это тупик.
Какая усталость
от позиции и оппозиции.
Ничего нового.
Всё те же методы
и технологии.
Технологии вроде бы
совершенствуются,
но это обман зрения и слуха...
Новый прыжок
цивилизации
и уже привычно
звонит мобильный телефон.
Уже привычно
шипит супермощный
двигатель под капотом
авто.
Уже не рычит...
Но человек остаётся
таким же.
Но его поведение
намного хуже
в своей массе индивидуумов
сложенных в штабеля
миллиардов цифр.
Ау! Ау! Ау!
Читает букварь ребёнок...
И слёзы скупые
стекают по моему лицу.
Ау! Я тоже кричу в душе,
но в ответ...

Человек не становится лучше.
он стал одержим
порочным рядом одержимости —
вырваться на мнимый верх
управлять себе подобными
по внешнему признаку,
но чаще лучшими
сердцем и душой.
Насилие...
Неужели это насилие
одной личности над другой?
А я знаю,
но промолчу.
Пусть каждый думает сам.
Уа! Уа! Уа!
Родился новый человек.
И слёзы радости
на лицах близких.
И слёзы печали на лицах
мудрецов
за всех приходящих...
Кто изменит мир?
А, может, не нужно
ничего менять?
Расстрелять одержимых,
повесить коррумпированных
и убить бандитов,
отрезав им головы?
Хороша поэзия!
Или это проза жизни?
Нет!
Это мечты многих,
и они их пытаются
в жизнь воплотить.
Пояс взрывчатки
и вой мин,

грохот снарядов
и “стингер”, “стингер”,
а ему подпевает
“калашник”.
Рядом живые ещё есть,
убитых — больше.
А мир ещё хуже.
Птицы облетают поле боя.
Пока.
Потом сюда прилетят
стервятники
и прибегут крысы...
А мать будет периодически
читать бумажку
о сыне-герое
из воинской части.
Скупая слеза...
Ей уже нечем плакать.
Рожать она уже не может.
Родят другие.
Кто по любви и
желанию,
а кто сдуру,
“по залёту”,
но судьбы их будут
почти одинаковы.
Циники и романтики.
Пофигисты и убивальники.
Одержимые и содержанки.
Желание выделиться
как основной инстинкт,
а потом уже сильнее
его...
Основной инстинкт — фигня.

Там, на верху,
этого добра
иметь не переиметь.
А места там мало...
Все не влазят.
Кто не влез, грызут
друг друга внизу,
откусывая,
отхватывая,
убивая,
воруя,
стуча,
обзывая,
клевеща,
ненавидя люто и мерзко.
Волна набегает на берег.
Цветут абрикосы —
символ начала весны.
Первые тюльпаны
посреди января.
А я хочу любить, любить...
Может, убежать
или уехать в поисках счастья?..
Бесполезно.
Едой и одеждой
душу и ту дыру в ней
не закроешь...
Остаются уколы и таблетки.
Доктор
и его одержимость
к деньгам в твоём кармане
и безразличие к тебе
как человеку...
Аминь...

12.01.2014

***

Миниатюрная,
необычайно красивая
женщина
смотрела в мои глаза.
Я, смущаясь, тоже
смотрел на тебя.
С нежным лицом
и грустным взглядом.
Всё повторилось,
и я стоял рядом
как заколдованный,
не отрываясь
взгляд мой и твой
соприкасались
и трепетно удивлялись...
— Он...
Может подумала ты.
— Она...
Думал я.
Но быстро ушёл как всегда,
жалея потом,
вспоминая тебя.
Взгляд незнакомки
греет вновь меня.
Судьба...
Такая моя судьба...

12.01.2014

***

Я мечтал
и ты мечтала,
но мечты от нас
улетали
и как птицы в небе
ночном порхали
не оставляя следа,
казалось, уже навсегда
в мир грёз...
Но их мы опять
возвращали:
я мечтал
и ты мечтала,
и нам было хорошо
вдвоём...
До конца мы обещали.
А мысли летели
и порхали как бабочки
на свет фонаря
и умирали
там до утра.
А мы любили,
так любили...
Но ушло наше лето
и не сохранили
те мечты и грёзы.
Они в мире другом
как звёзды.
И иногда идёт прохожий,
лицо задумчивое
тревожит,
но из мира грёз, вдруг,
мечта,
и лицо засияет.

Глаза полны радости,
и всё сначала —
и корабль, и причал,
и ты ждала, и не устала.
А я устал...
Но не от ожиданий,
а от мечты,
что ушла в давность,
как данность,
и застыла там,
где крайность.
И я крайний
в мире мечтаний...
— Несерьёзный, —
так называют те, кто
кто совсем не мечтают.
А звёзды светят
не только летом,
и зимою бывает ветер
и дождь
мелкий, мелкий.
Я не закрываюсь зонтом.
Капли стекают по лицу
ручьём
и свежеет в голове.
Дождь, дождь...
Мы не расстались,
но и не стали
одним целым,
и лишь устами
изливаем нашу горечь,
которая сейчас уже радость.
А радость?
Была ли она настоящей?

Может, это мечты
сломались и
в мрачность упали
как с моста в воду?
А здесь не пахнет
смертью.
Здесь безразличие
приравненнное к зверству.
Любовь и ночь.
Чем помочь?
Продать пистолет?
Прочь...
Прочь...
Прочь...
И гул турбин самолёта.
От себя не убежать,
но охота...
Охота не есть радость.
Охота — страсть
побеждать для себя
и себя восславлять.
Вспышка в небе...
Обломки самолёта
собирают взрослые и дети.
А мечты, как птицы,
кружатся над лесом.
Им скоро отлетать
в мир свой дивный.
А я парю над
облаками.
Мне жаль своих детей,
и я буду их ждать
отдаляя молитвой
день встречи подалее...

12.01.2014

***

Зона, зона.
Посмотри,
шестиметровые заборы.
Их дворцы
закрыты камнем и металлом,
закрыты охраной
бандформирований.
Это же мученики века,
ведь там живут же
недочеловеки...
Сами себя закрыли
в тюрьму
за эти заборы
и в плену своих амбиций
страдают люди
из “великих”.
Их величь в том,
что красть умеют
и иклозубы
аки звери.
Но зона или зоопарк
отдельных особей,
и мрак там, мрак
тоски большой.
Ночью их вой
под луной,
и слышен скрежет зубов,
не скрип кроватей
ритмичный,
чтобы размножаться.
Не размножаются в неволе.
Нужны ученые,
чтоб воли
туда хотя бы чуть
в пробирках.

Заборы и заборы
в дырах,
а через дыру —
девка к парню,
и под луной любовь...
Но это на окраинах.
— Слышь,— мне говорит мужик, —
они больны
и так спасают
нашу страну от пропаданий,
от вирусов,
что злей собак,
от той чумы,
что там рысачит.
А из-за заборов дым,
то жарят мясо
как калым,
зарезав свежего кого-то.
Им носят, водят, возят,
как змею в сказке,
всё девчат.
Они их там едят.
Скажи-ка, Косолапый,
туберкулёз ты лечишь,
сжигая мозг человечий.
Скажи-ка ты, другой
чиновник,
что кровь
пьёшь свежую
и водишь
свою жену-ребёнка
сучку
на случку
к чёрту по ночам,
чтобы родить
ко всем чертям

таких как ты —
полууркаган, —
но скрытых телом человечьим.
Их бизнес — красть и врать
навеки.
Они, и наблюдательные
их советы.
Что наблюдают в них они?
Считают деньги у страны,
и люд стает сирки-старци.
— Запишите меня в комсомол!
Это лозунг их был.
А потом:
— Запишите меня на БАМ!
Но это не они.
Это там.
— Запишите меня во фронт!
Но это к Яценюку
люд пошёл.
А они все в советы,
ети бы их мать!
Кто родил эту пропасть,
которой уже не
пропасть.
Нам бороться с ними
в войне.
Их заборы для нас
не преграда,
а так лишь
пробить в них брешь —
и на волю,
на волю чертей.
На свет их открытый,
на майдан,
а там бляху на шею
и цепь.

Пусть живут, может,
выхолостится с них
человек,
но в труде с потом, солью
всегда.
Зоны,
заборы,
дворцы,
злость для них и для нас,
и тоска, такая тоска...

13.01.2014

***

Камни драгоценные
искрятся в ночи.
Из них выложена
дорога, чтобы нам
легче было идти
к заветной мечте,
которой мы вместе
нашим обществом
связаны в этом мире
навечно.
Золотой унитаз!
И машина — спецзаказ!
А камни по дороге
идут и вынимают,
полные карманы
ими набивают,
суют за одежду,
а что мельче — глотают.
И сзади идущие
падают в ямы.
Мечта в них одна,
как и тех, что впереди
шагают,
но кости ломают
и головы бьют
при падении наземь,
и тяжкий стал путь.
А тех унитазов
и спецмашин
успели схватить
единицы.
Спешим...
Мы спешим...
Кто позже созрел на мечту,
кто позже родился,
и пока подрос...
Я иду.

Я падаю в ямы
и камни гребу,
ими забиты карманы,
я их и глотаю,
грызу, зубы ломая.
Да что там те зубы!
Мне б унитаз золотой
да “майбах” или “ролс-ройс”,
и те губы,
о которых мечтаю
я с детства
Любовь...
Одни ходят по траве
и довольны росой.
Другие цветы собирают
в полях.
А я бы свою сексапильную
да на золотой унитаз!
Да не на час,
а на день, может, два.
Попа красивая
и течёт минвода.
И золото весом
в десятки кеге,
и грудь, что целую я,
и те губы
ко мне
и туда...
Кайф...
Тепло. Даже жара...
Золотой унитаз.
А мы движемся,
бьём с ментами тех,
кто впереди,
падаем в ямы,
где камни украли,
и тоже их ковыряем,
мечтаем,

идём
только ночью.
Днём отдыхаем,
а ночами мы
движемся длинной колонной,
шагаем,
падаем,
ноги ломаем,
головы бьём,
камни тырим
и мечтаем
песней, что гимном
нам стала навек.
Золотой унитаз.
Я хочу.
Я человек.
Золотой унитаз...
“Майбах”...
“Ролс-ройс”...
И везде
губы девчат.

13.01.2014

***

Йшли брехи
по селі колись.
— Ой, ти дивись,
той дрова з лісу потягнув,
той крав картоплю.
Клавин кум
солому вивіз з поля в ніч,
коли сторож спав п'яний.
І піч
вже не топилася три дні.
Галюня загуляла по весні.
А онде б'ються вже сусіди
за Нінку-сучку,
бо, мовбито, Василь
завів її у лісосмугу
зранку,
й долі попадали обоє.
Стогнала Нінка,
і голі ноги із трави
стирчали,
а вони сміялись
і по траві качались.
І б'є сусід сусіда
до крові,
а потім — мир:
їх сусіди інші розвели.
Пили мирову
півдня,
а Нінка варила-смажила
і подавала все на стіл.
Теля
та Нінка,
геть теля.

А, може, то і не вона
й не потолочена трава?
А брехи йдуть і йдуть
по колу,
так веселіше жити люду.
Тяжка робота,
а від брехів — радість.
І знали всі.
Що?
Де?
Хто?
Кого?
Коли?
Якби...
Могли і ми.
Тоді.
Та підожди!
Ну і дали!
А нині все по-іншому
пішло.
Ті брехи —
то народна творчість
і театр народний
заодно.
То — цирк,
кіно.
А ниньки брешуть так,
що голова зривається
із оськи,
і гайки падають від
вух і носа,
і губи видлітають
від одвірків,
що рот тримають,

і ноги ковзаються
по землі.
А очі, очі —
всі сліпі
від владно-політичної
брехні.
Вже так ялозять
та мусолять,
вже так долдонять
та глаголять,
вже так пургу несуть
і чвари!
Оце так влада!
А що ж там далі?
Брехня про наше
співмайбутнє,
де старенька Нінка
діждеться пенсії
і мукне
як та корова у хліві —
грошей їй стане
і на хліб,
і на милиці нові китайські.
Брешуть нам
про медицину,
про промисловість,
що лягла, як Нінка
в лісосмузі колись,
на спину.
Та ноги із трави
їй не підняти —
вони відрізані
і продані в мартени.

А нам все брешуть
речисто
речисті брехуни.
І все брехня!
І скрізь брехня!
Почули б це наші діди,
то із могил би повставали
і, взявши вила і сокири,
на брехунів пішли.
Але зросли вже молоді,
розумні,
мудрі,
не дурні,
і ту брехню
півправду-дурку,
і їхній гімн
про кицьку-мурку,
і рушники від Вітьки-преза,
і палиці від друга-тезки,
усе піде
в огонь
соседки, что ждёт
и верит им,
ну, нашим,
конкретным пацанам —
их башни
биты на зоне были,
и с мозгами
там очень туго.
Пирогами
встречать будут
соседку скоро,

а сами через, поле,
(я лётное в виду имею),
в Евросоюз бегом.
Без ассоциации,
а так, на рюкзаке
и парашюте
с долларов и евро —
не налегке.
Еще и ложь свою туда
свезут.
И будет ложь
бодрить Евросоюз.
А в нас настане спокій...

15.01.2014

***

За одну мою каплю
крови
вы прольёте тонны.
Это говорю я —
народ, якобы ваш,
бесстрашный
и обездоленный.
Вы спорите умело,
и скажете, что нет.
Не все.
У вас есть хаты.
Да есть. Но там
ваши телевизоры
как изверги-солдаты,
а в них и рожи ваши,
и наши души, нервы.
Мы так устали
от неправды,
что пуще холеры.
А вы на конях,
всё на конях,
да по просёлкам,
по дорогам,
да по улицам
и площадям,
а сзади — танки, пушки.
Нам!
Мы, народ, стали врагом
для власти.
Враг номер один —
это все мы.
От нас одни несчастья,
которые горчат
в вашем безбрежном
счастье.

Мы терпели,
и много дней
мы ели горечь жизни
и слёзы свои пили.
Нас пытали,
нас убивали,
нас обокрали
и нас прогнали
с нашей страны,
с наших домов.
Мы стали здесь,
на родинах
своих,
падлом,
падалью,
мусором,
гнилью.
Вы закрываете нос ваш
и руки моете долго
после выборов
и гарцевания в нашем доме.
Мы презренные
и презираемы,
мы ненавидимы
и умираемы.
Нас всё меньше.
А земель и богатств
у вас больше и больше.
Ханы и хамы,
падишахи и шахи,
баи и баре,
феодалы,
и ваши руки нас
убивали.
Кладбища наши тихие,
светлые.

Здесь нет скорби,
хоть плачут
матери и дети,
плачут мужчины седые
за сыновьями,
слёзы льют отцы
за дочерями.
Но тихо и скромно
на кладбищах
вольных.
Вы еще не роете
наши могилы,
не достаёте нас
и кости наши
на ваши виллы.
Нас убивали...
Столетия.
Нас убивают...
Столетия.
Нас убивают
в бессмертье.
Вы новые наши
паны.
Всех цветов радуги
ваши флаги.
Ваши речи
и ваши сатрапы.
Ваша сила
пока несилой нашей
и кровью,
кровью
ваших солдат-уродов
из детей наших.
Мы бесстранны,
мы бездомны,

но дух наш уже горит
и плавится как металл
в домне.
Мы встанем,
разные и пока безликие,
но с нас напишут
иконы
за страдания великие,
за Дух, который
пронесли угольками
и разожгли его
до силы великой.
Он с нами.
Вашей крови тонны,
но не нашими руками...
Наш Бог
и Его сила —
Он навсегда уже с нами...

14.01.2014

***

Они все ставили на деньги —
врепрезиденты,
мракопартии,
премьер-моменты.
А мы все ставили
на совесть.
Желание жить в правде
милости с любовью.
Мы проиграли туры,
что прошли за двадцать лет
секундой.
Они сорвали банк купюрный,
земельный и людскорабынский —
мрачный, душетрудный.
Они над нами, вроде бы,
там, в небе,
но все быстрее
опускает их
на шариках надутых,
которыми они игрались купой,
и падают теперь
с нитками в руках
на землю.
А нам новое пришло прозренье:
темная сила сатаны
метала банк им —
карты все крапленые кровьями,
а у нас на руках
остались те же наши пальцы,
сложены крестным знамением,
недаром пылающие жаром.
А дальше время
новый носит ветер,
и подрастают дети
твои, страна,
уже навеки!

12.08.2012

***

Предатель с предателем
на красной траве
о чем-то нам вякают,
аки бес на трубе.
А вот еще группа
таких же, как те.
С горки спускаются
шеренгой по семь
дивизий с гербами
предавшихся всем.
Жутко мне стало
в окопе войны,
как ее выиграть,
ведь сплошные кранты
предавших предателей,
родину, мать,
предавших себя,
чтобы начать опять
предавать, предавать.
Рожи их хитрые,
подлые все.
Где это видано,
что столько их есть?
Что за народ?
Кем он рожден?
Что столько предавших
своим же фуфлом?
Я тихо в окопе
свое отсидел.
Уехал из родины,
чтоб не видеть как зверь
поганит поганцев
для грязных делов.
Друг другу
не верят здесь,
даже если ты сам
сверхпрокурор.

Вера истоптана
подлостью слов,
которых предатели
сносят с основ,
и слово становится
просто плывлом
из ртов, огороженных
частоколом бесов.

15.08.2012

***

— Не дай вам Бог
такої долі,
терпіти мерзоту сваволі, —
казав я ввечері вороні,
яка присіла на вікно до мене.
О леле!
Що діється у нас
по виборчкомах!
Осіннє загострення,
маловідоме
лікарям у світі,
в такій великій кількості.
Бандити — бойовики
партійні,
з посвідченнями
журналістів
вийшли з підпілля,
їхні морди — мерзоти
й підлоти.
Бійки, крик...
Міліція насторожі,
але осторонь стоїть,
і мовчки дивиться на шиз.
Міліція теж хвора.
Крадуть і фальшують,
рахують
все собі, собі, собі.
З опозиції і люду
тут глузують.
Осіння памороч гуде.

04.11.2012

***

— Хай Шакал поверне
моє ягня! —
волає у суді Баран
майже щодня.
Суддя вивчає папірці
в томах,
їх вже сто тридцять п'ять —
розпухла справа за роки.
Прокурор вже поміняв
посаду —
пішов у «важняки»,
але веде цю справу.
Він служить Шакалу
дуже браво,
для звірів та скотини
процес треба вести
щоднини,
щоб бачили — їх поважають,
якесь Ягня, що з'їв Шакал,
захищають.
І прокурор все торочить
про хлівець, замок
та петлі, що старі,
звели всю охорону нанівець.
Щось адвокат замучений
кричить про Євросоюз
та інший політичний тиск.
А Шакал — президент,
обраний стадами,
не вся, правда, скотина
за нього голоси повіддавала,
але гарант він
вже не перший рік.
Здоровий, сучий син,
то козеня,
а то телятко з'їсть.

І справ тих по судах
демократичних вже немало.
Суддя верховний, Крокодил
з Панами,
великий має хист,
але ж хижак,
і теж всіх їсть.
Головпрокурор,
із Африки
Великий Бегемот,
він захищає теж гаранта —
той платить йому
як форварду футболу:
чотири авто він купив
на всю свою родину.
Міністри різні —
змії та удави —
всі як один готові за Шакала
кусати баранів —
боротись за гаранта до кінця.
Чим Шакал купив їх всіх,
фальшуючих закони?
За гаманця,
державного, що в скотхлівах
потрібен на бюджет та лад.
Той гаманець іде
на свиту для Шакала.
Баран все судиться
і судиться,
але то лиш відмазка
для Європи,
щоб не пищала,
що мало тут свободи.

11.11.2012

***

Рудименты советской эпохи
двадцать лет бродят,
в виде партий и блоков,
страной, где давно нет советов,
нету партии Ленина,
и все песни пропеты,
где украдено все
до полушки,
где бандиты все собрались
в верхушке,
а люд голосует и тает
от надежды, что не умирает,
и всё уповает
на дешевую жизнь маргинала,
где воспет он был
в песнях, что поумирали.
И мир отошел
на край пропасти жизни —
все продается и куплено все,
всем все до тризны.
А люд все надеясь
листает газеты,
где ложь, эпатаж
как билеты в царство,
обещанное сверху.
Царство света не дошло
им до цели,
а они все надеясь
на этих, что спелись
и собрались из зон
в одну зону
для себя и для люда, что звонит
без конца в телефоны
изливая в них боль
электронам.

26.11.2012

***

Звон колокола храма
ветер разносит по округе,
и слушают его редкие,
в селе оставшиеся, люди.
Кто ушел опять,
от жизни тяжкой?
Отдав душу Богу,
тем самым прекратив
свои несчастья.
Людей в селе —
на пальцах сосчитать.
За двадцать лет ушли
отсюда кто куда.
Одни на небо, далеко за облака,
другие съехали искать
судьбу полегче.
Голос детский исчез
и школы нету.
Село как хоспис стало —
место, где ждут смерти.
Среди природы, Божьей красоты
жизнь невмоготу,
тоска и одиночество,
и тяжкий труд
для мизерной еды.
Они все старики.
А в хосписе, по телевизору,
все по-другому:
комната, удобства
и заботы.
А здесь каждый предоставлен
сам себе,
отдав всю жизнь и силы
бросившей его стране.
Еще была война.
Но все забыто государством.

Вот память — ордена,
и то за ними воры
влезут в любой час
украсть, продать,
еще могут и убить
за два десятка гривень,
чтоб затем пропить,
а после и на поминки прийти,
опохмелиться.
— Вот скоты! —
подумал дедушка у очага.
А кто скоты?
Воры? Страна?
Да это, считай, одно.
А колокол звонит,
ветер гудит
и пламя озаряет лик
в морщинах
и глаза,
в которых бесконечная
ненужность и тоска.
Село как хоспис по стране —
закрыты хаты,
и люди уходящие во вне.
— Кто виноват? —
один вопрос уж много лет.
Народ здесь виноват,
что власть отдал,
оставив себе только тяжкий труд,
брехню, которую ему несут,
и одиночество вокруг.
Село как хоспис стало,
но не вдруг...

04.12.2012

***

По земле покрытой
снегом, льдами,
сквозь морозы
мчится скорый поезд,
улетает.
Я в нем тоже в пассажирах.
Ищу кого-то, а кого —
не знаю. Ищу лицо, что
в памяти сверкает.
Поезд длинный.
Без конца.
И в глазах моих —
вагоны, двери, тамбуры
и пустота.
Лица пассажиров друг
на друга все похожи.
Спят, пьют, едят,
курят и глаголят
речи философские родные,
доморощенные, но не простые.
Центровой вопрос: о власти,
о национальностях
и государстве.
Право собственности
сокровенно обсуждают,
но фамилий тех, кто прав,
не называют.
А кто неправ?
О тех
вообще молчат.
Мигают пьяными глазами,
пальцами куда-то тычут.
— А ты не с нами? —
меня не раз уже спросили.

А я иду, смотрю в купе,
по коридорам, и в лицо
каждого, кто хоть чуть-чуть
похож на ту,
что в памяти моей.
Уже и ночь вот-вот,
и сны.
А я иду напористо,
и ты в моих глазах
никак не хочешь
показаться.
Ну никак.
Коридоры устелены коврами.
Поезд мчится как
из мира нереальности,
пролетая полустанки, города.
Я из вагона
через тамбур
вновь в вагон.
Беда!
Нету поезду конца,
и нет тебя...
И лица, лица по вагонам,
все не те.
Поезд мчится в снежной пустоте.
Кого ищу, того здесь нет.
Пойду в локомотив
просить бригаду машинистов
повысить скорость.
Может, где-то
впереди земли.
И мы догоним.
Не брошу я свою
мечту,
и с поезда уже я не сойду...

10.01.1213

***

Під хлівом біля клуні
стоїть стара січкарня.
Буде скоро коліща
крутити дядько,
а дядина
подавати під ножі
кулі
сухої кукурудзи
та соломи.
І будуть годувати
цим корову:
засиплють в цебер,
поллють гарячою водою,
добавлять макухи і полови.
І так всю осінь, зиму,
весну, аж до
зеленої трави...
Січкарня монотонно,
півгодини в день,
обертає коліща, ножі,
і ллється січка
у великий цебер...
І ця картина
дуже схожа на
життя в теренах
пострадянських.
І в нашій Україні,
при свободі громадянській,
влада крутить коліща
держави,
і пхає люд кудись,
як під ножі січкарні,
і монотонно,
мовчки, тоскно
той люд іде,

і падає вже січкою
під скрип ножів і
коліщат
в якісь простори
пострадянські,
що схожі так на
цебри.
Люди-січка.
Хліви.
...Вечір ранній
насідає.
Дядько крутить коліща,
гукає,
щоб проворніше дядина
солому подавала,
бо кукурудзи вже нема у домі.
Січка падає.
Вже хутко ніч...
А рано вранці топлять піч...
Україно!
Що зі мною?..

14.01.1213

***

Слава при жизни
растлевает человека.
Слава по смерти
нужна только тем,
кто прилепился где-то
и что-то говорит,
и вроде славит.
На самом-то деле
себя выставляет,
и думает больше о себе.
Что кости в могиле,
и что они мне,
если душа не достигла небес,
если от той славы
ласкательных слов
на паперти нищие,
сироты без снов,
больные в больнице
в болезни оков
мало кому интересны всегда.
Гений нам нужен,
гений-звезда,
и что б пороков
побольше у него —
наркотики, деньги
и алкоголь,
и женщин бессчетно
в памяти лет.
Гений уставший?
Он сверхчеловек.
Ему все возможно.
Кто Бог для него?
Гений тревожно
смотрит в свет
сквозь окно.

И что там в душе
у него поутру,
когда руки дрожат
за дозой.
Иглу!
И вот полегчало.
И он снова наш —
пример для людей,
что и так все почти
по колени залезли в шабаш.
Пример для потомков.
Очень смешно.
Но прилипалы трепятся
звонко.
Им повезло.
Они его знали,
и знали порок,
знали все страсти,
но забыли, где Бог,
и вместо спасения
несли пузыри
с водкой рассейской
для уже черной души.

26.01.1213

***

Нежность любви сверхвысокой —
великая тайна,
как и тайна рождения Бога.
Я не задаю себе эти вопросы,
проникнуть во все тайны,
хоть, может быть, хочет
разум играющий струнами
мне
вне меня, а там в голове,
где тоже все в тайнах,
и не случайно.
Значит, так надо.
Я не задаю уже эти вопросы
и мудрецам века сего,
ибо несносно
слушать неправду
превращенную разумом
в научные истины.
Я принимаю мир летящий
в космосе древнем
вокруг звезды
нам светящей.
А все, что мы знаем
о ближних планетах,
это лишь видно,
не более.
Где-то умные головы
пишут трактаты,
что-то о ближних,
а что-то о дальних мирах.
Туда б полететь!
Но мы умираем духом.

Опять нас придется
таким же, как мы,
потребителям благ
истощенной Земли,
и злым во сто крат,
и коварным, недобрым,
проклинать, ненавидеть
и память развеять.
Планета не сможет
удовлетворять
все растущие потребности тела.
А тело не сможет себе
отказать,
стать аскетом,
и жизнь по-другому принять.
Тело привыкло себя одевать,
возить, ублажать, жрать
и гулять.
Тело — мажор, а душа
и есть Бог, то есть часть Его,
что не сможет терпеть
извращенную плоть
ещё тысячу лет.
А выход какой?..

27.01.1213

***

И снова неспокойно,
но нет страха.
В парламенте вот-вот
должна была начаться драка,
но оттепель спустилась
на морозы,
снег начал таять,
ручейки воды.
Природа сняла истерический накал
с голов,
а тут еще и дождь среди зимы,
и слышан некоторыми депутатами
как-будто рев коров,
и с ними бык ревел.
Но было пусто в зале,
молчали кулуары,
и пахло все прелым сеном.
Спикер укатил на родину
с прицелом,
что я, мол, не при чем,
к этим ослам,
что будоражили электорат
то тут, то там.
У Миши от всего промокли ноги,
Наташа обошла все лужи на дороге,
а Маша испекла печенье,
и по телефону мне снова
говорили: гений, гений!
Но голос был хороший
и приятный.
Я не узнал его,
может быть,
какой-то друг вчерашний.
В парламенте в суботу
был суботник
из трех частей,
как зонтик.

Коммунистический вначале,
потом региональный
как с бульвара.
И оппозиция из трёх частей,
но то уже других,
не первых.
Давили кнопки.
Каждый за себя.
И нервы снова
подгуляли в половины —
давили и кричали:
— В чем мы повинны?!
Мы честно жмём на эти
пианины,
а тут еще субботник,
и единый!
Но спикер рявкнул,
президент поднялся
и тоже придавили.
Но дверью.
"Яйца,
что мешают танцевать," —
так говорил наш президент опять.
Яйца упали в виде неприглядном,
а депутаты, испугавшись,
старались и давили кнопки —
все-таки субботник.
Старые традиции
вновь возродили.
В Междуножье
забор потом чинили.
Жарили шашлык
и пили, что хотели.
Мне тоже дали чуток мяса
и гантели,
их выбросить
в чермет хотели,

а тут я появился —
момент!
Заместо премий и медалек —
десять килограммов.
— Поднимайте! —
сказал мне сам,
что главный
в Междуножье.
И я поднял и опустил,
но спикеру, на ноги.
Он крикнул, охнул.
Обошлось...
Гантели мне всучили в руки,
и за порог.
И просит оппозиция еще
законы соблюдать,
чтоб было всё.
А так — претензии
по Юле, Юре,
кто-то, единичный, призывает
к перевороту факто-юре.
Я не хочу менять опять
нашу власть как мыло на наждак.
Менять хочу систему.
Но кто за это?
Строить новую страну,
правдивую,
и честно.
Оппозиция молчит,
ей орден запретил
на эту тему говорить.
А я все говорю,
гантели поднимая.

Я тренируюсь для борьбы
с собой
в коровнике или сарае.
А оппозиция зациклилась
на микро,
а мне нужны все мега,
да ещё и быстро.

02.02.2013

***

Монастырские леса —
заповедная краса —
режет, пилит
новый враг —
сука-пила...
По селу, что Лесники,
люди ходят,
сквозняки.
Ветер дует и разносит
запахи от шашлыков.
И осень
вызывает лишь тоску.
Продано земли, лесов
для богатых Охлуев
миллинов на сто зелёных.
Строятся дворцы.
Природа превращается
в клоаку городской черты,
где сажа, дым, копоть
от машин мощнейших,
гул и грохот,
и помраченье
нашего, и так короткого, ума.
Мы строим новый мир,
уничтожая старый
вместе с природой
Богом данной.
И кто крайний?
Наши дети...
А вчера, под ночь
и тусклый свет из фонарей,
снова вой пилы,
и сборище каких-то нелюдей —
режут двери во дворец,

где живёт оппозиционер
власти из орды восшедшей,
Класенко Сергей,
но честный.
Дом на миллионы,
тоже тех, зелёных.
И Крещатик, Днепр —
всё рядом.
Власть организовала
для жены,
с которой жил наш адвокат
долгих четыре года,
документы на полдома,
и пришли босяки
с пилой трескучей.
И жены, что выражалась
нецензурно,
мне было жаль
в игре
жестокой, негламурной.
Белый снег на город падал,
лёгкий вновь мороз
отрадой
после оттепели сильной,
а меня греет вновь Россия
Оттаможенным союзом,
в который мы,
наверное, вступим
после этих пил и краж,
и доходов, и дворцов,
где любимый депутат
речи острые готовил
для борьбы с ордой,
и богом стал для многих.

Мне не стыдно
за страну,
она — проклятьем заклеймленна,
и потому
с ней так ведут себя
почти что все —
от мыслителя до охлуя,
что говорить уж об орде...

P.S.
Сережа, ты не торопись
на меня с обидой.
Ты — видный человек, публичный.
Но миллионы и дворец
на метров восемьсот — это писец.
Может, власть и врёт,
и нет там этих метров,
и сука, бывшая жена,
за деньги готова голову
отрубить человеку,
но ты полдома оставь ей
по решению судов советских,
а половину перепиши на
нищую семью, где десять деток,
и пусть вместе живут.
А деньги?
Плюнь, Серёжа, и разотри.
Идея главное,
и что внутри.
А дом тот не нужен был тебе.
Дворцы, Серёжа,
портят личность
и ведут её к трубе...

05.02.2013

***

Одна крайность на другую сменяется.
Она — комсомольский секретарь
когда-то.
А сегодня — ее дочь проститутка,
да еще и в порно с
тяжелым оружием снимается.
Идет дождь на часы тоже,
стекло треснуло,
вода по стрелкам стекает
и в механизм попадает.
Ну и что? Часы
не работают с перестройки.
Школа осталась в минимуме,
а все бывшие классы
и кабинеты
сдаются под бизнес.
Летний день. Воскресение.
Тепло обволакивает
и успокаивает.
Но, вдруг, на третьем этаже школы
открывается штора
и девушка обнаженная
окно долго закрывает.
Мы встретились глазами.
Я почти люблю её...
Но там, в бывшем классе,
лежит шеф её фирмы
на диване.
У него дома жена, внуки и дети.
Он догорает по жизни
и делает мелкие успехи.
Эта девушка его последние утехи.
Я нервно достал сигарету,
смял ее,
и ушел вон —
ведь там мог быть я...

А первая порнозвезда
бежала из страны.
Её не спасла и мама
со связями в комсомольской среде,
что бизнес держит везде.
Дождь на часы который час,
мне их жаль, хоть они и стоят.

06.02.2013

***

Всё прожитое
всплывает в памяти
как боль,
и не вернуть то время,
те мгновенья,
что искрами взлетают в памяти
порой,
особенно,
когда
трудности идут горой,
которую не обойти,
не оттолкнуть,
а только пережить
как путь,
что свыше линией
проложен, часто не прямой.
— А я герой! —
кто-то говорит, играясь.
Героев нет, как таковых,
есть привыкалость
к трудным дням.
Героев нет,
или еще не выточен стилет,
который остро ранит.
Когда кровь будет сходить,
тогда и скажешь.
Боль прожитого...
Комната.
Тепло.
Игриво солнце лучами
прямо в окно,
книга в руках.
Знакомый сад.
Забор в зелёной краске,
что строил сам когда-то.
И где-то мама на веранде.

И память вырывает
всё заранее,
и ранит как гвоздём,
забитым в грудь.
Всё это не вернуть.
А что же в этом есть?
Какой в нем смысл?
О чем жалеть?
Я сам не знаю,
не скажу.
Я медленно бреду:
то шаг вперед,
то отдых,
шаг назад,
пока, вдруг, карту не найдешь.
Вот так идешь, бредешь,
и в этом жизнь,
в простоте её.
А боль таранит
прошлым днем,
а, может быть, и есть за что?
За суету,
недолюбовь,
недоум,
недонетак,
большую скорость
сюда, где я сейчас...

11.02.2013

***

Собрал антихрист как-то в ночь
свою всю бестолочь,
и отправил их на постсоветское
пространство, чтоб "помочь"
довести абсурд до конца.
"Пасторами" назвал подлецов.
Первый "пастор" — прошмендей,
второй "пастор" — журбавский,
третий "пастор" — чертовецкий.
Выдал им легенды, документы,
вместо тротилла дал "виагру",
вместо пистолетов — презервативы.
И вышли ночью тихо, незаметно.
Пересекли границу мира,
где конкретно территория
уже захвачена тенями,
после красного дьявола
с рогами,
и опустились всей командой
поначалу в Киев древний.
Создали церковь-секту.
Взяли власть деньгами антихриста,
и начали бузить, как в дискотеке,
нанюханные мелкие бандиты.
Крали земли, деньги и квартиры,
крали женщин красивых
и в Монако на балы возили.
И сорвали город с рельсов,
вырыли траншеи бесы,
как в великую войну.
Люд туда ложили в вагонетки,
чтобы гнать его в переработку.
Нервы не выдерживали во многих,
особенно у тех, кто далек был к Богу,
и только истинная вера
держала в городе людей,
где мало было святости и хлеба.

А “пасторы” резвились как щенятки,
и гнали вал,
и тот, что зверь,
был рад, доволен —
непотреб оказался
еще на что-то годен:
пошли он шваль эту в другие
страны,
там бы их быстро
привязали к “храму”,
который они соорудили,
но здесь земля растерзана,
без веры.
Здесь горе ходит,
как морем галеры.

12.02.2013

***

Полфевраля и снова — весна.
И снова, вдруг, я.
Если приду
в город надежд,
в город чудес,
в город любви, в город, где ты
цветешь сиренью,
где ты тюльпанами
и трелью соловья
встречаешь много лет меня.
А мне так хочется,
и я мечтаю
о том, высоком,
что выше не бывает,
о том далеком,
что рядом где-то
в мире другом,
но силуэтом
его приходит
ко мне в мечтах,
а часто, часто
я вижу в снах
моря без берега
и горы без вершин.
Горы уносятся
всё выше в даль,
в синь бескрайнюю
как и моря.
Сплошное море
и тихий бриз
воды солёной,
и губ твоих
среди цветов
акаций белых.

Под липами, что
вышли смело
в цветах-нарядах,
чуть-чуть согнувшись
от веса
ради чего живущих.
А я цветами пью все вина,
вдыхая запахи
неутомимо.
А ты акацией ко мне
в вечер теплый
под птичий звон.
И не вернуться мне назад,
где серость цвета
и тусклый взгляд
мира моей души уставшей.
Я думал, что пройдет,
но потерявши годы
веры, все вижу серым.
В мире сирени
пахнут тени.
Я под солнцем
в огнях любви,
а в мире света
звезда одета
в цветах и красках.
Полфевраля...
Снег и мерзлая земля...
Серое небо...
И глаза...
Но есть душа,
и есть мечты.
Всё сбывается в мире этом,
знаю я
и веришь ты...

14.02.2013

***

Політичні вечорниці
кожен вечір.
Ніде дітись
тим політикам в країні,
що збирають телекухонні візії
і штовхають нам
слова
без кінця.
Одна блотва іншу щиро
так паплюжить,
інша другу тре, утюжить.
І цим брудом
з вінегрету,
що вже років йому з десять,
та не десять, —
а всі двадцять, —
хочуть нас нагодувати.
І, буває, піддаємось,
потім травлення нікчемне,
горе всім, болить
голова та серце.
Мить —
померло трохи люду
в телевізії від бруду.
Трохи випили горілки,
стало краще,
а немитії тарілки
нам покажуть завтра,
й простирадла брудні теж.
— Досить! —
Я кричу собі в пітьмі, —
політичної брехні.
Досить!
Я продам усе що зможу,
і вступлю в якусь там ложу,
щоб звести себе
із глузду,

бо так жити
в цьому блуді
слів, слівець
уже несила.
Ось острівець,
де наче чисто —
йде реклама,
але знову пан та пані
лізуть в душу, серце крають,
і так гарнесенько співають
про калину, Україну,
про рушник,
що я покинув,
про щасливе майбуття.
От їм трясця!
От брехня!
Ми живемо на стіні,
де скрізь биті бутелі,
перегаром тхне любові,
нам би радість з бабою та на полові.
Та полова *нынче рай,*
вся полова, ты, считай,
отдана любви России.
Що ж лишилось?
Тільки шиї,
на які ще можна
повісить
Аттаможенный союз.
Атаманство в моде вдруг.
И веревку всем в подряд,
кто так не хочет
поплясать.
Так там думает Володя,
но не тот, что дядя Ленин,
а другой,
что каруселит
Русью тоже двадцать лет.
Всех тошнит, а что им делать?

Ленин — его предок,
и портрет остался,
и Мавзолей с идеей,
что разрушил
этот же народ —
пучит от всего его сто лет.
— А нам правди, трохи правди
з телевізії,
а ґрати ми готові
самі почепити,
правда, мамо?
— Тихо, діти...

27.02.2013

***

Березня стікали дні,
мов крапельки води
із решток снігу по землі,
а тут з Балкан
циклон
приніс нам знову зиму.
Летів той сніг
удень, вночі
по всій країні.
Буревій,
замети на дорогах.
І стало все.
Автомобілі, автобуси, тролейбуси —
колони на шосе,
і владу перелякану трясе,
а що як
опозиція
піде в глобальний наступ,
захопить ключові пости?
И "Здравствуй, Родина!" —
промовить хтось в ефір.
— *Россия, здравствуй!*
Мы пришли надолго
строить новый мир!
В столицю потяглись
бронетранспортери,
автомобілі важкі, військові.
І нерви напружені мов струни.
Влада не знає подальшого
маршруту.
Солдатів вигнали на
тротуари,
дали лопати —
двірник над ними старший.

І бронетранспортери
все туди-сюди,
та толку з них
як із води від цього снігу.
Солдати з повінню
боротись будуть —
відра, фляги, черпаки —
збирати будуть воду:
і в яри.
Але то буде згодом.
Мне позвонили из России:
— Воры ваши сверху
бюджет большой захватили,
можно было купить
для всей страны
и технику,
горючее,
и всё необходимое,
чтобы зимою
чистить снег,
какой бы не был он обильный.
Но бюджет то свой,
приватизированный, считай,
и деньги тратить
на очистку снега?
Я что, долбай?
Так думает вся власть,
и ждёт пока растает.
И солдат — для чистки
и для страха.
А бронетранспортери
солярки палять
піввідра
в секунду чи хвилину,
й ревуть, ревуть,

щоб затулить
дірчину
чи то в снігу,
чи то у владній машині.
— *Мыши есть на улицах у вас?* —
спитав мене російський депутат.
— Нема мишей.
Нема нічого.
Лиш сніг горами
і військова тривога...

24.03.2013

***

Писал книжки наш президент.
Гонорары получил
в один момент —
шестнадцать миллионов гривен.
А журналисты и народ
завидовали его жизни.
А ты возьми и напиши!
Попробуй, хоть страницу.
А президент рванул
на сумму гонорара вышел
самую большую по стране
за сто последних лет.
Я не завидую. Пишу,
тружусь, и тоже жду
свой гонорар,
кто-то заплатит,
может, издатель,
может, газета, или журнал.
Однако, речь здесь
не обо мне.
Мне деньги не есть главное.
Деньги главное — стране,
как грибы в год урожайный,
чтобы было что украсть
чиновникам из банды.
Но я отвлёкся снова.
А журналисты в это время
всё бузят, коровят
первое лицо,
и не в бровь, прямо в глаз,
на пресс-конференции
перед страной.
Мол, книжек не было,
а деньги эти вам
пришлось украсть,
и книжек нет, а деньги дали.

Все говорят об этом,
о морали,
им, что ли, темы нет другой?
И на экране, бишь вчера,
на TVi, вечером, появился
один мудрый человек, считай,
писатель, член Союза.
Он говорил долго и умно.
Мол, президенту некуда
деваться:
деньги получил, потратил,
а теперь откроют магазины
в каждом райцентре,
чтобы прогнать фиктивно
эти тиражи обильны,
и выйти на нужный гонорар.
Писатель умный,
обсудил тему в Союзе,
и дальше он сказал:
— Такие нужные нам, людям,
наболевшие мечты:
мол, в каждом книжном
магазине прогонят книг по сто.
Скандал пройдёт,
а магазины останутся везде,
и, может, наши, говорит,
там книги издадут
и продадут.
Интелект, конечно, писец...
Президент будет открывать вам
магазины, чтоб оправдаться
за два миллиона зелёных?
Ха-ха!

05.04.2013

***

Власть.
Как не хочется тебя терять!
На что только не идут
умы людские,
чтобы сохранить её
любой ценой
из цепи преступлений,
где грех сплошной
нечистой нитью
связывает всех,
кто совесть
обменял
на блага
материальных
и физических услад.
Рука на Библии,
и клятвы Богу.
Но Бог становится для них
пустым лишь словом.
У них свои боги —
сами они!
Первая трава весны,
набухли почки,
и землю, врываясь в мир,
пробивают силой
нежные цветы.
Первые.
И птицы, птицы...
Кто-то видит, слышит,
а кто-то технологии
химичит,
чтобы остаться в троне
ещё надолго.
Хоть не достоин он
не только трона,
но и земли этой,
украденной в народа.

Пустое место.
Жизнь пустая.
Гоняют деньги
с банка в банк,
воруя.
Им благодать всё это.
А нам терпеть,
и верить тихо.
Нам всех любить —
извращенцев и бандитов,
типа людей,
и пьяниц горьких,
которые не могут
молча,
а ищут счастья
на земле
идя по людям
измученным как по траве.
И льется музыка
с роскошного авто,
девица упивается
здесь пустотой
на коже, в роскоши
одежд автомобильсалона.
А я так заскучал
по дому,
которого
уже не видеть снова,
и никогда...
Всё по-другому.
И жизнь взяла
и повела,
хочу я или нет...
Но мне бы
видеть Бога!
Власть.

Борьба вокруг
побитого шашелем
и сто раз перекрашенного
трона.
Преступления.
Грехи.
Да у них просто
не все дома!

10.04.2013

***

Который день
метелица, метель,
и всё вокруг белым бело.
Деревья в шапках снега.
Хорошо!
Я наслаждаюсь
музыкою ветра.
...В парламенте опять
шум, гам, скандал —
секверст бюджета.
Вообще-то парламент у нас,
так, для отвода глаз:
всем правит президент.
В разведке говорят:
“операция для отвлечения
видимости на сейчас”.
Парламент сгас.
А тут, под ветра вой,
звонок с Москвы:
— Ах, друг ты мой! —
говорит мне Путин Вова:
— Штаты задолбали снова.
Список Магницкого
расширить захотели.
Мою команду рвут
живьём по телу.
Давай, поэт,
ответим новым списком,
где ты возглавишь
моих людей:
депутатов там, министров, —
списком добрых дел:
кто стадион построил,
кто церковь, дом —
всё ж для людей!
И этот список в Штаты.
Ты главный в нём.

— Послушай, Вова,
я за Магницкого
готов
порвать твою всю рать.
Вы засадили человека в зону,
а там — заточкой — зеки,
и в солому.
Погиб борец за правду,
понимаешь...
Как научить тебя добру?
Ты знаешь,
Обама мягче и добрей,
хоть многие его не любят.
А людей
он бережёт чуть больше.
— Вот именно, поэт, что больше.
Сколько он сгноил
их на Востоке,
всё ради демократии жестокой,
циничной и маразменной
модели?!
Для мусульман
она не в деле.
Он слушал олигархов и банкиров,
и шел за нефтью,
а прикрывался, блин же, миром!
— Да, Вова, здесь я
не возражаю.
Но он по тюрьмам
борцов за правду не сажает.
Ладно, Вова, пока!
Мне звонит наш президент:
— Да!
— Я Юльку задержал!
— Да, да...
— Я Референдум проведу!
Косолапчук мутил,
и замутил.

Мы власть рванём всю,
навсегда.
Ты подключайся там,
в стихах.
Получишь кусок земли под дом.
Славу тебе воздадим кругом!
— Спасибо, Витя.
Ублажил.
Ты с полымя в огонь бежишь.
Ты всё играешься страной,
где люд остался без мозгов.
Но есть и умные, поверь.
Послушайся, не лезь.
Ты досиди своё спокойно,
выборы отдай достойно,
а то нарвешься
как Кучум
на пляски, танцы.
И демонстранты уже
пойдут с камнями,
и их, Витя, остановить
не сможем сами.
А вертолётик может
не взлететь,
Борисполь перекроют,
и амбец.
А ты куда потом?
Давай, пока.
Мне Берлускони звонит вновь:
— Привет, Сильвио.
— Привет.
Поэт, поддержи меня
на выборах, прошу!
Я баб упаковал,
тебе везу.
Будет гарем красавиц.
— Ты знаешь, Сильвио,
желаний нет на взвод девичий.

Смотреть их цацки
я привычный.
Я много видел.
А сейчас любуюсь
лишь природой Божьей.
Тебе я помогу.
Ты брось амбиции,
и баб отдай
моим друзьям:
поэтам, писателям,
другим людям.
А там мы двинемся
с тобою в путь.
Ты станешь рисовать картины...
— Жуть!
Я не хочу, поэт, такой судьбы.
— Сильвио!
Ты не дурак,
прости за слово,
но пора спасаться в Боге.
Бросай всё,
и ко мне,
пока я добрый
и готов с тобой
возиться...

14.04.2013

***

В Гуті серед ночі
в резиденції псів гончих
зібрались таємно
лідери колонії —
старі пеньки чотири штуки
в кімнаті без вікон і дверей.
Але все має вуха,
і очей по світі — ой-йой-йой!
Вели вони розмову про народ,
який їм віддали
вести.
— *Вперёд, вперёд*
весь этот сброд! —
сказав один пеньок.
— *Его бы гнать ещё*
с вохрой,
он изленился подо мной.
— *Так, под вами он*
значительно упал.
Упали деньги,
реальные доходы.
И финал —
все говорят о революции
везде, —
сказав другий пеньок.
— *Мне шо, вохры не хватит?*
Да у меня ментов
как яблок
в саду осеннем.
— Так, так, так!
Але ваш сад
давно скорчований
і факт:
всю землю роздали
крестьянам.

— Не “крестьянам”,
а християнам.
Бо всі наші запроданці
та зрадники вже
не селяни,
вони міські, міщани,
але то правда — християни.
Їх гоне наш пеньок черговий
до церкви.
Вони стоять там
як етажерки.
Колись я храмів поламав
немало.
Та, видно,
в ЦК команди
віддавав я даром —
ви їх набудували
скрізь, де можна, —
сказав пеньок номер один.
— *Не сложно, если деньги есть*
да лес растёт везде —
руби и строй.
Выгода вдвойне.
Табличку можно
написать кто строил,
а это почёт,
считай, как грамота
когда-то от царя, —
продолжил речь
пенёк, который
нынче голова.
— А я вже, знаєте,
народ цей не люблю.
У мене жінка
даже не отцюдва,
і діти мову вчать
колись, може, свою.

Народ цей
незлюбив мене,
а я спаситель був йому, —
пробубнів ніяково
пеньок, що номер три.
І тут на нього зиркнув
тато, номер два,
і той замовк.
— *Ты помолчал бы о народе.*
Связался с Юлькой,
сукин сын,
меня встревожил
и всех моих:
вон лечатся и Чмуркис,
и Косолапчук —
у них генитальный
тик.
Дергается всё
и день, и ночь,
ни жить, ни спать,
и мимо туалета
прочь от тика
разлетается.
А ты, герой
той осени...
— Прости, тату,
прости.
Не відав я...
Я думав, що це ти
все це підняв,
я тільки й того,
що на сцені постояв... —
І пеньок почервонів,
ікати став.

А в лісі чорному,
в горах,
вітер шумів,
і місяць наче вкляк
від тих таємних
зустрічей пеньків.
— Оце країну зрадили! —
сказав охоронець, який
біля вікна сидів.
А в небі супутники кружляють
российский, европейский,
США,
и всё записывают тайно,
потом шифруют.
У них крышу сносит
от этих возлияний
и поливаний.
И Вова Путин
держит ухо.
Обама тоже.
— Вот нам пруха!
Такие пни сидят во главе,
а народ-то еще ниже,
если им правят пни
уж столько лет,
и в колонию
страну превратили.
— Давайте, підсумки підіб'ємо,
і за тин —
підвівся тут
пеньок номер один. —
Там новий ресторан
відкрили,

а це так апетит нагонить,
немов совєцька влада
далі йде
для нас.
Я вже до всього хорошого
так звик...

20.04.2013

***

Вчера была гроза,
и я всегда, как в мае
и бывает,
наслаждался громом,
интересовался его делами.
Полгода не был здесь
мой друг.
И он старался, громыхал вокруг,
и лился тёплый дождь,
и тучи чёрные сверкали.
Продрог я,
и ушёл домой.
А тут и вечер.
Слышу, кто-то скребёт в
в моё окно.
Поднял я штору,
а там лицо знакомо незнакомо.
Открыл окно,
и вижу президента Казахстана
с чемоданом
и кульками.
Не стал греметь входной я
дверью,
поднял его в окно.
Включили свет.
И я спросил:
— Чего?
— Да вот проблемы назревают
по стране...
— А что ты хочешь?
Окружение твоё
бурит степи,
и нефтью с газом
балуются вместе
с Китаем,
и продают за доллары,
тебе подносят тоже.

Ты новую столицу
навельможил,
чтоб в Астане коррупцией
не пахло,
а там она воняет как везде.
— Опасно! —
сказал мне Назарбаев.
Раскрыл кульки,
достал еду, подарки:
— Ты кушай, сладкий.
Я хочу тебя забрать к себе...
— Не поеду, Нурсултан,
что мне в Астане?
Клетка — из золота дворец?
Красивых девушек
не под венец?
Да что я там смогу
в степях?
Китайцы ещё шлёпнут...
— Да нет.
Хочу чтобы помог.
— А как помочь?
— Дочь обокрали
на сотни миллионов
вот...
— Бардак, Султан!
Ты ж коммунистом был,
и демократом, — вай! —
а стал как бай.
И снова стук в окно.
А время за ноль-ноль часов.
Темно.
Открыли мы окно,
а там сам Лукашенко.
— Поговорить бы... — говорит.
И влез он сам —
спортсмен.

И та же песня:
— Помоги!
А как помочь?
Страна хорошая,
но тырит власть
уж далеко за прок.
Сам виллу бахнул в Сочи,
счет и в Европе...
— Хлопцы,
я — поэт!
И как же мне систему поменять
у вас?..
— Ну да, построили дерьмо... —
сказал Султан,
и замолчал.
— Союз нам нужен... —
Лукашенко промычал.
И оба вместе:
— Ты кушай, кушай!
Чем богаты, тем и рады...
И я поел кореек с окороками,
запил всё кофе, коньяками,
отправил их назад
через окно.
Еды оставили на месяц.
Оно то хорошо,
но, если честно, — плохо:
мне б похудеть немножко...

15.05.2013

***

— Двадцять років
я купую, продаю,
з цього якось і живу.
Хоч і бідна, але хай...
— *Ах ты ж сука!*
Двадцать лет торговли —
это ж бабок сколько!
А меня везде поносишь,
мол, на севере сестра
вся в алмазах, соболях,
ноги в нефти парит сука,
а мне помочь?!
Так Вова Путин
не дает.
Он мой муж,
и под себя всё гребёт,
под рать свою,
а сестра, как кость, ему...
— Та ревнує, певно,
дуже.
В мене ж тіло —
дупа, груди.
Все розкохане в хлібах,
на молоці
та на м'ясах.
А він хоче, хоче,
рветься,
пнеться, та не в моїм
він, сестро, серці,
мені треба лісоруб,
з Волині,
мов той дуб.
— *Так же был-то, твой Кравчук.*
Он же слаб-то мужичок:
внешность есть,
а по силам: так, слабак.

Кучма — старый.
Не рыбак.
Что он мог кроме понтов?
Деньги клянчить у феодалов
и рабов.
Слабый был мужик,
недаром
накормили помаранчем.
А потом тот хрен
сумской:
рожа, вроде, есть
и не тупой.
А мужик?
Нет!
Не Рязань,
не Владимир —
просто хлам.
Что он мог, как только вякать?
Грудь твоя ему лишь мякоть
фреша утром ото сна.
Он баран от барана,
свинопас и драмкружок.
Он хохол.
И чем помочь
я могла тебе, сестра?
Я старалась, но прошла
время остановки в дури,
и тебя схватил в натуре
крокодил и бегемот,
Айболит и пароход,
пальма, шины и друшлаг,
кони, овцы и бардак.
По разбитому стеклу
кровь стекает,
на полу
корчится, рожая, дама,

а он бахает с нагана
по соловьям, бля, и синицам.
Он охотник.
И не спится мне теперь.
Я виновна.
Но ты верь,
что ворвется к тебе в дом
настоящий бурелом,
офицер и воин сразу,
и не вор,
и не "колядник",
не попрошайка,
а мужик —
твоё тело и твой шик.
— Так, сестро, я все почула.
Твоя правда,
хоч минула та година
не моя.
В мене вкрадена сім'я.
Діти п'ють, гуляють, б'ються,
чоловіки революцій
все чекають та бояться,
і народ почав скрадаться
хто куди і як попало.
А я гарна тілом дама,
та нещастя, біди, горе —
скільки сорому та болю.
А сім'я як показилась,
подуріла, розлетілась,
нікому й до столу сісти:
той п'яний, той весь
в артистах,
та остання на селі,
а та жде, щоб
кобелі привезли і відвезли.

А я все чекаю долю,
і в калині, і на полі,
де ще жито залишилось,
та купаюсь гола тілом
чи в Дніпрі,
чи в морі синім,
а до мене всі і лізуть.
Але там нема любові —
то байстрюк якийсь ледь кволий,
то брехун і злодій синій,
то іще якийсь дурило...
— *Да, сестра!*
Мои дети тоже в блуду,
и я, хоть и с мужем,
но скрывала долго свою беду.
Тужим мы с тобою вместе.
Он мой муж,
но жить нам...
Притворяюсь я довольством,
в самом деле жду, надеюсь...
— Так, сестро...

05.07.2013

***

Стогнала, вищала, вила
телевізійна Україна —
танці з зірками!
Усі жили оцим ганебним,
придуманим російським деблом
безукоризненным, отменным,
прекрасным шоу.
Ах, как танцуют "звёзды"!
Какой порыв на сцене!
Всюди про це говорять
і чекають нових танців,
як гектарів,
обіцяної всім колись землі.
Они в телевизоре — встали и легли —
а мы им новые программы!
Шоу Кисилендра и старика Сава,
потом подбросим экстрасенсов,
достанем Кашпера —
мгновенно изменится импульс
мозга.
Мозги станут телячьими,
и можно
с ними делать всё.
— Оно то так, шеф,
но никто из наших
не может пока стать
как хозяин.
Мы продуцируем продукт
стране,
вгоняем дурь людской
быдле.
— А толку мне?
— А вам не буде толку
вже ніяк,
тут наші олігархи
з ваших просторів.
Глядь!

Все не хохли, не наші,
якісь грузини, росіяни,
чубайси,
і ваші танці та всі шоу,
серіали
до місця одного!
Вже рано.
По-вашому вже пізно.
Тут люд спасався від
Вітчизни,
і загубився в межах світу.
— Да, в измерении другом
народ,
я вижу.
Они меж иксом и турой
с доминами,
(не путать домино с Доминиканами).
Зблуженный бёг от родины
народ —
кто по Европам, Штатам,
кто на Восток.
А те, кто плохо бёг,
упал в другое измерение,
чуток подышит там,
кто-то помрёт,
кто-то поймёт,
а кто-то к нам войдёт
и попадёт пониже
всех быдлот.
— Здесь, шеф, у нас тоже
наоборот.
И так стоит форпост,
и гонит всем компост
специальных новых
психотроп.
Что русский, что прибалт —
тема одна:
язык российский
в гвалт!

И национальный прапор,
и туфта
национальная из сундука:
убрать русский язык,
и заживёт страна!
Да, шеф!
Попали в точку.
Мы этого хотели,
и понемножку
вкачали с телевизора
примочку
о нашем языке.
И говорят они о нём,
а в сундуке
национальный лом,
которым они, обломясь,
упадут
под ноги наши.
Ну а тут уже все в порядку:
країну тримаємо
ми як і споконвіку —
і ворог є,
і друг,
сьогодні там,
а завтра тут.
Отак всі їхні псі й ікси
працюють нам,
на нас.
— *А ти, шеф, потрудись,*
и поищи
ешё один,
какой-то новый
нервофарс.
— Ми їх як ту дівку,
а вони — нас,
знімаючи все те
на плівку
всяк час.

— Да!
Через раз.
Мы вас,
вы нас.
Сильны в республиках вчерашних
и политика, и власть.
Атас!
Атас!
Співає попса
для президента вальс.
І в них,
і в нас.
Нараз.
Сейчас.

09.07.2013

***

Мои книги —
в каждый дом бы.
И мир вздрогнул бы,
читая.
Кто-то блевал бы
за сараем,
кто-то закрылся навсегда,
не в доме, нет,
а в смысле языка.
Кто-то бы
плакал и рыдал,
а кто-то бы
вилы свои
и партии все сдал
в тот же сарай.
А кто-то встал бы
и пошёл,
за ним другой
и третий,
и их всё больше, больше...
И мир менять
начал бы своё лицо.
Антихрист гнан был бы,
ещё
и окружение его.
И строить новый мир
назло большому злу,
которое повергли бы.
Ему было бы приятно,
и Он позволил бы
обратно
придти на покаяние ещё, ещё...
Мои бы книги...

От Бога все слова, страницы,
не для себя,
а всем вам, близким,
большому миру,
ослепшему,
но кричащему.
Я вижу...

29.07.2013

***

За внешне красивым
фасадом страны
бьются в смерть
“крутня” и “пацаны”
до крови, дерьма.
А мимо идёт, пробегает
людва
на труд и работу
за хилую пайку.
А где-то секретно
днём и ночью
небо коптят фабрики.
На них шьют фуфайки,
чтоб номер навесить
всем по порядку:
и шансону с попсой
тоже вместе,
но номер крутой,
как и пели они,
и всех нас в колонны —
и повели, и повели...
Такой есть приказ
у “Семьи”.
Евросоюз и НАТО
не знают,
они бьются в Ираке, Афгане,
возя гробы
на шикарные кладбища, —
в гробах бывает наркота, —
но нюх их ищейский
утерян давно.
Наши с “Семьи”
им парят дерьмо
в русских блинах под икру
жаб диких,
крашенных
химией на сильном ветру,

чтоб запахи ветер унёс
и оставил
цвет лишь икорный.
И водка с сараев —
обычный технический спирт
с прикидоном из “ешек” —
и ешьте, господа,
у нас дома.
У них всё другое,
у них чин по чину,
но наша “Семья”
расплодится там сильно,
и все с Берлином
станут Чикагой
тридцатых годов
и профанадой
ихних законов,
и наших “понятий”
установится царство.
НАТА с Европой
нюх потеряли...
Потом и себя потеряют.
За внешне красивым
фасадом страны,
всё так гнусно,
но “крутня и пацаны”
разбавят домами
и авто с Европы,
роскошными шмотками
и попами тёлок,
и, бывает, что нравится
даже и нам,
знающим правду
и всё что там.
И гам
несётся по территории
и геттах,

гам о борьбе
со злом всем этим.
Это оппозиция шумит.
Бывает, выпьешь,
бабу снимешь
и, вдруг, поверишь.
Утром глянешь:
она с похмелья
как чума,
и запах от неё...
Хана!
И ты бежишь со всей людвой —
быстрее труд
любой ценой, —
забыть, забыть их всех.
Себя.
И бабу, ночью, ту...
Ура!
Кричит какой-то,
блин, калека
с машины "лексус",
и потеха —
на бампер
поднять враз кого-то.
Смотришь, труп,
менты,
и фото, фото.
А дальше —
новое "святое"
их развлечение "крутое" —
взять девку
и растлить,
затем ограбить
и избить.
Не выдержит,
умрет,
значит — убить.

И ректоры налоговых
в нас академий
берут за взятки на учебу.
“Гений”,
окончив вуз,
пойдёт трусить
всех за гуз,
чтобы собрать обратно,
а то и более всего.
Но то — фигня,
и то — дерьмо.
А главное уже украли.
Остались урны в парках,
лавки грязные
и тротуары.
За них и бьётся
в нас “крутня”.
А “умные”, сорвав бабло,
бегут в Европу.
Но то пока тёмная
и неизвестная в будущем херня...

31.07.2013

***

Оргазмы, поллюции
не кажинный день,
а забыться-то хочется.
И мы за плетень,
в кукурузу,
аппарат самогонный тянем
вместе и дружно.
И дрова, и парок в
венджи, а с них
в воду как лед.
И по капле нектар
с ватки капает.
Лишь с минуту был пар,
а теперь — на пузырь.
Первый литр —
то первак,
бьёт по темени так,
что тот секс
их в Европе —
курам на смех,
и пруха в сто оргазмов
коня,
как мотор с “оппеля”.
Жарит так наповал
бабу, что вот только стоял,
а уже, блин, лежит,
вышиванка торчит
ниток красных и чёрных,
и в очах всё рябит,
а кумась — по второй,
кувыркнулся,
и в бой
с кулаками ко мне,
я стильвагой
его, сука ведь, по спине.
Что-то хряснуло там,
и упал он к ногам.

Вот он сила — первак! —
и я стал первый казак
на селе в этот час.
А в другой кукурузе
кум сливает по кругу,
и уже понеслась
песня наша,
и в пляс,
несмотря на столь ранний,
седьмой всего, час.
А на завтра
оставим
мы немножко,
подбавив
конопли с огорода,
и пойдём по погоде
разбирать, блин, коровник —
от совдепии долю,
что досталась нам в волю.
А потом в огороде
снова брагу в огонь,
и по венджам спокойно
паром вниз потечёт...
А учились в школе вяло.
Физичка всё не давала.
Продохнуть.
И законы те учили,
но не очень получили,
а вот дрожжи и пшеница,
дрожжи с сахаром в водице,
дрожжи и буряк от поля
олигархов — наша доля.
Дрожжи и любое всё —
брага, венджи,
и пошло, пошло, пошло!

А оргазмят пусть в Европах.
на постелях и на водах —
видели мы всё
в кино.
Чепуха то.
Вот-вот уже — кап-кап...
Ё-моё!
— Пошло, Фрося, пошло...
Ох и вставит!
— Тебе-то хорошо?
— Хорошо...
Давай тогда ещё
по стопарику налей,
да под сальцо...

31.07.2013

***

Типа ищет милиция
и не ищут пожарные,
не ищет семья
и торговцы базарные,
не ищет судья,
и не ищут врачи
бежавшего
из-под браслета
ментовской вохры.
Вчера ещё днём
на носилках возили
с рожей страшнее гориллы
ректора самой суровой
бурсы
Петю Мельника
с Ирпенской налоговой.
А подожди!
Не ищет налоговая
и её, блин, менты,
пропавшего босса
за взятки.
Ух ты!
А если спустили носилки
в Ирпень реку
и она погнала тело
в трубу?
А если сожгли
в крематории вдруг,
чтобы концы
опустить с пеплом?
Фу!
Морозом по коже
в судьи,
и озноб.

Икает и трусится,
может, и пьет
то корвалол с демидролом,
то водку с пивом.
Во, бля, дела!
Куда же подели тело
вождя?
Налоговые органы —
дым без огня.
И это их служба
и работа в тени.
Не мог сам же ректор
в носилках идти,
а даже в тележке
сидячий больной.
Штаны расстегнул,
а там шрам под ногой.
И что было резать
в паху
в день суда?
Врачей, сука,
к стенке!
А ну-ка, сюда!
Я не шучу,
но дрожу
день второй.
Ведь был человек,
пусть скотина
с горой денег натыреных,
но вам же, бля,
стыдно!
Быдло-пацаны,
пропал босс-барыга
ректор,
а вы пьете пиво
и жрете!

А тело пропало,
сгорело, плывет,
а, может,
в канализации
ректор гниет?
И мысли страшные
опутали страну.
Пусть, бля, скотина,
но жаль семью —
сколько богатства
не успел он списать
на близких своих.
Е-моё, мать!
Ищет милиция,
типа, со вчера...
Молчат прокуроры...
И положил на всё
это судья...
А страна не спит.
Тяжко дышит
и сопит,
и ждёт конца
спектакля.
А ректор
вынырнет
как в полыньи что-то...
Но не здесь,
и не сейчас.
— Твою ё мать!
Хватит, типа,
искать!

10.08.2013

***

Суразы, несуразы,
несуразица
по базе,
а по надстройке
цирк с козлом
с облезлой шерстью
и одним всего рогом.
И ноги старые,
кривые, без копыт,
хвост облез и еле сам висит,
а тут, бля, ещё цирк...
А где же общества
охраны, ну, людей, —
животных жаль,
а люди то важней.
Мента ГАИ
судили с утречка
в Винницкой губернии
сам предсоветкапсуда.
Мент взятку взял
и улетел с поста.
А тут такая красота!
Судья признал
и объявил:
не грех!
Деньги упали в руку
сами.
И не виноват мент.
А камеры писали
момент взятки зря.
Камеры судья
пофиговал.
Нельзя!
А если в руки менту
прыгнет ком дерьма?

А если вместо чая
в чашке, блин, моча?
А если судье
вместо приговора
в руки дадут
в дерьме замазанные
д-о-л-л-а-р-ы?
Возьмёт и не дрогнет,
отмоется фокусник.
А цирк продолжается
с телом Петра
ректора сгинувшего
уже навсегда.
Скорее убили,
и в воду концы.
Горе какое...
Страна, объявляй траур,
и хоть три дня не смеши!

10.08.2013

***

Сегодня ночью вновь
мне позвонил
расстроенный Обама.
Это уже неприлично —
прямо
среди ночи каждый раз.
Есть своя у него команда,
а я должен бесплатно
помогать им править.
Но очень уж Барак
просил.
И сдался я,
хоть нету уже сил
спасать ведущих
президентов мира —
тут свои задрали
проблемами.
И советы мои им —
всё мимо, мимо.
Обама, чуть не плача,
рассказал,
мол, в отпуск спешно
улетал,
и в спешке пса забыл,
ну, и заказал спецрейс —
военный самолёт.
Пса подбросили на остров, к Обаме,
(там он отдыхал),
а с ним мячи для гольфа,
клюшки.
Сегодня по Штатам
пресса жарит.
И что будет потом,
когда ещё детали
все узнают?
Я пообещал решить
вопрос.

Объясню я прессе,
что не ради пса
взлетел тот самолёт,
а были учения,
спецособенные,
закрытые, секретные,
где я тренировал
разведбойцов
для захвата
шельфа Ледовитого океана,
который Россия,
вернее, её Горбачев
и Ельцин прогуляли,
и отойдёт он США
следом за Аляской.
Потом Сибирь откупим
шоколадкой.
Обама рад был,
благодарил.
А я с женщиной красивой
ночь проводил,
и, бросив трубку,
взял шампанское опять.
А тут звонок,
и номер высветился:
Володя Путин, глядь,
в третьём часу ночи.
Я трубку отпихнул
ногой,
но баба, та ещё! —
нажала кнопку
и представилась
как секретарь.
Я матюкнулся, но трубку взял.
— Слушай, друг!
Спасай Россию!
Ополчились против неё
все черносилы,

вся рать антихриста
пошла с подполья.
Нас жмут,
мы как в войне теряем
своё поле жизни, Толя!
Рождаемость упала
до нельзя —
мильёнов три абортов
в год!
И это как война.
Секс,
алкоголь, наркотик-кайф.
Чиновники воры,
коррупционеры, бля!
Элита зажралась.
Её б менять.
Да на кого?
Где взять?
Страну теряем.
Помоги!
Всё опиши и расскажи.
Я увеличу тиражи,
может, дойдёт
кому-то хоть.
Россия деградирует,
как корабль
лежащий
на грязном дне.
Попса дешевая,
газеты-врали,
журналы глянцевые
разжигают аморали,
порнуха,
жизнь красивая на шару.
Дети в школе
секса просят,
а математика, литература —
по барабану.

Очень ухайдокалась
страна за тридцать лет.
Писатели, художники
гонят пургу в услугу
черту.
Наука пала.
Литература пала.
Культура пала.
Всё запустилось не туда.
Мы тонем
в канализации
и при этом
победоносно кричим:
— Ура!
— Я помогу, Володя.
встанет Русь.
Я жизнь отдам
за воскрешение народов,
за правду,
что лежит в гнилой
утробе,
за совесть спрятанную
на чердаке.
Я отмолю своей поэзией
у Бога
не себе,
не семье,
а странам, что действительно
лежат
как потопленные
корабли на грязном дне.
И отключил я телефон.
Влил в себя бутылку водки,
оделся и ушел
на улицу
встречать рассвет.

Меня догнала
моя женщина,
красивая как свет,
и трубку вновь сует —
там наш главком,
и приглашает
к себе в дом,
на чай,
поговорить о том о сём.
— Вертолёт уже
к тебе, поэт, летит.
Я прыгнул в дверь,
чуть приоткрытую,
и винт взревел...
Главком
мне жаловался на Писькуна,
мол, трижды главный прокурор
оказался из дерьма —
просит убежища в Европе.
Позор, мол, для страны,
ведь мы и так все в попе...
И я ему сказал:
— Пусть остается тот шакал,
и пусть бегут другие
в Европу и США,
на Пикадилли,
и гадость нашу
пусть несут туда —
кроме денег,
вирус бандитизма, навсегда.
И пусть "элитка"
тает в мир,
а там она взрастет
таким грибком
коррупции,
убийств,
краж и проституции,
держись!

И сыр французский
сделают, как наш, с дерьма,
и “мерседесы” станут
“тракторами”.
Да.
Но главное не это.
Падёт мораль,
и человека растлят,
как растлевали здесь,
опустят в черный
черта век.
Поэтому гони их сам.
Ты ж православный.
Покажи дедам,
которые ушли в иной
уж мир,
что ты очистил землю.
Главком притих.
Достал бутылок пять
хорошей водки,
и пили мы её бокалами
под хруст огурцов, селёдку.
Но хмель не шёл.
Он становился
всё угрюмей.
Потом махнул рукой,
и прорычал
как зверь израненный:
— Ты прав!
А будь, что будет!
Я принимаю твой совет.
Рассею по миру
нашу “элитку”,
и включу им навечно
красный свет!

13.08.2013

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Мне иногда говорят, что я пишу жёстко, о том, что поэзия это всё-таки лирика. Но я объясняю это так: я пишу о том, что вижу, я пишу о том, что у меня на душе.

Расскажу о маленьком штришке жизни.

Мой сосед, ещё молодой генерал милиции, при встрече в парадном сказал, что у него на балконе лежит пара окурков, явно женских, так как на них следы губной помады. Я почувствовал себя не очень комфортно, но оправдываться, (а он поставил меня в условия, что я должен оправдываться), не стал.

Во-первых у нас в семье никто не курит.

Гости не курят в квартире — у меня внучка пяти лет и внук годовалый.

Я ушел с испорченным настроением.

На следующий день соседи, которые живут сверху, обратились с претензией, что у них в ванной слышен запах ацетона, и этот ацетон, якобы, находится у меня дома в ванной.

Это — семья заместителя министра здравоохранения.

Я ушёл домой чуть пооправдывавшись, что, мол, у меня нет ремонтов, ацетона и так далее.

Ещё через день соседи (семья генерала) говорили о том, что я выбрасываю мусор из кухонного окна.

Я промолчал.

На следующий день я думал об этих трёх "претензиях" ко мне и у меня появились мысли...

Через пару дней захожу в дом, а в парадном стоит пара соседей, и вот я им говорю:

— Представляете, захожу в ванную (а там помещение-то два метра квадратных) и нахожу канистру с ацетоном: ведра четыре, не меньше...

Соседи дико обрадовались. Женщина спрашивает меня:

— А она с крышкой?

— Нет! — говорю. — В том-то и всё дело. Открыта... Это жена смывает лак с ногтей уже десять лет. Они радовались как дети. Нашли всё-таки источник запаха в своей ванной!

Я продолжал:

— Окурки в губной помаде на балконе — так это моя внучка. Мы ей говорим: покурила, туши окурок в пепельнице. Но ей пять лет и она не очень ещё понимает как себя вести с окурками...

Соседи обрадовано кивали головами.

— А с мусором тоже изучил вопрос. Жена посылает внука вынести мусор (пятый этаж, лифт, улица, автомобили), а ему чуть больше года и он не слушается — открывает окно и выбрасывает мусор на улицу. Поэтому, — говорю, — решайте вопрос с моей семьёй...

— Мы вызовем санэпидемстанцию, — сказали они.

— Да вызывайте. Я не против.

В лифте меня разрывал смех. Я его сдерживал.

А дома говорю внучке:

— Маша, я сказал соседям, что ты куришь и бросаешь окурки им на балкон.

Маша улыбнулась:

— Я не курю.

— Не знаю, Маша. Но окурки в губной помаде.

Каким гротеском описать абсурд людей в сегодняшним постсоветском мире: генерал, замминистра и их жены с высшим образованием? То ли политики забили головы всем? Но верят абсурду и радуются.

Мир болен...

Поэзия?..

14.01.2014

Содержание

М.Малюк. Поэзия как предвидение 3

«Ненасытно и жадно...» 8
«Ленин стоит под трубой...» 11
«— Народу...» 16
«Кони в яблоках...» 22
«В сетях на сайте...» 25
«Я на пенсии лет пять...» 31
«Мария...» 36
«Блуд...» 42
«Отдавая отнятое время...» 44
«Пусти меня ты, Боже...» 46
«На дно депрессии, невроза...» 48
«А мне бы пароходом где-то...» 50
«Клапан...» 52
«Главком пошёл в обком...» 55
«В четыре и семь минут...» 57
«После отлета...» 60
«Выживать...» 64
«В белом дыму...» 66
«Я осень провожаю...» 68
«То было там...» 72
«Мрак нечистой плотности...» 74
«Врадиевский отдел милиции...» 77
«Во мрачном мареве...» 79
«— По голове...» 83
«Слава нашей оппозиции...» 88
«И снова война...» 90
«Русские, русские...» 94
«Рев...» 96
«Народ восстал...» 101
«Откройте двери...» 105
«Штрих...» 107
«Пропажа...» 113
«Кулисы...» 118
«Слава...» 122
«Революция...» 125
«В бывшей советской ...» 127
«Как-то незаметно...» 129
«В судьбу не верю...» 134
«Срубив концы...» 138
«Отворачиваюсь, чтобы...» 143
«Его мудрость...» 146
«И скандируют лозунги...» 152
«Капля воды...» 154
«В стране постсоветской...» 157
«Я, скорее, грешный совсем:...» 159

«Бомбардировщик...» 161
«Боже...» 165
«Влада надовго...» 167
«Ночью в доме что-то...» 170
«А я рвусь назад...» 173
«Каждый день ...» 175
«На Зверинецком кладбище...» 182
«Олигархия — базис ...» 185
«Круглые столы ...» 189
«Политический кризис...» 191
«Лемех плуга вгрызается...» 194
«Текущий момент в стране...» 200
«Майдан...» 202
«территория без обмана...» 202
«Он проклят будет...» 205
«Тоска...» 209
«Готовили теракт...» 214
«В телестудии под...» 217
«Боже милостивый...» 220
«Голова надувает щеки...» 223
«Читаем Фрейда...» 226
«Белый снег с небес...» 229
«Вчера вечером одномоментно...» 235
«В такой огромной массе ...» 240
«Закончился Вильнюсский саммит...» 243
«Шаг ...» 248
«Следят по постсоветчине...» 253
«Рушился, падал...» 256
«Нажравшись виски...» 260
«Грюки, стуки...» 265
«Январь...» 269
«Волна вылетает...» 271
«Миниатюрная...» 276
«Я мечтал...» 277
«Зона, зона...» 280
«Камни драгоценные...» 284
«Йшли брехи...» 287
«За одну мою каплю...» 292
«Они все ставили на деньги...» 296
«Предатель с предателем...» 297
«— Не дай вам Бог...» 299
«— Хай Шакал поверне...» 300
«Рудименты советской эпохи...» 302
«Звон колокола храма...» 303
«По земле покрытой...» 305
«Під хлівом біля клуні...» 307
«Слава при жизни...» 309
«Нежность любви сверхвысокой...» 311
«И снова неспокойно...» 313
«Монастырские леса...» 317
«Одна крайность на другую сменяется...» 320

«Всё прожитое...» 322
«Собрал антихрист как-то в ночь...» 324
«Полфевраля и снова — весна...» 326
«Політичні вечорниці...» 328
«Березня стікали дні...» 331
«Писал книжки наш президент...» 334
«Власть...» 336
«Который день...» 339
«В Гуті серед ночі...» 343
«Вчера была гроза...» 348
«— Двадцять років...» 351
«Стогнала, вищала, вила...» 355
«Мои книги...» 359
«За внешне красивым...» 361
«Оргазмы, поллюции...» 365
«Типа ищет милиция...» 368
«Суразы, несуразы...» 371

Послесловие 379

Літературно-художнє видання

Можаровський А.І.
Штрих і прочерк. *Поезії.* — К.: «Неопалима купина»,
М75 2014. — 384 с.
ISBN 978-966-2002-2
Нова книга Анатолія Можаровського — спроба поета глибше увійти в життя і змінити його власним баченням, власною правдою.

УДК 821.161.1-1
ББК 84.4(2Рос=Рус)6-5

Відповідальний за випуск
Михайло МАЛЮК

Комп'ютерна верстка
Ганни СОЛДАТЕНКО

Художнє оформлення
Світлани УРБАНСЬКОЇ

Здано до виробництва та підписано до друку 31.03.2014.
Формат 60x100 1/16. Зам № 214-6987
Ум.друк.арк. 24,0.

Видавничо-поліграфічний центр "Київський університет"
01601 м. Київ, б-р. Т.Шевченка,14, кім.43
Свідоцтво ДК №1103 від 31.10.2002

Анатолий Можаровский родился 20 ноября 1954 года в селе Кочеров на Житомирщине. Окончил Киевский институт железнодорожного транспорта. Работал на железной дороге, занимался научной и преподавательской деятельностью.

Поэт, прозаик, публицист. Автор книг «Бандустан», «Великое покраснение», «Цепь шокирующих потрясений», «Роковой дебаркадер», «Я слышу музыку небес», «Белая вишня», «Эпоха в застенке», «Я сын травы, деревьев, птиц», «Будильник совести», «Оттенки и тени», «Звёздный ветер», «Ноль и стая», «Шаги», «Последний вагон», «Углы».